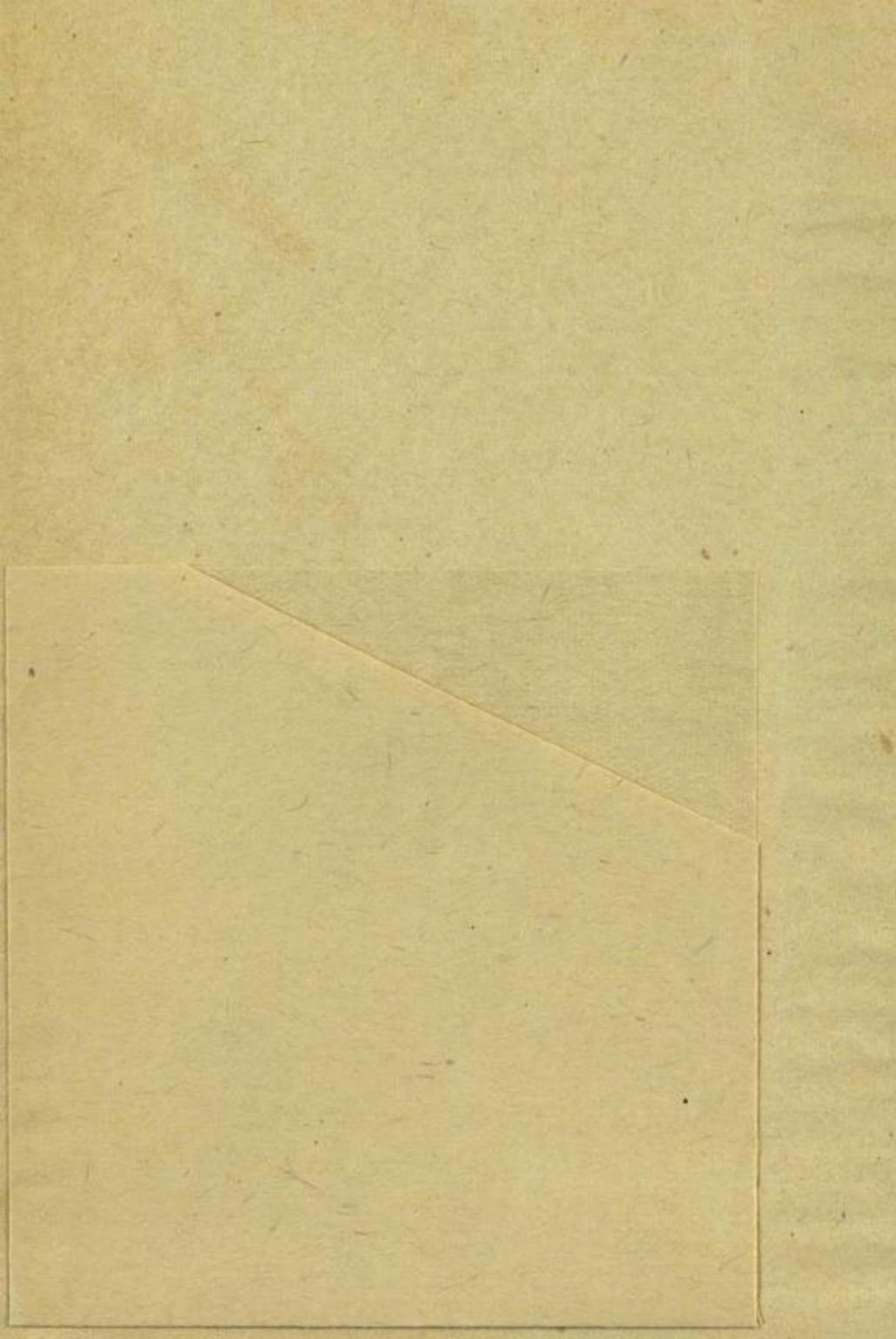
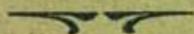

17.128.3.11.

ПУТЕШЕСТВІЕ КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

1-124

Въ текстѣ свыше 50-ти фототипій и видовъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО

„ПРОСВѢТЪ“

Одесса. 1912 годъ.

№ 128. 3-11.

ПУТЕШЕСТВІЕ

КЪ СЪВЕРНОМУ ПОЛЮСУ.

Въ текстѣ свыше 50-ти фототипій и видовъ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО
„ПРОСВѢТЪ“

Полярная экспедиція Андрэ. (1896—1897).

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Въ воскресенье, 11 іюля 1897 г. изъ порта Вирго на Шницбергенѣ поднялся аэростатъ «Огненъ», унося въ своей лодкѣ Андрэ, Стриндберга и Френкеля, смѣлыхъ изслѣдователей, отправлявшихся покорить сѣверный полюсъ.

Во всѣхъ газетахъ и журналахъ сейчасъ же появились различныя статьи по этому поводу: одни предсказывали успѣхъ, другія высказывали болѣе пессимистическіе взгляды, словомъ, каждый судилъ объ этой необыкновенной экспедиціи съ своей точки зрѣнія.

Первая часть этого смѣлаго предпріятія выполнена, и теперь встаетъ страшный вопросъ:

Гдѣ они?

Попрежнему шли различныя толки. Между тѣмъ, около середины августа сдѣлалось извѣстнымъ, что одинъ изъ почтовыхъ голубей, принадлежащихъ къ экспедиціи Андрэ, былъ убитъ 22 іюля матросомъ рыбачьяго судна «Алкенъ» между Сѣвернымъ мысомъ Шницбергена и семью Островами, около 80° сѣверной широты. Этотъ голубь несъ

депешу, которая была передана слишкомъ мѣсяць спустя, когда китоловное судно «Аiken» вернулось въ Гаммерфестъ. Она состояла въ слѣдующемъ:

«13 юля, 12 ч. 30 м. пополудни, $82^{\circ},2$ сѣверной широты, $15^{\circ},5$ восточной долготы. Быстро двигаемся къ сѣверу. На шарѣ все благополучно. Это третья депеша голубиной почтой.

«Андрэ».

И такъ, Андрэ пустилъ трехъ голубей менѣе, чѣмъ за три дня, и аэростатъ прошелъ за это время около 300 километровъ, что можно объяснить тѣмъ, что во второй день не было вѣтра.

Съ тѣхъ поръ не было получено другого сколько нибудь вѣроятнаго извѣстія. Много шума надѣлала телеграмма изъ Красноярска въ Сибири о томъ, что 14 сентября въ Енисейской губерніи втеченіе нѣсколькихъ минутъ видѣли шаръ, принадлежащій, какъ предполагаютъ, Андрэ.

Эта телеграмма была очень неопредѣленна. Если предположить, что аэростатъ болѣе шестидесяти дней держался въ воздухѣ, что еще можно допустить, то для того, чтобы достигнуть этого мѣста, онъ долженъ былъ пролетѣть болѣе 1000 километровъ надъ населенными странами, оставаясь незамѣченнымъ, что является крайне сомнительнымъ. Съ другой стороны Андрэ, не пролетѣлъ бы

такого большого разстоянія надъ страной, гдѣ сообщенія относительно легки и гдѣ бы онъ могъ быть въ полной безопасности, не спустившись на землю и не остановившись на время.

Но нельзя терять надежды, зная характеръ этихъ рѣдкихъ людей, смѣло идущихъ на встрѣчу неизвѣстности изъ желанія приподнять завѣсу, скрывающую отъ смертныхъ эти таинственные области, нельзя отчаиваться, прочитавъ рассказъ о чудесномъ путешествіи Нансена и его спутниковъ.

Развѣ Андрэ не покровительствовали до сихъ поръ счастье и случай? Развѣ онъ въ своей карьерѣ аэронавта не избѣжалъ опасныхъ крушеній, въ которыхъ погибли бы другіе? Будемъ надѣяться, что счастливая звѣзда его не оставитъ и что судьба, покровительствующая смѣлымъ, скоро вернетъ къ намъ съ побѣдой этихъ трехъ достойныхъ удивленія ученыхъ.

Начало экспедиціи было впрочемъ очень трудно: всевозможнаго рода препятствія, дурная погода, а въ особенности неблагоприятные вѣтры заставили храбрыхъ путешественниковъ дважды приниматься за нее, раньше, чѣмъ они могли покинуть землю и полетѣть по направленію къ этому недостижимому полюсу, отысканіе котораго стоило уже жизни столькимъ знаменитымъ ученымъ.

Первая экспедиція, организованная въ іюнѣ

1896 г., отправилась на Шпицбергенъ, перевезла туда аэростатъ и все необходимое для того, чтобы его наполнить; потомъ, послѣ долгаго ожиданія южнаго вѣтра, который все не появлялся, когда значительная часть лѣта прошла, изслѣдователи были принуждены вернуться въ Европу.

Раньше, чѣмъ говорить о приготовленіяхъ ко второй экспедиціи и начать рассказъ о нашемъ путешествіи черезъ Ледовитый океанъ, мы считаемъ полезнымъ передать вкратцѣ исторію шведской экспедиціи, къ которой мы имѣли честь принадлежать, и сообщить нѣкоторыя подробности относительно устройства воздушнаго корабля и относительно работъ, произведенныхъ въ прошломъ году на Датскомъ островѣ.

Чтобы осуществить такое предпріятіе въ столь короткое время, среди безчисленныхъ трудностей, въ такой суровой странѣ, нужно было преодолѣть столько препятствій, что было физически невозможно, какъ это будетъ видно далѣе, закончить этотъ большой трудъ въ срокъ около двухъ мѣсяцевъ.

А. Лашамбръ.

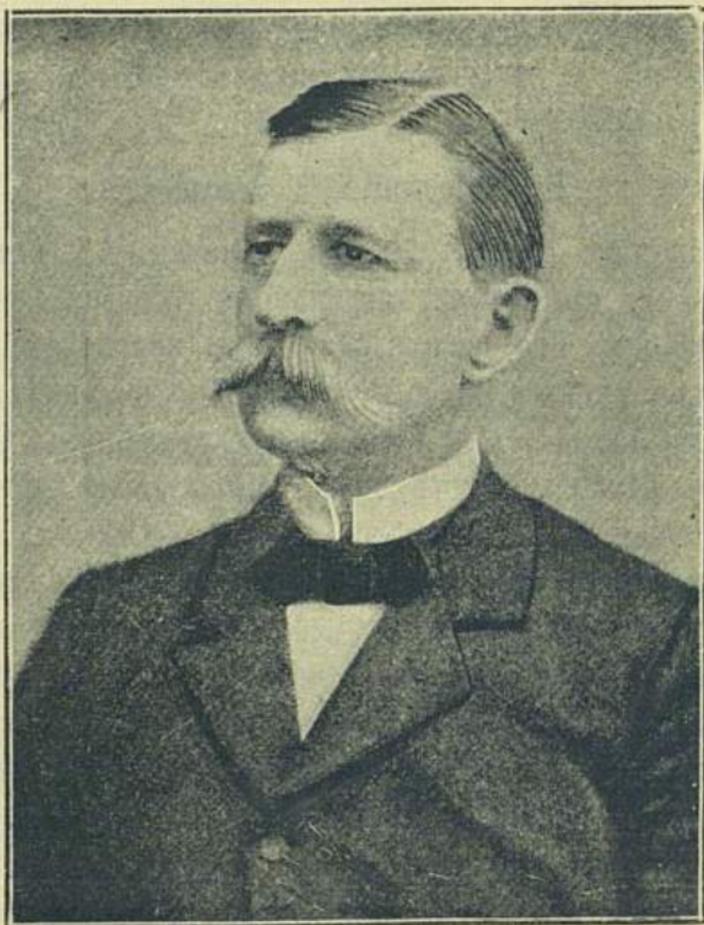
Инженеръ Андрэ.

Биографическій очеркъ.

Саломонъ-Августъ Андрэ родился 18 октября 1854 г. въ Греннѣ, маленькомъ городкѣ округа Смойландъ. Его отецъ былъ тамъ аптекаремъ. Нѣсколько суровое воспитаніе отца рано развило въ дѣтяхъ Андрэ послушаніе и пунктуальность. Отецъ умеръ нѣсколько лѣтъ тому назадъ; мать, почтенная женщина, скончалась весной 1897 г.

Закончивъ школьное образованіе, молодой Андрэ поступилъ въ Техническую Школу, которая въ Швеціи соотвѣтствуетъ Политехнической Школѣ во Франціи, но предназначена исключительно для гражданскихъ инженеровъ, такъ какъ для артиллерійскихъ офицеровъ и военныхъ инженеровъ существуетъ особое высшее учебное заведеніе. Онъ избралъ въ школѣ механической отдѣлъ и вышелъ оттуда инженеромъ; потомъ онъ работалъ нѣкоторое время, какъ это часто дѣлается въ Швеціи, на заводѣ въ качествѣ простаго механика, раздѣляя во всемъ жизнь простаго рабочаго. Позже онъ совер-

шилъ нѣсколько путешествій за границу для усовершенствованія.

С. А. Андрэ, инженеръ, начальникъ экспедиціи.

Его теоретическія и практическія познанія обратили на себя вниманіе, и въ 26 лѣтъ онъ былъ

назначенъ сверхштатнымъ профессоромъ чистой и прикладной физики въ Технической Школѣ.

Въ двадцать восемь лѣтъ, въ 1882 году, онъ участвовалъ въ шведской метеорологической экспедиціи на Шпицбергенъ; онъ остался тамъ до слѣдующаго года, руководя опытами и наблюденіями относительно атмосфернаго электричества.

Въ 1884 г. Андрэ былъ назначенъ на незадолго до этого учрежденный постъ главнаго инженера въ Бюро привилегій и отъ 1886 г. по 1889 г. онъ одновременно съ этимъ занималъ кафедру въ Технической Школѣ въ Стокгольмѣ.

Но постъ управляющаго Бюро привилегій, имѣвшій первостепенную важность, требовалъ всѣхъ его силъ и не оставлялъ ему свободнаго времени, влѣдствіе чего Андрэ былъ принужденъ отказаться отъ профессуры. Но онъ не могъ отказаться отъ мысли о воздухоплаваніи съ научной цѣлью, мысли, которая его занимала еще съ ранней юности.

Шведская Академія наукъ, членами которой считаются такіе знаменитые ученые, какъ А. Норденшильдъ, Г. Ретціусъ, математикъ Г. Миттагъ-Лаффлеръ, археологи Г. Гильдебранъ и О. Монтелиусъ и другія извѣстныя и уважаемыя въ ученомъ мірѣ лица, обратила вниманіе на планы Андрэ, и въ 1892 г. онъ получилъ отъ Академіи и отъ учрежденія «въ память Л. Г. Гьерта» субсидію для того,

чтобы предпринять воздухоплавание съ научной цѣлью, чего еще никогда не было въ Швеціи.

Съ этихъ поръ Андрэ отдается всецѣло аэронавтикѣ и совершаетъ свое первое воздухоплавание изъ Стокгольма лѣтомъ 1893 года.

Послѣ этого онъ совершилъ еще нѣсколько воздухоплаваній, между которыми были и очень опасныя, и которыя закончились крушеніемъ на Балтійскомъ морѣ. Во время одного путешествія онъ отъ Готенбурга прилетѣлъ къ Балтійскому морю, во всю ширину пересѣкая Швецію; опусканіе на рифы, окружающіе островъ Гоэландъ, представляло величайшія трудности. Этотъ послѣдній опытъ едва не стоилъ жизни Андрэ, но такія незначительныя приключенія не въ состояніи лишить бодрости чловека съ его характеромъ.

Онъ нѣсколько разъ пытался дѣлать уклоненія съ помощью руля и паруса и пришелъ къ тому заключенію, что возможно регулировать движеніе аэростата, удерживая его на незначительной высотѣ.

Въ началѣ 1895 г. Андрэ представилъ Академіи наукъ зрѣло обдуманый проектъ изслѣдованія на аэростатѣ области сѣвернаго полюса; подъемъ долженъ былъ совершиться съ Шпицбергена, гдѣ должно было происходить наполненіе шара.

Смѣта расходовъ достигала 130,000 кронъ (около 180,500 франковъ).

Объявили національную подписку, которая была покрыта въ нѣсколько дней щедрыми жертвователями.

А. Нобель, къ сожалѣнію уже умершій, Кронъ подписался на 65,000

Король Шведскій, желая выразить свой интересъ къ этой экспедиціи, далъ. 30,000

Баронъ Диксонъ, извѣстный своей щедростью, далъ также 30,000

Остальная сумма была пополнена г. Ламмомъ и нѣкоторыми другими жертвователями.

Г. Ламмъ взялъ кромѣ того на себя механическую часть главнѣйшихъ приборовъ.

Когда экономическая сторона дѣла была обезпечена, Андрэ совершилъ нѣсколько путешествій по Европѣ съ цѣлью войти въ личныя сношенія съ иностранными знаменитыми учеными и заинтересовать ихъ этимъ смѣлымъ предпріятіемъ. Онъ посѣтилъ одно за другимъ аэронавтическія учрежденія, собралъ образчики различныхъ употребляемыхъ тканей и совѣтовался съ различными строителями.

Вернувшись въ Стокгольмъ, онъ старательно подвергаетъ пробамъ привезенные образцы, интересуется англійскими и нѣмецкими, но отдаетъ предпочтеніе французскому производству и останавливаетъ окончательно свой выборъ на китайскомъ шелкѣ, пропитанномъ лакомъ, въ двойную, трой-

ную и четвертную толщину. Ткань эта испытана и признана хорошей уже нѣсколько лѣтъ тому назадъ А. Лашамбромъ, которому онъ поручаетъ постройку аэростата съ условіемъ, что этотъ послѣдній послѣдуетъ съ экспедиціей на Шпицбергенъ, гдѣ онъ можетъ быть полезенъ своимъ опытомъ.

ВОЗДУШНЫЙ КОРАБЛЬ.

Описание аэростата полярной экспедиции Андрэ и приборовъ, сдѣланныхъ въ аэростатическихъ мастерскихъ Вожирара.

Послѣ долгихъ размышлений Андрэ рѣшаетъ придать своему аэростату объемъ въ 4500 метровъ и форму шара, имѣющаго въ концѣ слегка коническій придатокъ.

Диаметръ этого шара, имѣющаго два боковыхъ механическихъ клапана, одинъ автоматическій внизу и одинъ закрывающій верхнее отверстіе, составляетъ 20,50 метровъ, а поверхность его равна 1321 метру. Онъ заключенъ въ сѣтку изъ пеньковыхъ веревокъ, которыя внизу сходятся по нѣсколько вмѣстѣ или висятъ отдѣльно и соединяются съ лодкой посредствомъ вспомогательнаго круга.

Верхняя часть аэростата предохраняется отъ дождя и снѣга сорочкой изъ шелка, пропитаннаго лакомъ, верхушка которой прикрѣплена къ верхнему полюсу оболочки, а нижній край—къ отверстіямъ сѣтки.

Оболочка. — Для приготовленія оболочки употреблено 600 штукъ китайскаго шелка лучшаго

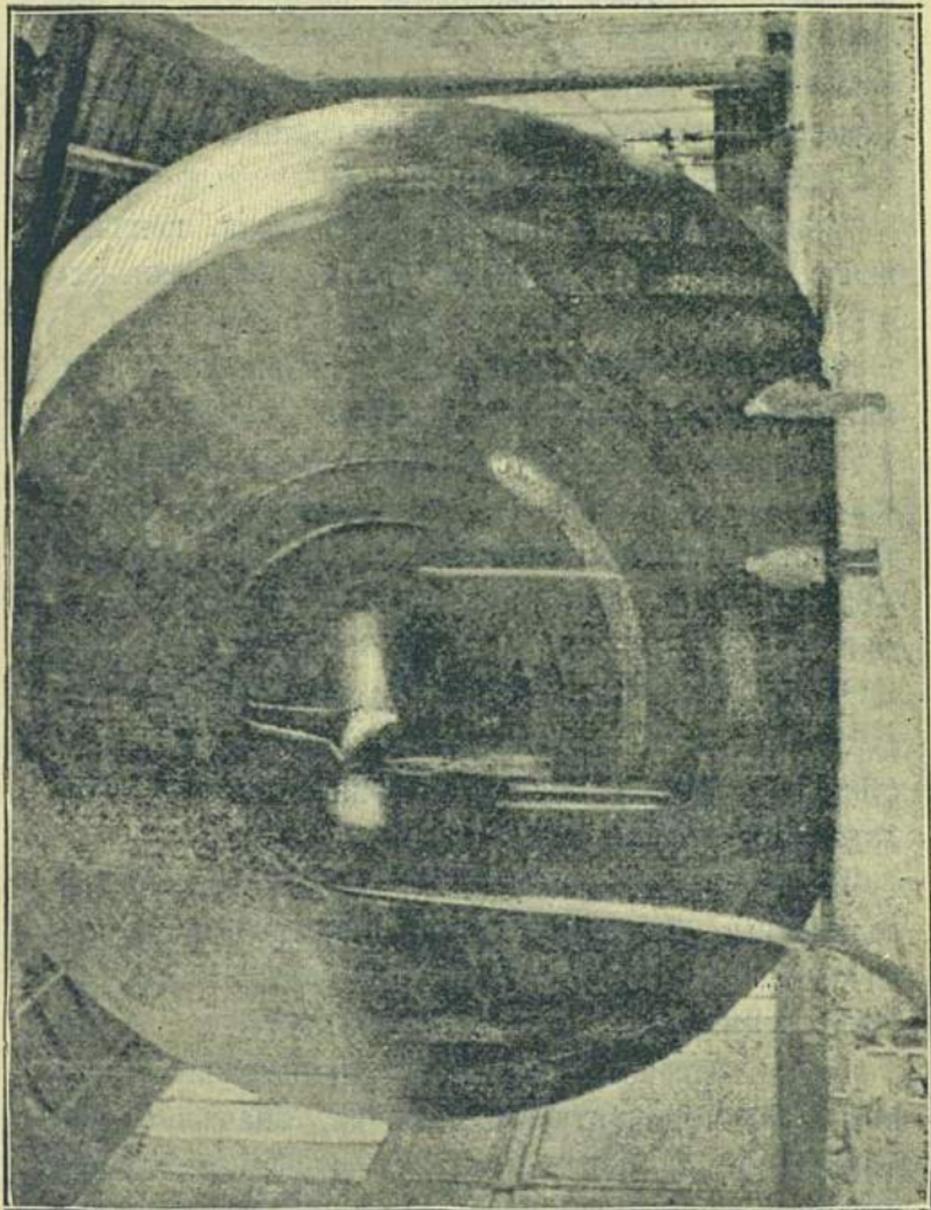
качества, отъ 17 до 18 метровъ длины каждая, на ширину около 48 сантиметровъ. Отъ каждой штуки отрѣзываютъ по куску, который испытываютъ въ обоихъ направленіяхъ; затѣмъ куски выбираются сообразно съ ихъ прочностью и пропитываются лакомъ.

Всѣ эти пропитанные лакомъ куски снова подвергаются испытанію раньше, чѣмъ идутъ въ дѣло. Пробы производятся на динамометрѣ Перро надъ полосами въ 5 сантиметровъ шириной и 10 сантиметровъ длиной подъ наблюдениемъ гг. П. Норденфельда и Ноэля, инженеровъ Общества Норденфельдъ, которому Андрэ поручилъ освидѣтельствовать матеріалы, употребляемые при устройствѣ его аэростата.

Пробы даютъ слѣдующіе результаты: при двойной ткани прочность колеблется между 2400 и 3600 кило на метръ, въ тройной ткани отъ 3200 до 5500, а четверная ткань, составленная изъ самыхъ лучшихъ кусковъ, даетъ отъ 6600 до 7200 кило на метръ.

Минимумъ прочности, которой требовалъ Андрэ представлялъ 1000 кило на метръ,—если матерія взята въ одну толщину; этотъ минимумъ, слѣдовательно, въ значительной степени превышенъ.

Пропитанные лакомъ куски располагаются на поверхности аэростата по степени своей прочности

Видъ нижней части аэростата Андра.

сообразно съ тѣмъ давленіемъ, которому она будетъ подвергаться.

Верхняя часть оболочки представляетъ собой дискъ, 6 метровъ въ діаметрѣ, составленный изъ 24 кусковъ четвернаго шелка.

Слѣдующая часть, изъ тройнаго шелка, кончающаяся на 4 метра ниже экватора, составлена изъ 41 пояса по 48 кусковъ въ каждомъ.

Остальная часть шара до нижней параллели, имѣющей 7 метровъ въ діаметрѣ, состоитъ изъ 22 поясовъ по 48 кусковъ, и наконецъ нижняя часть, включая сюда и придатокъ, сдѣлана изъ тройнаго шелка и состоитъ изъ 5 поясовъ по 48 кусковъ и 3 поясовъ по 24 куска въ каждомъ.

Части, сдѣланныя изъ двойнаго шелка, и части, сдѣланныя изъ тройнаго, соединены поясомъ, состоящимъ наполовину изъ двойнаго, наполовину изъ тройнаго шелка.

Куски, составляющіе одинъ поясъ, совершенно одинаковы. Чтобы точно опредѣлить форму различныхъ кусковъ, нужно 72 чертежа. Всего кусковъ 3360.

Куски выкраивались рѣзцомъ при помощи стальной линейки по контурамъ патрона. Сначала соединяются куски одного и того же пояса, а эти послѣдніе соединяются такимъ образомъ, чтобы куски выходили одинъ изъ за другого, что придаетъ аэро-

стату такой видъ, будто онъ сдѣланъ изъ кирпичей, или изъ каменныхъ плитъ.

Края кусковъ, въ которыхъ они соединяются между собой, шириной въ 16 миллиметровъ, склеены, а потомъ прошиты на машинѣ шелковой ниткой въ три ряда по двойной и тройной матеріи и въ четыре—по четверной.

Эти швы покрыты затѣмъ внутри и снаружи полосками шелка въ 40 миллиметровъ шириной, пропитанными особымъ, недавно изобрѣтеннымъ А. Лашамбромъ лакомъ.

Полосы, пропитанныя этимъ новымъ составомъ, дѣлають швы непроницаемыми и возвращають мѣстамъ соединенія кусковъ ту прочность, которую они потеряли, благодаря швамъ.

Лакъ, употребляемый при этомъ, удовлетворяетъ всѣмъ необходимымъ условіямъ: онъ оставляетъ матеріи ея естественную упругость, не поддается дѣйствию лака, покрывающаго шаръ, который содержитъ льняное масло, и не подвергается порчѣ отъ дождя и измѣненій температуры.

Когда швы такимъ образомъ задѣланы, пробуютъ ихъ прочность, и она оказывается болѣе значительной, чѣмъ въ остальныхъ частяхъ. Андрэ, желающій только одинаковой прочности, конечно, очень доволенъ такими результатами.

Длина швовъ равна 4,400 метрамъ въ три и

четыре ряда, что составляет линію шва въ 14,000 метровъ; вся длина приклеенныхъ полосъ достигаетъ 9,000 метровъ.

Сначала сдѣланы оба полушарія аэростата; ихъ вѣсъ составляетъ 960 кило и раньше, чѣмъ наложить послѣдній экваторіальный шовъ, закрывающій шаръ, ихъ покрываютъ тройнымъ слоемъ лака Арну (лучшій, извѣстный до сихъ поръ лакъ для аэростата). Послѣдній, четвертый слой кладется послѣ соединенія обоихъ полушарій, во дворцѣ Марсова Поля, оставшемся съ выставки 1889 г.

Сѣтка.—Сѣтка полярнаго аэростата сдѣлана изъ 384 пеньковыхъ веревокъ, имѣющихъ въ діаметрѣ 5,5 миллиметровъ и длиною въ 65 метровъ каждая. Прочность ихъ не меньше 360 кило (Во время сдѣланныхъ опытовъ минимальная прочность была 420 кило при максимальной въ 540 кило).

Всѣ веревки нигдѣ не связаны; оба конца каждой изъ нихъ укрѣплены вверху на веревочномъ кольцѣ, имѣющемъ 69 сантиметровъ въ діаметрѣ и 6 сантиметровъ толщины. Въ этой сѣткѣ нѣтъ узловъ; въ точкахъ соединенія веревки продѣты одна въ другую. Такъ была сдѣлана сѣтка въ привязанномъ аэростатѣ (ballon captif) Анри Жиффара въ 1878 г.

Точки скрещиванія веревокъ крѣпко перевязаны тонкимъ шнуркомъ.

Окружность сѣтки на всякой высотѣ состоитъ

изъ 192 клѣтокъ, размѣры которыхъ измѣняются сообразно съ поверхностью поясовъ, которые они должны покрывать. Эти клѣтки, число которыхъ не менѣе 19,000, составляютъ длину шнура около 15,000 метровъ.

Нижняя часть сѣтки составлена тремя поясами соединенныхъ по нѣсколько веревокъ; въ каждомъ нижнемъ поясѣ вдвое меньше клѣтокъ, чѣмъ въ предыдущемъ.

Первый поясъ натянуть на коуши изъ никелированной мѣди, второй и третій на деревянные блоки со шкивами изъ бакаутоваго дерева. Сѣтка заканчивается 48 висящими свободными веревками съ петлями на концахъ, которыя служатъ для того, чтобы связать сѣтку съ сдерживающимъ кругомъ. Эти висящія веревки имѣютъ въ діаметрѣ 18 миллиметровъ, а прочность ихъ не менѣе 3,000 кило.

Такимъ образомъ, сдѣланная сѣтка вѣсила 352 кило; чтобы предохранить веревку отъ сырости, ее покрыли вазелиномъ, за исключеніемъ верхней части, покрытой сорочкой изъ пропитаннаго лакомъ шелка, послѣ чего вѣсъ сѣтки составлялъ 442 кило.

На экваторѣ сѣтки прикрѣпляется восемь ножекъ, которыя легко можно снять. Онѣ будутъ служить для того, чтобы удерживать аэростатъ и не дать ему качаться въ сараѣ, въ которомъ онъ будетъ

стоять на Шпицбергенѣ въ ожиданіи вѣтра, благоприятнаго для отправленія экспедиціи.

Сорочка. — Шаровидный колпакъ, сдѣланный изъ шелка, покрытаго четвертымъ слоемъ лака, а потомъ вазелиномъ, поверхность котораго составляетъ 145 кв. метровъ, покрываетъ верхнюю часть воздушнаго шара; колпакъ этотъ сдѣланъ, какъ и аэростатъ, изъ кусковъ, уложенныхъ такимъ же образомъ, какъ на оболочкѣ; число ихъ 720.

Швы, шириной въ 8 миллиметровъ сшиты въ два ряда шелковой ниткой; они не покрыты полосами, ихъ длина 600 метровъ.

Верхушка сорочки, имѣющая коническую форму, сдѣлана изъ двойного шелка; она лежитъ на маленькой деревянной подставкѣ, имѣющей также коническую форму, основаніе которой, лежащее на матеріи на верхнемъ полюсѣ аэростата, окружено и сдерживается кольцомъ сѣтки.

Нижній поясъ, которымъ заканчивается сорочка, сдѣланъ изъ двойного шелка; къ наружному краю его въ матерію вшита пеньковая веревка 10 миллиметровъ въ діаметрѣ; тутъ же сдѣлано 96 петель, въ которыя пройдутъ ремни, которыми сорочка прикрѣпляется къ отверстіямъ сѣтки.

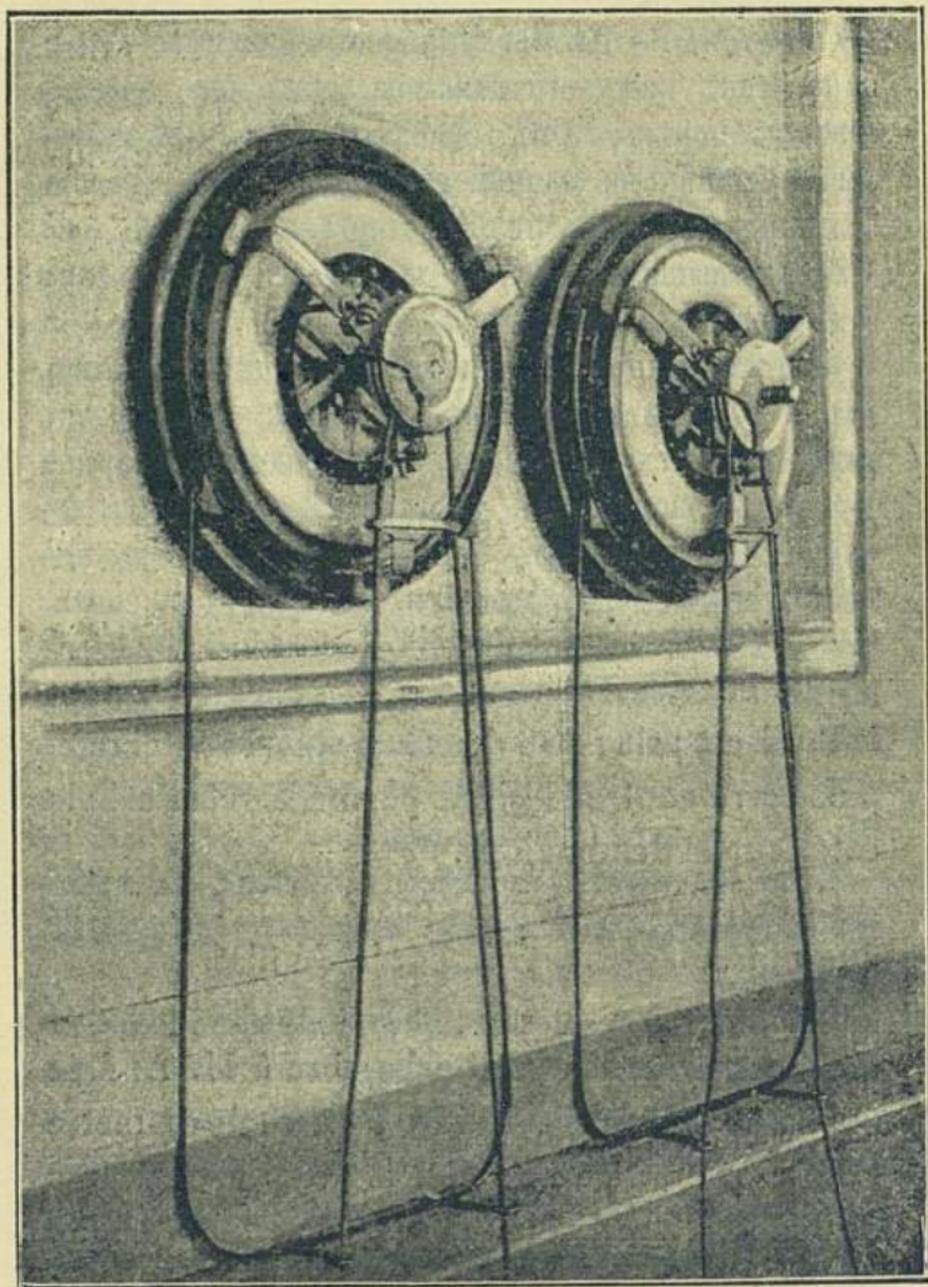
Эта сорочка вѣситъ 40 кило; цѣль ея—предохранить куполъ аэростата отъ дождя, а главнымъ образомъ—не дать снѣгу пробиться черезъ отверстія сѣтки.

Клапаны.— На верху аэростатъ не имѣеть клапана, такъ какъ его дѣйствию могъ бы препятствовать снѣгъ. Онъ снабженъ двумя механическими клапанами одинаковыхъ размѣровъ, расположенныхъ одинъ на экваторѣ, а другой на 1 метръ выше экватора подъ угломъ 150° одинъ отъ другого.

Эти клапаны, системы придуманной Андрэ, имѣють 25 сантиметровъ въ діаметрѣ; каждый изъ нихъ состоитъ изъ диска изъ алюминированной бронзы, имѣющаго въ діаметрѣ 23 сантиметра, лежащаго на кругѣ изъ орѣховаго дерева, отъ котораго онъ можетъ отдаляться, двигаясь вдоль винта, находящагося въ центрѣ. Это движеніе производится изъ лодки посредствомъ двухъ шнурковъ отъ каждаго клапана, проходящихъ внутри аэростата и выходящихъ черезъ придатокъ четыремя, расположенными попарно, трубками.

Непромокаемость достигается круглой каучуковой полосой, на которую опирается наружный край диска.

Отверстіе для истеченія газа имѣеть въ діаметрѣ 20 сантиметровъ. Чтобы прикрѣпить клапаны къ аэростату, въ матеріи сдѣлано два отверстія съ діаметромъ въ 21 сантиметръ. Края этихъ отверстій утолщены рубцами изъ втрое склеенной и прошитой ткани; основаніе каждаго клапана прикрѣпляется внутри къ матеріи, край которой за-

Механическіе клапаны аэростата Андрэ.

ключенъ между двумя каучуковыми пластинками, а потомъ прижать къ основанію наружнымъ деревяннымъ кругомъ и стержнями.

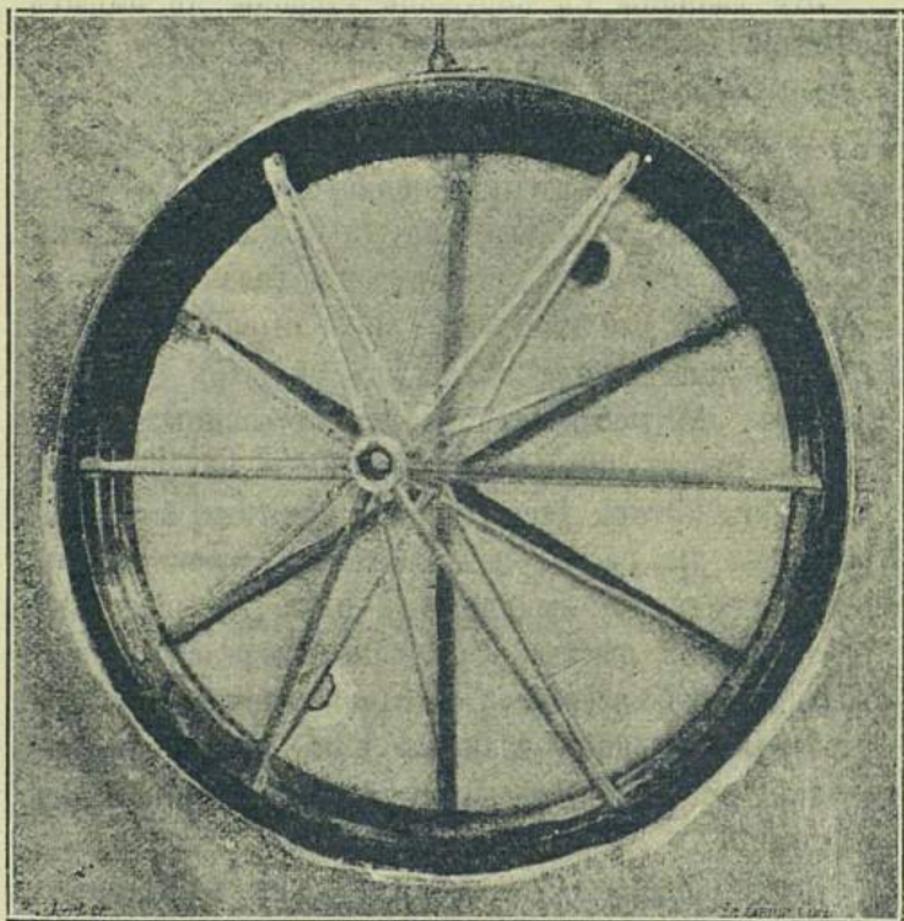
Эти клапаны съ наружной стороны не имѣютъ никакой выпуклости, за которую бы могли цѣпляться отверстія сѣтки.

Автоматическій клапанъ, закрывающій притокъ, былъ предложенъ Лашамбромъ Андрэ, который его одобрилъ. Его наружный діаметръ равенъ 1 метру, отверстіе для истеченія газа имѣетъ въ діаметрѣ 87 сантиметровъ. Захлопывающій дискъ изъ тройного шелка имѣетъ въ діаметрѣ 91 сантиметръ; въ немъ имѣются два стеклянныхъ окошечка, черезъ которыя можно видѣть внутренность аэростата. Этотъ дискъ, слегка конической формы, наложенъ на кольцо изъ орѣховаго дерева, которое служитъ ему основаніемъ и къ которому онъ притягивается шестью пружинами изъ стальной проволоки, прикрѣпленными съ одной стороны къ концу деревянныхъ спицъ клапана, а съ другой къ верхушкѣ небольшой подпорки, прикрѣпленной къ основанію.

Этотъ приборъ, установленный на деревянномъ кольцѣ, состоитъ изъ двѣнадцати трубокъ изъ никелированной стали.

Движеніе клапана управляется центральной стальной трубкой, входящей въ другую трубку, служащую осью прибору; движеніе трубки ограничено

небольшимъ засовомъ, такъ что пространство, проходящее ею, составляетъ половину радіуса отверстия для истечения газа.

Автоматическій предохранительный клапанъ аэростата
Андрэ.

Мѣсто соединенія сдѣлано непроницаемымъ, благодаря мѣдному ножу на периферіи клапана, ле-

жащему на каучуковой полосѣ, натянутой по желобку основанія.

Клапанъ начинаетъ открываться подь вліяніемъ внутренняго давленія, соотвѣтствующаго 10 миллиметрамъ воды. Онъ прикрѣпленъ къ шару внутри придатка, край котораго, помѣщенный между двумя каучуковыми полосами, прижать къ основанію наружнымъ мѣднымъ поясомъ.

Приспособленіе для разрыва аэростата.— Оно имѣетъ 4,50 метра вышины и поверхность въ 4 квадратныхъ метра; состоитъ онъ изъ четырехугольника изъ тройнаго шелка, оканчивающагося криволинейнымъ треугольникомъ, вершина котораго обращена вверхъ. Его вертикальная ось находится между обоими механическими клапанами подь угломъ въ 105° отъ каждаго изъ нихъ; нижнее основаніе въ 90 сантиметровъ шириной находится на 50 сантиметровъ выше экватора.

Швы, соединяющіе матерію этого прибора съ матеріей аэростата, сдѣланы такъ же, какъ и швы между кусками и также обклеены полосками.

Внутри аэростата верхній конецъ прибора сдѣланъ изъ четвернаго шелка; его край охватываетъ твердую деревянную палочку, къ которой прикрѣплена веревка; чтобы произошелъ разрывъ нужно потянуть за эту веревку, которая спускается въ лодку, пройдя въ трубкѣ черезъ нижнюю часть придатка.

Чтобы легко получить разрывъ, для котораго требуется сила около 100—120 кило, Андрэ намѣренъ употреблять маленькій якорь, который онъ прицѣпитъ къ концу веревки и броситъ на землю въ благоприятный моментъ.

Спаданіе аэростата будетъ происходить очень быстро, такъ что какова бы ни была сила вѣтра, его не будетъ уносить въ сторону.

Понятно, что Андрэ будетъ пользоваться этимъ приспособленіемъ только тогда, когда будетъ пролетать надъ гостепріимными странами и захочетъ окончить воздушное путешествіе и окончательно спуститься на землю.

Полосы, защищающія отъ воды. — *Различныя подробности.* — Надъ придаткомъ у параллелей, имѣющихъ 5 и 7 метровъ въ діаметрѣ, прикрѣплены двѣ круглыя вертикальныя полосы въ 10 сантиметровъ длиной.

Эти полосы сдѣланы изъ простого шелка; онѣ служатъ желобами, отводящими воду, которая могла бы течь по матеріи аэростата и защищаютъ отъ дождя также и лодку, гдѣ будутъ находиться наблюдатели.

Внутри придатка, находится другая полоса, положенная такъ, что она образуетъ круглую бадью, собирающую воду, которая можетъ получиться вслѣдствіе сильной конденсаціи газа, содержаща-

гося въ аэростатѣ, и не даетъ этой водѣ скопиться на автоматическомъ клапанѣ.

Между наружной полосой, имѣющей 5 метровъ въ діаметрѣ и придаткомъ, противъ трубки, въ которую проходитъ веревка, укрѣпленъ рукавъ для надуванія шара, длиною въ 6 метровъ.

Оба шнурка, идущіе отъ каждаго механическаго клапана, поддаются усилию; одинъ, открывающій клапанъ, окрашенъ въ синій цвѣтъ, другой, закрывающій его, оставленъ бѣлымъ, цвѣта пеньки.

Веревка, которая производитъ разрывъ, окрашена въ красный цвѣтъ.

Бдоль меридіана, обозначеннаго на оболочкѣ, находятся мѣтки, сдѣланныя красками, съ цифрой, обозначающей объемъ верхняго сегмента 500 на 500 кубическихъ метровъ. Это поможетъ быстро замѣтить, какъ идетъ наполненіе шара на Шпицбергенѣ.

Два другихъ меридіана имѣютъ отмѣтины, къ которымъ будутъ прикрѣплены ремни, придерживающіе паруса, которыми будетъ снабженъ полярный аэростатъ.

Лодка. — При постройкѣ лодки запрещено употребленіе желѣза и стали, чтобы не нарушать дѣйствія магнитныхъ инструментовъ. Форма ея цилиндрическая; она имѣетъ 2 метра въ діаметрѣ; стѣнки сдѣланы изъ плетенаго камыша, наложеннаго на остовъ изъ каштановаго дерева; на ци-

линдрической части сдѣлано восемь ивовыхъ ручекъ, помогающихъ переносить лодку. Дно утолщено деревянными перекладинами, помѣщенными снаружи и прикрѣпленными къ корзинѣ болтами и мѣдными пластинками.

Цилиндрическая часть отрѣзана съ одной стороны плоской поверхностью, которая опредѣляется наклонной плоскостью, прорѣзывающей дно лодки и идущей оттуда до половины высоты цилиндра; длина веревки, спущенной съ плоскости на основаніе, составляетъ 1,30 метра.

Во время спусканія аэростата на землю паденіе лодки будетъ избѣгнуто, благодаря этой плоскости, которая будетъ волочиться по землѣ.

Внутри къ верхнему краю стѣнки по всей его окружности прикрѣплено около сотни шнурковъ, заканчивающихся петлями. Къ этимъ шнуркамъ будутъ привѣшены инструменты и различные предметы.

Крыша лодки представляетъ дискъ, также плетеный, слегка выпуклый для того, чтобы на ней не собиралась вода. Внѣшній край его имѣетъ углубленіе, куда входитъ край лодки, чѣмъ устраняется измѣненіе ея формы. — Деревянные перекладки, прикрѣпленные съ внутренней стороны къ крышкѣ, придаютъ ей прочность, необходимую для того, чтобы удержать наблюдателей, отверстіе, за-

крывающееся подвижной дверью на шарнирахъ, служить для входа и выхода аэронавтовъ.

Надъ пересекающей плоскостью цилиндръ имѣеть два квадратныхъ окошечка, каждая сторона котораго имѣеть 15 сантиметровъ; стѣна, находящаяся въ глубинѣ, имѣеть два квадратныхъ отверстія по 20 сантиметровъ, закрытыхъ деревянными дверьми.

Лодка покрыта непромокаемымъ брезентомъ, прорѣзаннымъ въ мѣстахъ, соответствующихъ ручкамъ корзины.

Брезентъ на крышѣ образуетъ вертикальную обшивку въ 10 сантиметровъ съ отверстиями, въ которыя протекаетъ попавшая туда вода.

Лодка поддерживается шестью пеньковыми веревками 30 миллиметровъ въ діаметрѣ; ихъ прочность соответствуетъ 8000—9000 кило. Онѣ продѣты въ плетенія и сходятся въ глубинѣ лодки, образуя шестиугольникъ.

Надъ крышей онѣ соединены между собой пятью горизонтальными, равной длины веревками, образующими балконъ вышиной въ 1 метръ, которыя будутъ потомъ окружены брезентомъ или другой обшивкой.

Толщина этихъ веревокъ равна 7 миллиметрамъ, за исключеніемъ верхней, имѣющей 10 миллиметровъ.

Приблизительно метра на 2 выше крыши ше-

стиугольникъ, образованный шестью веревками, охваченъ веревочнымъ шестиугольникомъ, внутренней діаметръ котораго составляетъ 1 метръ.

Верхніе концы веревокъ, на которыхъ привѣшена лодка, заканчиваются петлями, которыя соединяють ихъ съ веревками вспомогательнаго круга.

На окружности верхняго края лодки вдѣлано шесть одинаковыхъ мѣдныхъ шаровъ, еоставляющихъ нижнюю часть цѣлой системы цѣпей съ шариками, на которыхъ будетъ держаться особый снарядъ, предназначенный для научныхъ приборовъ. Этотъ снарядъ сдѣланъ въ Стокгольмѣ Андрэ.

Обстановка лодки будетъ также сдѣлана имъ самимъ.

Аэронавты будутъ чаще всего находиться на полу крыши для наблюдений. Внутренность лодки составляетъ ихъ спальню, гдѣ они будутъ отдыхать по очереди.

Знаки экспедиціи.— Всѣ предметы, составляющіе принадлежность аэростата, отмѣчены слѣдующими словами:

Andree's polar expedition 1896.

(Полярная экспедиція Андрэ, 1896),

которыя выжжены на деревянныхъ предметахъ, выгравированы на металлическихъ и написаны прочной краской на сорочкѣ, оболочкѣ, брезентѣ лодки и мѣшкахъ съ балластомъ.

На нѣкоторыхъ веревкахъ сѣтки и веревкахъ, поддерживающихъ лодку, находятся пластинки съ той же мѣткой. На предметахъ небольшихъ мѣтка эта сокращена:

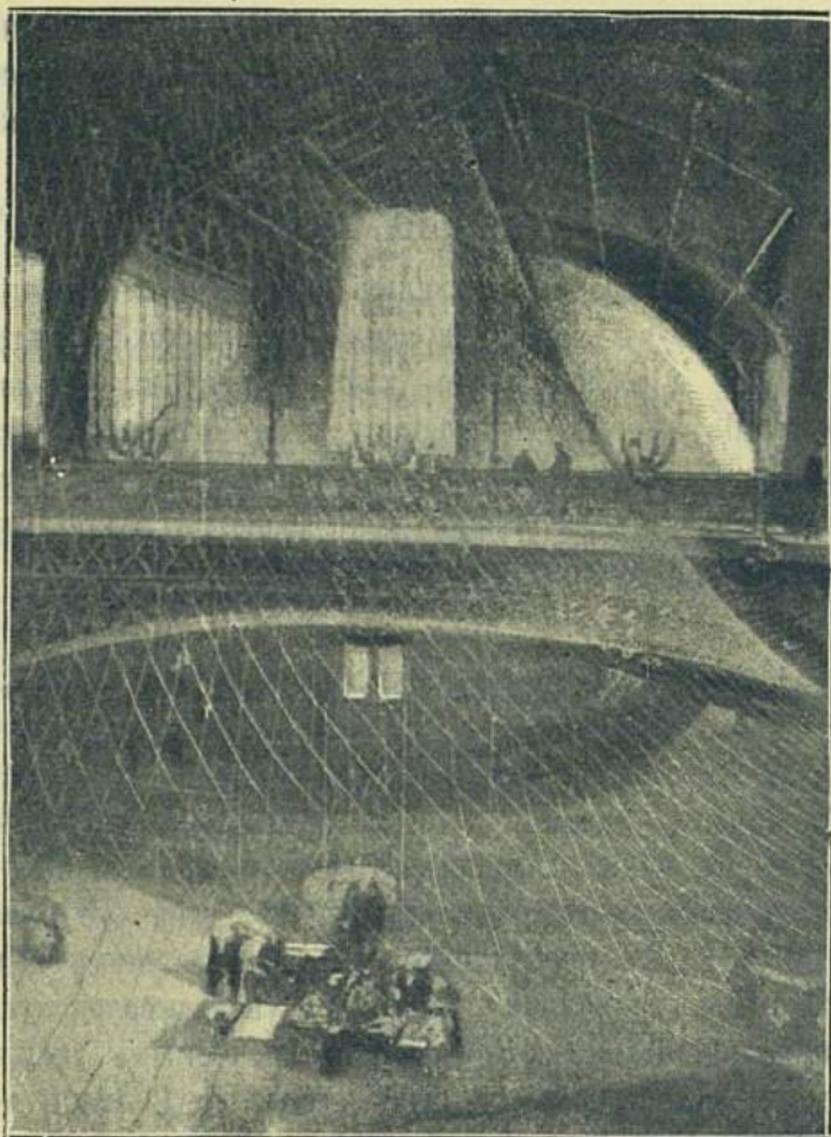
Аее's рхр. 1896.

Въ Стокгольмѣ сдѣланы: кругъ, соединяющій аэростатъ съ лодкой, корзина для провизіи, рули, паруса, и т. п., равно какъ и приборы для добыванія чистаго водороднаго газа, которые будутъ описаны дальше. Только шелковыя трубки, проводящія газъ, и мѣшки для балласта сдѣланы въ Парижѣ и доставлены мастерскими Вожираара.

Выставка аэростата въ «Champ de Mars».

(Постройки, оставшіяся съ выставки 1889 г.).

Заказъ описанныхъ выше предметовъ былъ сдѣланъ въ концѣ декабря 1895 г. Андрэ Лашамбру и долженъ былъ быть сданъ 15 или 20 мая 1896 г. Въ противномъ случаѣ поставщикъ подвергался громадному штрафу, увеличивающемуся пропорціонально количеству просроченныхъ дней и даже, еслибы онъ не былъ сданъ до 3 іюня, то заказъ могъ быть не принятъ. Но работа была закончена въ условленный срокъ, и около конца апрѣля всѣ принадлежности были перенесены въ Champ de Mars въ галлерей въ 30 метровъ, гдѣ

Аэростатъ въ галлерей въ Champ de Mars.
онѣ должны были быть освидѣтельствованы ком-
миссией.

Согласно одной изъ статей контракта, оболочка должна была быть наполнена воздухомъ и до наложенія послѣдняго слоя лака подвергнута внутреннему давленію, равному 75 миллиметрамъ воды.

Этотъ опытъ былъ произведенъ 3 мая въ присутствіи Норденфельда, инженера Общества Норденфельдъ, Гастона Тиссандье, полковника и коменданта Ренаръ, директоровъ центральнаго заведенія военнаго воздухоплаванія въ Шале Медонѣ.

Отверстія аэростата были временно оставлены закрытыми; клапанъ придатка былъ замѣненъ деревяннымъ кругомъ, затянутымъ матеріей, въ которую было вдѣлано стеклянное окно, 20 сантиметровъ въ діаметрѣ, черезъ которое можно было видѣть внутренность шара, который былъ наполненъ съ помощью вентилятора, дающаго около 2000 кубическихъ метровъ въ часъ.

Эксперты Андрэ, слѣдившіе шагъ за шагомъ за постройкой, еще разъ подробно осмотрѣли всѣ части, и признали ихъ безукоризненными и вполне соответствующими желаніямъ, выраженнымъ Андрэ.

Послѣ этого опыта, показавшаго, что оболочка, наполненная воздухомъ, не теряла въ значительной степени, воздухъ изъ нея былъ выпущенъ, и шаръ покрыли послѣднимъ слоемъ лака. Затѣмъ его снова наполнили для просушки.

Сѣтка, повѣшенная за кольцо посрединѣ центральнаго купола и веревки, привязанныя къ бо-

камъ первой галлерей, имѣли видъ большой палатки, верхушка которой находится на разстояніи 40 или 50 метровъ отъ земли.

Лодка, клапаны, словомъ всё предметы, приготовленные въ Парижѣ, были выставлены въ Champ de Mars. Маленькій аэростатъ въ 350 метровъ, совершенно оснащенный, наполненный воздухомъ, висѣлъ рядомъ съ «Pôle Nord» и служилъ для сравненія. Эта выставка, устроенная не съ цѣлью получить какую либо выгоду, была сдѣлана доступной для всѣхъ отъ 10 до 14 мая.

10 мая было предназначено для особо приглашенныхъ лицъ, и Феликсъ Форъ, президентъ республики, первый оказалъ намъ честь своимъ посѣщеніемъ; его сопровождали генераль Турнье и полковникъ Менстре. Онъ интересовался различными частями аэростата и подробностями, касающимися его устройства. Онъ пожелалъ успѣха этой интересной экспедиціи, а потомъ выразилъ Андрэ свое удовольствіе по поводу того, что онъ выбралъ французскаго строителя для своего воздушнаго корабля.

Одновременно съ президентомъ присутствовали: Норденфельдъ, шведскій инженеръ, Гастонъ Тисандье, полковникъ и комендантъ Ренаръ, также слѣдившіе за работами и въ извѣстной степени принимавшіе въ нихъ участіе.

Представителями шведской колоніи были: полно-

мочный министр Дуэ и вице-консуль Густавъ Нордлингъ.

Среди другихъ приглашенныхъ были: префектъ Сены Пубелль, адмираль Салландрузъ де Ларморне, генераль Меатьё, сенаторъ Дековилль, адвокатъ шведскаго посольства Куле и др.

Втеченіе слѣдующихъ четырехъ дней болѣе 30,000 человекъ осмотрѣло аэростать «Pôle Nord» и выразило свои пожеланія успѣха тремъ смѣлымъ изслѣдователямъ, отвагой которыхъ восхищается цѣлый міръ.

А. Машюронъ.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ.

Два мѣсяца на Шпицбергенѣ.

I.

Отъѣздъ.

Я выѣхалъ изъ Парижа вечеромъ 2 іюня 1896 г., съ грустью разставаясь со своей семьей и съ родиной, нѣсколько смущенный встававшей предо мной страшной неизвѣстностью. При воспоминаніи о пессимистическихъ замѣчаніяхъ Янсена; совѣтахъ полковника Шарля Ренара и Г. Тиссандье, мнѣ въ голову приходила масса то веселыхъ, то грустныхъ мыслей относительно судьбы экспедиціи, и я находилъ слишкомъ тяжелой отвѣтственность, которую я взялъ на себя.

Не останавливаясь въ такихъ интересныхъ городахъ какъ Кельнъ, Гамбургъ, Копенгагенъ и др., я пріѣзжаю въ Готенбургъ, гдѣ меня принимаетъ капитанъ Андрэ, братъ изслѣдователя, и хотя я очень усталъ, отъ сорокачасоваго путешествія по желѣзной дорогѣ и на пароходѣ, я раньше всего

отправляюсь на «Virgo», который приютил меня на нѣсколько мѣсяцевъ и приведетъ въ сѣверныя страны.

Андрѣ удачно выбралъ судно для своего путешествія; нагрузкой его руководилъ его братъ.

При моемъ прибытіи работа идетъ съ лихорадочной дѣятельностью, и почти невозможно себѣ представить, какая масса предметовъ помѣщается на этомъ небольшомъ пароходѣ въ триста тоннъ. Я присутствую при нагрузкѣ бочекъ съ сѣрной кислотой, привезенныхъ изъ Англіи.

У насъ отборный экипажъ, состоящій почти исключительно изъ молодыхъ техниковъ, студентовъ политехнической школы въ Стокгольмѣ и офицеровъ, поступившихъ простыми матросами для того, чтобы принять только участіе въ экспедиціи. Видно, что у насъ не будетъ недостатка ни въ отважныхъ, смѣлыхъ морякахъ, ни въ ученыхъ.

Утромъ 5 іюня приѣзжаютъ изъ Стокгольма изслѣдователи. Вечеръ мы проводимъ на торжествѣ у барона Диксона, щедраго покровителя экспедиціи.

Суббота вечеромъ 6 іюня.—Народный праздникъ въ Лоренсбергскомъ паркѣ; многочисленныя рѣчи и горячіе тосты; чтеніе телеграммъ съ пожеланіями успѣха экспедиціи. Столы украшены

великолѣпными букетаму изъ живыхъ цвѣтовъ, заключенными въ пирамиды изъ льда. Эффе́ктъ получается самый живописный. Насколько мнѣ извѣстно, эта мысль еще не приходила хозяевамъ нашихъ крупныхъ кулинарныхъ заведеній; теперь они могутъ ею воспользоваться. Нѣтъ ничего красивѣе отраженія цвѣтовъ и огней люстръ въ этихъ маленькихъ ледяныхъ горкахъ.

Воскресенье 7 июня.— Я прѣзжаю въ гавань въ восемь часовъ утра, «Virgo» принарядился, какъ въ большой праздникъ; его мачты расцвѣчены разноцвѣтными флагами.

На кормѣ гордо развѣвается роскошный шелковый флагъ, подарокъ дамъ Готенбурга... Палуба декорирована цвѣтами и лентами... Я съ волненіемъ замѣчаю свои національные цвѣта.

Всѣ суда въ гавани также украшены флагами и переполнены зрителями. Масса фотографовъ, наведя свои аппараты на «Virgo», приготовляются увѣковѣчить наружность судна.

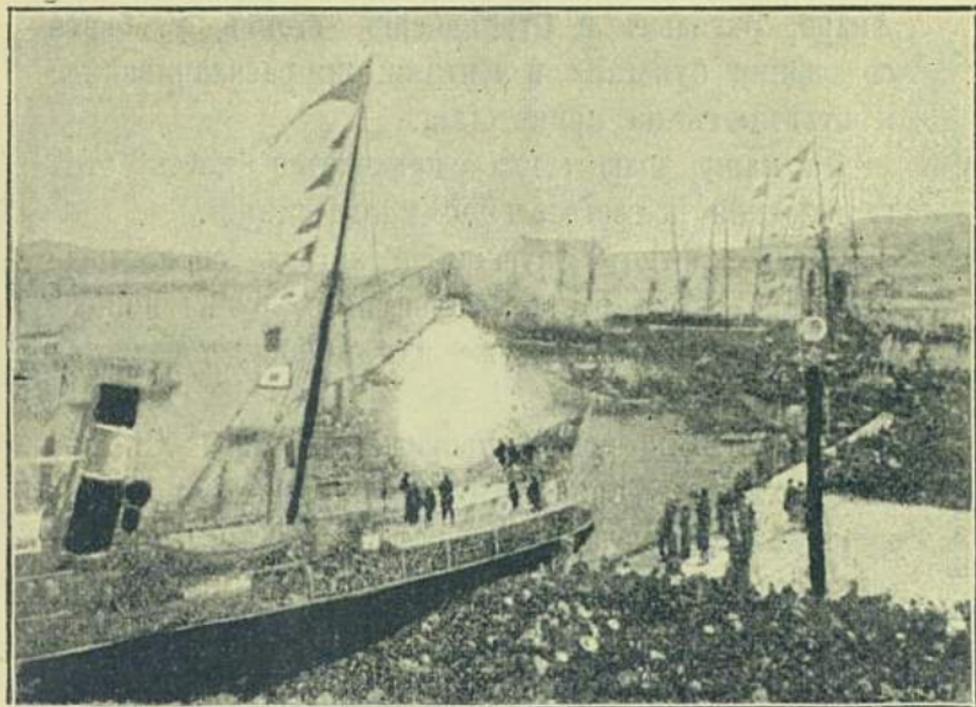
Большія и маленькія шлюпки и лодки подъѣзжаютъ къ «Virgo». Остальная часть населенія находится на набережной и на сосѣднихъ зданіяхъ.

Г. Вѣльяръ, одинъ изъ моихъ друзей, явившійся меня проводить, уходитъ въ девять часовъ. Мы увидимся на Шпицбергенѣ.

Я кланяюсь барону Диксону, его дочери и

племянницѣ, стоящимъ на набережной. Его сынъ всходитъ на «Virgo», чтобы пожать мнѣ руку и пожелать счастливаго пути.

Наконецъ являются изслѣдователи, окруженные

Отходъ „Virgo“ изъ Г.ттенбурга 7-го іюня 1896 г.

своими... Прощанье очень трогательно, и волненіе, которое охватываетъ всѣхъ присутствующихъ и душитъ меня самого, достигаетъ своего высшаго напряженія, когда ровно въ десять часовъ посреди благоговѣйной тишины, раздается сигналъ къ отъѣзду.

«Virgo» медленно отчаливаетъ.

Тогда энтузіазмъ становится неописуемымъ. Четырехкратное громкое ура вырывается изъ всѣхъ взволнованныхъ грудей. Всѣ машутъ платками и киваютъ головой... Воскличанія усиливаются... Андрэ, Эггольмъ и Стриндбергъ стоятъ у борта со своими букетами и лентами; они раскланиваются и отвѣчаютъ на привѣтствія.

На нашу долю также приходится часть этой грандіозной и трогательной манифестаціи.

Флагъ «Virgo» опускается, затѣмъ снова поднимается, и въ этотъ моментъ вокругъ нашего парохода, вышедшаго уже изъ гавани, образуется цѣлый кортежъ лодокъ.

Около сотни судовъ провожаетъ насъ. Съ нѣкоторыхъ насъ привѣтствуютъ музыкой, и тогда начинается прогулка. Тѣ, которые не имѣютъ пароходовъ, идутъ вдоль набережной. Это настоящее море людей.

Между маленькими лодками, спѣшащими впередъ, происходятъ небольшія столкновенія, но къ счастью все кончается благополучно.

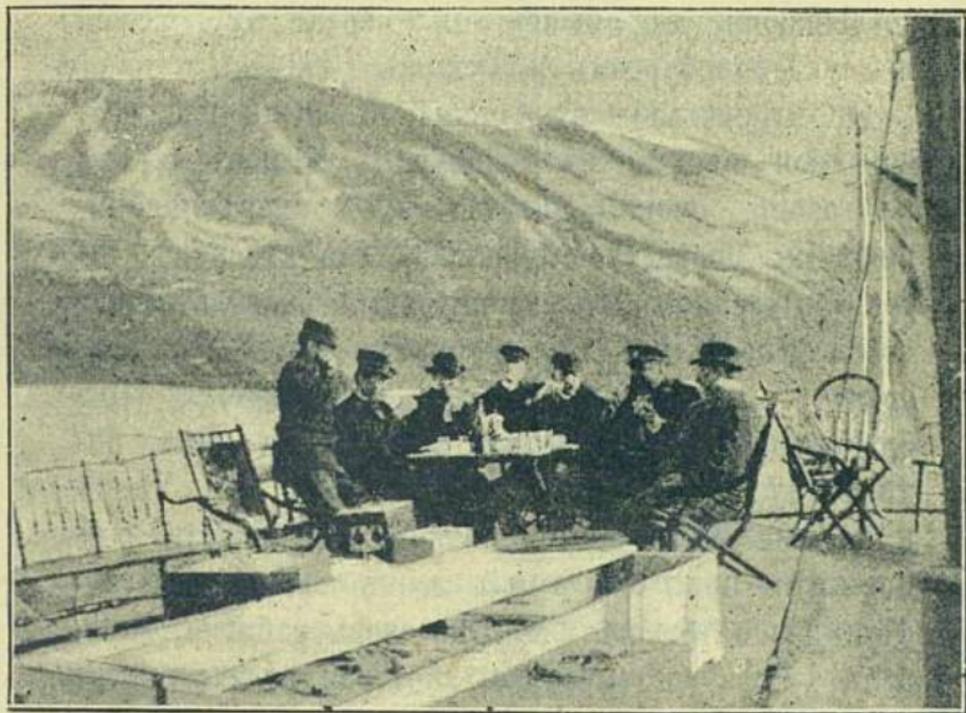
Солнце сіяетъ; небо также, какъ будто принарядилось, и своимъ видомъ ободряетъ смѣлыхъ путешественниковъ, отправляющихся на изслѣдованіе сѣвернаго полюса...

Вотъ мы наконецъ въ открытомъ морѣ.

Въ первомъ часу мы сходимся на кормовой

части палубы и начинаются взаимныя представленія.

Начальникъ экспедиціи, Андрэ, окончилъ высшую политехническую школу въ Стокгольмѣ, директоръ Бюро привилегій.

Составъ экспедиціи.

Энгольмъ, докторъ физики, директоръ метеорологическаго бюро въ Стокгольмѣ.

Стриндбергъ, воспитанникъ Упсальскаго университета, преподаватель свободнаго университета въ Стокгольмѣ.

Сванте Арреніусъ, гидрографъ, ректоръ Стокгольмскаго университета, профессоръ физики.

Грумбергъ, натуралистъ, преподаватель въ Стокгольмскомъ университетѣ, окончилъ высшую школу.

Докторъ Карль Экелундъ, врачъ экспедиціи.

Капитанъ Гюго Цашау, командующій «Virgo», совершающій въ обыкновенное время путешествія между Готтенбургомъ и Гуллемъ (Англія).

Не нужно забывать горничной Шарлотты, сговорчивой шведки съ маленькимъ бѣлымъ токомъ на головѣ, очень кокетливымъ, немного напоминающимъ оперетку и украшеннымъ красивой лентой съ клеймомъ экспедиціи. Эта очаровательная особа дѣлаетъ мнѣ три глубокихъ книксена и знакомство между нами быстро завязывается. Она будетъ намъ прислуживать за столомъ. Она, по видимому, себя прекрасно чувствуетъ на «Virgo» и меньше моего боится качки. Для каждаго изъ насъ она приготовила изъ лентъ кольцо для салфетки: мое трехцвѣтное. Она очень забавна, впрочемъ. Есть еще кухарка, которая отличается въ приготовленіи яичницъ съ анчоусами... но не будемъ забѣгать впередъ.

Послѣ представленій пробуютъ коньякъ и виски; пьютъ за успѣхъ полярной экспедиціи; затѣмъ произносятъ нѣсколько рѣчей. Въ три часа мы приходимъ въ столовую обѣдать. Капитанъ беретъ за столомъ на себя обязанность хозяина;

это весельчакъ, очень полный и очень сердечный. Обѣдъ проходитъ очень весело.

Я сижу возлѣ Стринберга и профессора Арреніуса, съ которымъ я могу говорить на своемъ языкѣ и у котораго научусь нѣсколькимъ шведскимъ словамъ. Впрочемъ, я долженъ за это платить тѣмъ же, такъ какъ меня единогласно выбираютъ *профессоромъ французскаго языка*.

Мы пьемъ кофе на палубѣ и куримъ восхитительныя гаванскія сигары, представленныя экспедиціи. Слегка укачиваемый волнами, я задумываюсь. Сколько вещей я уже видѣлъ со времени своего отъѣзда и какъ я далекъ отъ своей родины! А между тѣмъ это лишь начало, и мнѣ предстоитъ еще многое пережить.

Я спускаюсь въ свою каюту, которая примыкаетъ къ кухнѣ и къ столовой, и устраиваюсь очень удобно, хотя и не безъ труда, такъ какъ предназначенное для меня мѣсто очень ограничено.

Въ восемь часовъ обѣденный колоколъ снова собираетъ насъ вокругъ стола, и вечеръ заканчивается среди самыхъ душевныхъ разговоровъ. Путешествіе начинается при благоприятныхъ обстоятельствахъ.

II.

Въ открытомъ морѣ.

8 іюня 1896 г. половина одиннадцатаго. Мы уже двадцать четыре часа на морѣ; мы въ виду Норвегіи, выше Форзунда, въ 15 километрахъ отъ береговъ, но туманъ не позволяетъ видѣть далеко. Направо отъ насъ неясно обрисовываются горы, покрытыя елью, «Virgo» поворачиваетъ на сѣверо-западъ. Въ каютѣ я начинаю свой дневникъ. Море, хотя и волнуется немного, но меня пока еще не беспокоитъ; одинъ только Андрэ уже заплатилъ свою дань.

Вторникъ, 9 іюня. Берега Норвегіи. Море бурное, общее нездоровье, сильное уныніе; я не въ состояніи писать. «Virgo» сильно качаетъ. Въ десять часовъ вечера свѣтло, какъ днемъ.

Среда, 10 іюня, половина седьмого. Температура сильно понизилась; мы перешли за полярный кругъ. Съ сегодняшняго утра,halbvo отъ насъ въ разстояніи 12 километровъ идетъ еще одинъ пароходъ. Море бурное.

Четвергъ, 11 іюня, десять часовъ утра. Въ виду Лоффоденскихъ острововъ; небо облачное; нѣсколько слабыхъ лучей солнца; море спокойнѣе; пароходъ попрежнему качаетъ.

Пятница 12 июня, половина десятого. Мы наконецъ въ проходѣ, который ведетъ въ Тромсе. Я былъ такъ боленъ эту ночь, что готовъ былъ бы броситься въ море, еслибы не вспомнилъ о своемъ домѣ и своей семьѣ.

Въ одиннадцать часовъ вечера я пригласилъ доктора; мнѣ казалось, что я умираю, одинъ, въ своей тѣсной каютѣ. Онъ прописалъ мнѣ шампанское и сонъ. Горничная Шарлотта принесла мнѣ апельсиновъ и сняла съ меня ботинки, съ которыми я уже четыре дня не разставался.

О, Шарлотта, бѣлокурая скандинавка, съ такимъ чистымъ взглядомъ и приятной улыбкой, съ веселымъ лицомъ и сильной гибкой фигурой!... Какимъ жалкимъ казался тебѣ, вѣроятно, этотъ французскій джентльменъ, какъ меня называли на пароходѣ, еще недавно такой живой и самоувѣренный, а теперь инертный, никуда негодный, какъ старый разорванный парусъ!.. Во что можетъ обратиться человѣкъ!..

Несмотря на ужасныя страданія, которыя я испытываю, у меня есть смутное сознание всей нелѣпости того, что съ меня стаскиваютъ сапоги маленькія женскія ручки, болѣе годныя держать иглу, чѣмъ исполнять такую грубую работу.

Страдали вы когда-нибудь морской болѣзью? Если да, то вы меня поймете, а, если нѣтъ, то сохрани васъ Богъ отъ этого!.. Какъ мнѣ было

понятно то, что разсказываютъ о Цицеронѣ, который, спасаясь на судиѣ отъ убійцы посланнаго къ нему Маркомъ Антоніемъ, предпочелъ лучше вернуться въ Гаэту, навстрѣчу смерти, которой онъ такъ боялся, чѣмъ переносить морскую болѣзнь.

Заливъ окруженъ высокими гранитными горами, покрытыми на вершинахъ снѣгомъ. «Virgo» даетъ сигналы, чтобы вызвать лоцмана, который долго не является; въ ожиданіи его «Virgo» стоитъ отъ пяти до девяти часовъ. И, странная вещь! когда прекращается шумъ машины, насъ охватываетъ грусть, намъ чего то недостаетъ.

Наконецъ, въ половинѣ десятаго причаливаетъ такъ долго ожидаемый лоцманъ, и «Virgo» снова пускается въ путь по направленію къ Тромсе, обѣтованной землѣ...

Мы плывемъ теперь по озеру, окруженному зелеными берегами. Я съ удовольствіемъ люблюсь окружающими меня предметами.

Какой контрастъ!.. Направо, группа лоцманскихъ домиковъ, построенныхъ изъ кирпича на склонѣ горы, въ виду моря. Густыя облака окутываютъ вершины скалъ; небо прозрачно-голубое, и солнце заливаетъ своими яркими лучами пейзажъ. Налѣво уединенная церковь, гдѣ собираются рыбаки, живущіе здѣсь лѣтомъ.

Матросы готовятъ лодку, на которой мы

подъедемъ къ берегу, такъ какъ въ Тромсе нѣтъ пристани, и «Virgo» останется на рейдѣ.

Заливъ становится все уже и деревни слѣдуютъ одна за другой; вдоль обоихъ береговъ, тянутся телеграфныя проволоки. Многочисленныя норвежскія рыбацкія лодки покрываютъ море. Воздухъ чистъ и сухъ.

«Virgo» гордо скользитъ по водѣ, точно большая птица. Пейзажъ оживляется и становится прямо волшебнымъ.

Въ одиннадцать часовъ мы видимъ колокольню Тромсе, его деревянные дома и виллы, расположенныя ступенями по склону плодородной горы. Лоцманъ продолжаетъ вести «Virgo». Предметы увеличиваются; вотъ наконецъ гавань съ стоящими на якорѣ судами.

Въ десять минутъ втораго мы останавливаемся противъ Тромсе. Мы бросаемъ якорь въ 1 километрѣ отъ берега. Здѣсь, какъ я уже сказалъ, нѣтъ пристани. Сейчасъ же насъ окружаетъ нѣсколько лодокъ. Раньше всего насъ привѣтствуетъ консулъ, г. Аагаартъ. Затѣмъ является разносчикъ и передаетъ Андрѣ цѣлый пакетъ телеграммъ. Наконецъ приходятъ друзья изслѣдователей, которые будутъ насъ сопровождать до Ледяного Фіорда.

Мы садимся въ лодку и черезъ нѣсколько минутъ высаживаемся на набережной.

14 июня.—Мы выѣхали изъ Тромсе въ часъ

утра при великолѣпной погодѣ. Прощанье съ жителями, толпой явившимися привѣтствовать насъ, было очень трогательно, и «Virgo» отправился дальше къ сѣверу.

Первыя плаваюція льдины.

Солнце такъ ярко свѣтило, что я спрашивалъ себя, полдень ли теперь, или полночь.

Хотя нашъ отъѣздъ и не былъ такъ торжественъ, какъ изъ Готтенбурга, но всетаки онъ происходилъ очень величественно: весь городъ былъ на набережной, и всѣ лодки, стоящія въ гавани,

окружали насъ. Здѣсь были и туристы въ шляпкахъ, и рыбацки суда. Все населеніе.

Тромсе хотѣлъ съ нами проститься.

Въ лодкахъ много изящныхъ дамъ; особенно обращаетъ на себя вниманіе одна лодка, въ которой сидитъ только пять женщинъ, обмѣнивающихся привѣтствіями съ нашими матросами и машущихъ платками (должно быть, мѣстный «домъ Телье»).

Затѣмъ Тромсе удаляется, и вскорѣ это—лишь воспоминаніе, пріятное сновидѣніе, о которомъ сожалѣешь.

Воскресный день проходитъ безъ особыхъ включеній; въ понедѣльникъ вечеромъ мы встрѣчаемъ первыя льдины, и путешествіе становится труднѣе.

16 іюня, полдень.—Съ сегодняшняго утра мы плывемъ вдоль береговъ Шпицбергена, моей новой родины, мѣста моего настоящаго изгнанія. Пароходъ идетъ медленно посреди плавающихъ льдинъ, которыя каждую минуту грозятъ затереть насъ. Нужна вся опытность нашего капитана и бдительность рулевого, чтобы избѣжать катастрофы.

Лодманъ занимаетъ наблюдательный постъ и указываетъ свободные проходы.

Мы видѣли массу птицъ, китовъ, пускавшихъ въ воздухъ громадную струю воды, тюленей и т. п.

Трое изъ этихъ животныхъ рѣзвились на льдинѣ на разстояніи ружейнаго выстрѣла отъ насъ.

Мы пустили въ нихъ сейчасъ же цѣлый залпъ изъ ружей, но онъ ихъ не достигъ.

Особый видъ птицъ, очень распространенный въ этихъ краяхъ, пингвинъ, или морская лошадь (родъ дикой утки) ныряетъ, какъ только чувствуетъ преслѣдованіе. Этимъ способомъ онъ, впрочемъ, отыскиваетъ себѣ пищу, какъ и всѣ птицы полярныхъ странъ, такъ какъ онъ питается рыбой. Эксномъ парохода однимъ выстрѣломъ убиваетъ двухъ изъ нихъ. Полетъ у этихъ птицъ тяжелый, хвостъ очень короткій и они двигаются только при помощи своихъ перепончатыхъ ногъ.

Вчера, проходя возлѣ острова Беренъ-Эйландъ, который былъ скрытъ отъ насъ туманомъ, мы видѣли міриады разнообразныхъ птицъ и между прочимъ чайкъ.

Сегодня утромъ термометръ показывалъ 2 градуса выше нуля.

Всѣ веревки были покрыты инеемъ, и нашимъ матросамъ, стоящимъ на вахтѣ, должно быть, не особенно тепло.

Мы встрѣтили норвежское парусное судно, которое охотится на моржей и уже нѣсколько дней крейсировало у береговъ Шпицбергена; тамъ намъ дали полезныя свѣдѣнія о состояніи льдинъ; каж-

дый разъ матросъ зондируетъ глубину, которая достигаетъ пятнадцати, двадцати саженьей.

«Virgo» остановился, и офицеры совѣщаются; мы находимся подъ 76 градусомъ сѣверной широты, и намъ осталось пройти еще немного, чтобы достигнуть Ледяного Фіорда, гдѣ мы должны отдохнуть раньше, чѣмъ отправимся въ Норскъ-Оарну.

Направо горы, покрытыя вѣчнымъ снѣгомъ; прямо — непроходимый, сплошной ледъ. Остается свободный проходъ у береговъ, но капитанъ не знаетъ глубины моря; онъ ищетъ въ своихъ картахъ: подождемъ!.. Во всякомъ случаѣ я боюсь опозданія, которое не можетъ быть особенно пріятно Андрэ.

III.

Поселеніе на островѣ.

Среда 17 іюня подъ 77 градусомъ сѣверной широты. — Напрасно проискавъ въ продолженіе всего вчерашняго дня прохода, капитанъ счелъ благо-разумнымъ пристать въ глубинѣ залива Горнъ-Зундъ, въ маленькой естественной гавани на юго-востокѣ Шпицбергена, гдѣ мы и бросили якорь сегодня въ четыре часа утра.

Здѣсь мы внѣ всякой опасности и будемъ терпѣливо ждать, пока море освободится, что, вѣроятно, скоро наступитъ.

Нашъ маленькій портъ есть чудо творенія; горы, покрытыя снѣгомъ, вершушки которыхъ тонули сегодня утромъ въ туманѣ, расположены въ видѣ круга.

Громадные глетчеры, отъ которыхъ съ страшнымъ шумомъ отламываются куски, оживляютъ этотъ бѣлый пейзажъ, вызывая въ то же время какое то смутное чувство страха. Гигантскія льдины, напоминающія своей формой и своимъ голубоватымъ цвѣтомъ громадные кристаллы купороса, ходятъ по срединѣ залива, который представляетъ настоящій оазисъ съ очень мягкой температурой, несмотря на снѣгъ, покрывающій почву.

Солнце сильно грѣетъ; оно бросаетъ золотистый отблескъ на эту очаровательную картину, оживляемую веселымъ жизнерадостнымъ щебетаньемъ птицъ.

Въ девять часовъ утра мы съ нескрываемымъ удовольствіемъ сходимъ на землю. Андрэ, Экгольмъ и Стриндбергъ выносятъ свои инструменты, устанавливаютъ ихъ и опредѣляютъ отклоненіе магнитной стрѣлки.

Впрочемъ, съ тѣхъ поръ, какъ мы вышли въ море, они не перестаютъ работать. Это настоящіе ученые, влюбленные въ свою задачу, не выставляющіе на показъ своихъ знаній.

Геологи нашли здѣсь обильную почву для своихъ изслѣдованій, а ботаники могутъ вдоволь гербаризировать. Во всякомъ случаѣ, если фауна здѣсь довольно разнообразна, то флора очень скудна и ограничивается нѣкоторыми лишаями, ярко зелеными мхами и низкорослыми травами съ маленькими красивыми фіолетовыми цвѣточками.

Одни взбираются на горы и спускаются оттуда на лыжахъ, любимыхъ конькахъ въ Скандинавіи. Другіе охотятся съ оружіемъ, предложеннымъ полярной экспедиціи шведскими оружейными мастерами. Я люблю эту величественную природу и стараюсь утилизировать мой талантъ фотोगрафа, чтобы снять роскошную картину, окружающую «Virgo».

Мы устраиваемъ нашу главную квартиру на развалинахъ лагеря, принадлежавшаго племени сибирскихъ охотниковъ, которые провели весь прошлый годъ въ этомъ ущельѣ.

На берегу лежитъ много кусковъ дерева, выброшенныхъ волнами, много скелетовъ; одинъ матросъ нашелъ огромный позвоночникъ кита, а докторъ вырвалъ коренной зубъ изъ медвѣжьей челюсти (самъ медвѣдь не могъ уже протестовать противъ этого).

Лоцманъ отправился изслѣдовать море съ вершины горъ. Въ состояніи льда не произошло никакой перемѣны.

Въ два часа мы отправились на «Virgo» завтракать. Андрэ, сѣвъ въ лодку, стрѣлялъ въ тюленей, но безуспѣшно.

Мы вернулись послѣ завтрака на землю, и каждый занялся, чѣмъ хотѣлъ. Небо прояснилось и поднялся восточный вѣтеръ, очень холодный и рѣзкій. Лодку сильно качало при возвращеніи, и теченіе унесло въ открытое море всѣ плавающія льдины.

Въ половинѣ двѣнадцатаго ночи, въ ту минуту, когда я пишу эти строки, ко мнѣ проникаетъ лучъ солнца, и вѣтеръ дуетъ съ нѣкоторой силой.

Суббота, 20 іюня, четыре часа утра.— Приятное пробужденіе при входѣ въ заливъ Ледянаго Фіорда, въ виду «Raftsund'a», стоящаго здѣсь на якорѣ со вчерашняго дня.

Погода скверная: мелкій, холодный дождь. Къ намъ подъѣзжаетъ шлюпка, изъ которой выходитъ корреспондентъ Стокгольмскаго журнала *Aftenbladet*; онъ поѣдетъ съ нами до Норскъ-Оарны.

Въ лодкѣ подъѣзжаетъ мой другъ Віельяръ и передаетъ мнѣ депеши. Мы проводимъ вмѣстѣ два часа, и я счастливъ, что вижу его и имѣю извѣстія о своей семьѣ.

Затѣмъ наступаетъ часъ разлуки. Віельяръ возвращается на свое судно, на которомъ вернется во Францію; онъ увозитъ мои письма и телеграммы. Я дѣлаю нѣсколько снимковъ съ «Raftsund'a»

и «Virgo», обмѣнявшись обычными салютами, продолжаемъ свой путь на сѣверъ.

Море очистилось, и «Virgo» идетъ полнымъ ходомъ.

Воскресенье 21.—Около двухъ часовъ утра мы находимся въ виду острововъ Норскъ-Оарна, мѣста, гдѣ мы рѣшили построить сарай, и которое будетъ центромъ нашихъ дѣйствій.

Утромъ мы дѣлаемъ въ лодкѣ рекогносцировку вокругъ острововъ съ цѣлью найти удобное мѣсто, гдѣ бы могло пристать наше судно, разгрузка котораго будетъ чрезвычайно трудна, влѣдствіе отсутствія пристани и всѣхъ приспособленій, существующихъ обыкновенно въ портахъ.

Имѣющіяся у насъ карты этой области очень неточны. Андрэ снимаетъ фотографіи съ нѣсколькихъ точекъ берега. Охотники, усѣвшіеся въ лодку, убиваютъ около десятка птицъ гага. Мы отказываемся отъ мысли остановиться здѣсь и послѣ полудня подъѣзжаемъ къ острову Амстердамъ на 12 километровъ дальше на юго-западъ.

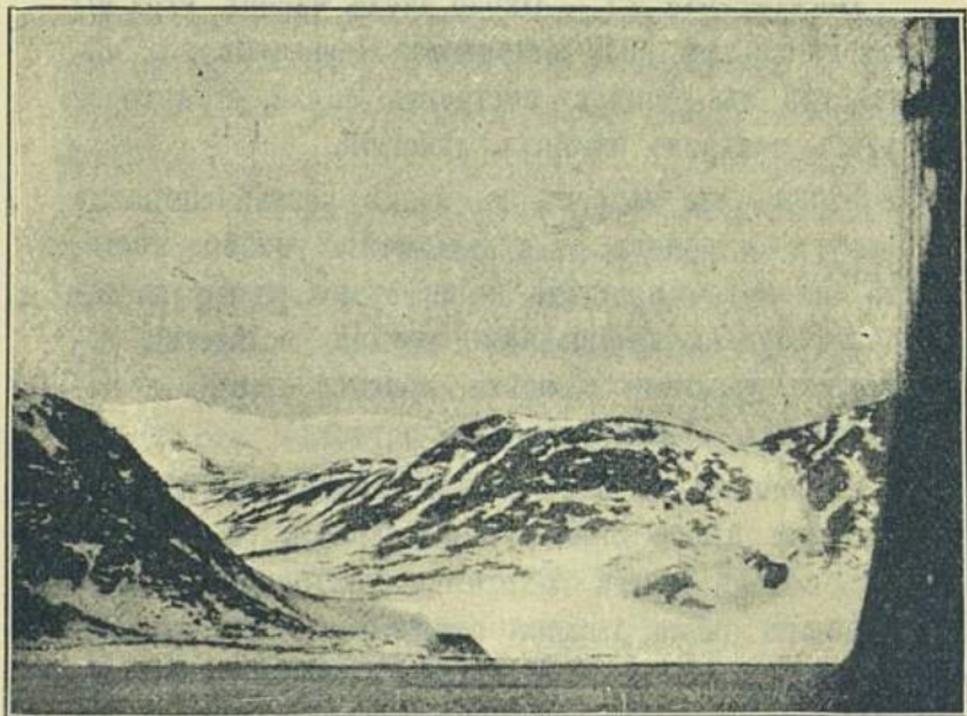
Небо чисто, воздухъ холодный и рѣзкій.

Понедѣльникъ утромъ.—Исследователи снова дѣлаютъ рекогносцировку, и Андрэ окончательно выбираетъ пунктомъ нашей остановки долину Данскъ-Гаттъ.

Это мѣсто защищено со всѣхъ сторонъ высо-

кими горами и открыто только съ сѣвера, со стороны моря.

Маленькій деревянный домикъ, выстроенный нѣкогда англичаниномъ Пикомъ, будетъ служить намъ

Датскій островъ и домъ Пикъ.

убѣжищемъ и здѣсь мы сложимъ излишекъ нашихъ припасовъ. Этотъ домикъ содержитъ уже цѣлый складъ консервовъ, угля и различныхъ предметовъ. Почва усѣяна обломками скалъ и покрыта снѣгомъ, который доходитъ до колѣнъ.

Вторникъ 23 іюня.— Въ шесть часовъ утра

началась разгрузка судна; все лодки спущены на море. «Virgo» не может подойти къ берегу ближе, чѣмъ на 150 метровъ. Перевозка аэростата и прибора для выработки газа представить серьезную трудность и отниметъ у насъ много драгоценнаго времени.

Термометръ: 2 градуса выше нуля.

Барометръ: 760 миллиметровъ. Свѣжій юго-западный вѣтеръ. Небо облачное. Изрѣдка пробиваются кусочки чистаго неба. Солнце сильно грѣетъ. Море спокойно.

Паровая шлюпка въ ходу. Яхта Пика посѣтила домъ 16 с. м.

Это небольшое зданіе, сдѣланное все изъ дерева, какъ норвежскіе дома, довольно удобно; оно состоитъ изъ столовой, спаленъ и кухни. Во всѣхъ комнатахъ есть печи, и наши матросы затопили ихъ, чтобы просушить стѣны; замокъ дѣйствуетъ плохо, и дверь заваливаютъ льдиной. Чердакъ очень удобенъ для голубятни, и мы помѣщаемъ тамъ нашихъ голубей, которымъ здѣсь не будетъ, конечно, такъ хорошо, какъ въ ихъ обыкновенныхъ голубятняхъ, но которые найдутъ здѣсь все-таки сносное жилище. Эти голуби взяты нами изъ Гаммерфеста. Мы пустили уже нѣсколькихъ изъ нихъ съ парохода, но пока еще не знаемъ вернулись ли они въ Норвегію.

Среда 24 іюня.—Разгрузка парохода идетъ

быстро. Мѣсто для сарая уже готово, и плотники принимаются за работу.

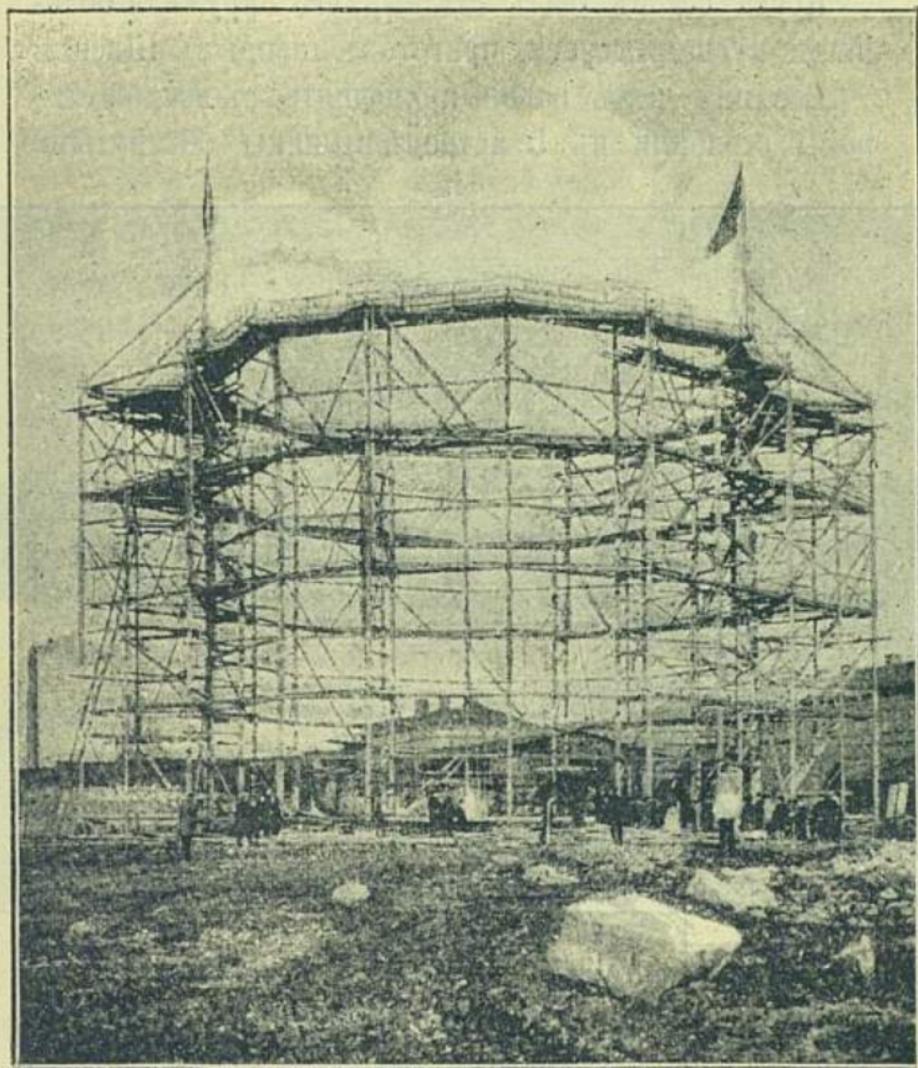
Этотъ сарай, въ которомъ будетъ помѣщаться аэростатъ, заслуживаетъ особаго вниманія. Задуманный очень замысловато, онъ былъ сдѣланъ въ Готтенбургѣ, гдѣ жители города могли его видѣть раньше, чѣмъ его разобрали, чтобы перевезти на судно. Онъ восьмиугольной формы и состоитъ изъ четырехъ этажей, въ 5 метровъ вышины каждый. Этажи соединяются между собой болтами; послѣдній этажъ заканчивается круглымъ балкономъ.

Для того, чтобы его было легче составить на Шпицбергенѣ, части каждаго этажа отмѣчены другой краской; полъ сарая составленъ изъ срубовъ, которые всѣ сходятся въ центрѣ; подъ ними подложены куски дерева, такъ какъ почва здѣсь очень неровная, и нивелировка ея была немыслима.

Съ восточной и западной стороны двѣ лѣстницы, ведущія на балконъ, помогаютъ скрѣплять зданіе.

Составленіе этого сарая на Датскомъ островѣ сопровождалось большими трудностями; оно велось очень успѣшно двумя плотниками при помощи нашего экипажа.

Нужно было раньше всего убрать снѣгъ, который лежалъ на землѣ, положить фундаментъ, составить стропила, которыя были установлены и сняты съ помощью ручного, горизонтальнаго ворота, помѣщеннаго въ центрѣ постройки.

Сарай, предназначенный для помѣщенія аэростата (Во время составленія его въ Готтенбургѣ).

Работѣ часто мѣшали бури, которыя заставляли плотниковъ прерывать ее.

Когда остовъ былъ сдѣланъ, его окружили большими кусками дерева, приготовленными въ Швеціи.

Верхняя часть сарая приподнята съ южной стороны столбами въ 5 метровъ вышины, обтянутыми

Перевозка генератора.

полотномъ, которое должно защищать верхушку аэростата отъ сильнаго вѣтра.

Подвижная полотняная крыша, натянутая на металлическія проволоки, должна была защищать аэростатъ отъ снѣга; къ сожалѣнію изъ за недостатка времени нельзя было ея натянуть.

26 июня.— Утромъ показалось солнце; небо очень чисто, и снѣгъ медленно таетъ. Погода сегодня очень пріятная, но уже послѣ полудня на-двигаются облака, и я думаю, что она измѣнится.

«Virgo», отчасти разгруженный, приближается на 60 метровъ къ берегу. Тогда приступаютъ къ выгрузкѣ большихъ тюковъ, генераторовъ водорода и ящика, содержащаго аэростатъ. Три лодки, соединенныя вмѣстѣ, образуютъ плотъ, который тащится катеромъ. Для того, чтобы перетащить на твердую землю эти тюки, которые вѣсили отъ двухъ до трехъ тоннъ, нужно было устроить дорогу съ помощью двухъ большихъ елей, привезенныхъ изъ Норвегіи, и притягивать ихъ при помощи веревокъ, которыя тащить весь нашъ экипажъ.

Порѣжаешься спокойствіемъ и тишиной, которыя царствуютъ въ этой странѣ, далекой отъ всякой цивилизаціи; только птицы нарушаютъ монотонность этой мѣстности и весело распѣваютъ.

Обозрѣвая острова, удивляешься массѣ встрѣчающихся кургановъ и человѣческихъ скелетовъ. Дѣло въ томъ, что Шпицбергенъ также имѣетъ свою исторію, о которой много писали; мы здѣсь ее не будемъ касаться.

IV.

Викторія. — Охота на медвѣдей.

27 іюня, послѣ полудня наше вниманіе привлечено пароходомъ, идущимъ съ сѣвера. Встрѣча съ путешественниками является очень пріятнымъ событіемъ въ этихъ отдаленныхъ странахъ; чувствуешь себя менѣе одинокимъ. Это «Викторія», принадлежащая Пику, которой командуетъ капитанъ Нильсонъ; она охотится въ этихъ краяхъ на медвѣдей и моржей. Пароходъ бросаетъ якорь недалеко отъ «Virgo». Мы садимся въ лодку и ѣдемъ поздороваться съ путешественниками.

Андрэ освѣдомляется у капитана о состояніи льдовъ на сѣверѣ. Я обхожу пароходъ, который хотя не особенно благоустроенъ, но прекрасно приспособленъ для спеціальнаго назначенія своихъ плаваній; здѣсь есть различные предметы, очень интересные для меня, находящагося впервые въ этихъ необыкновенныхъ странахъ.

Я вижу шкуры медвѣдей и различныхъ птицъ; живой медвѣженокъ, пойманный на норвежскихъ островахъ, рычитъ и какъ бы протестуетъ противъ своего плѣна.

Воскресенье 28 іюня обильно приключеніями и полно тревогъ. «Викторія» ушла въ девять часовъ

утра по направленію къ Ледяному Фіорду, увозя громадный пакетъ нашихъ писемъ къ роднымъ.

Послѣ легкаго завтрака мы отправляемся на экскурсію. Въ катеръ усаживаются Стриндбергъ, Грумбергъ, Арреніусъ, докторъ Экелундъ, два механика, два матроса и я.

Погода чудная, море спокойно, небо слегка облачное; нѣсколько красивыхъ перистыхъ облаковъ касаются вершукъ горъ. Мы огибаемъ Датскій островъ и направляемся къ Смиренбургу.

Наша маленькая лодка идетъ на всѣхъ парахъ среди плавающихъ льдинъ, покрывающихъ заливъ.

Зрѣлище великолѣпное! Мы окружены величественными скалами, съ которыхъ снѣгъ сбѣгаетъ причудливыми змѣйками и полосками и зубчатая вершины которыхъ позолоченныя солнечными лучами, вырѣзываются въ прозрачно-голубомъ небѣ.

Эти гранитныя скалы отбрасываютъ на пелену льдинъ самыя фантастическія тѣни.

Воздухъ такъ прозраченъ, что глазомъ трудно опредѣлить разстояніе. Горы имѣютъ отъ двухъ до трехъ тысячъ футовъ вышины, а между тѣмъ при первомъ взглядѣ кажется, что на нихъ очень легко вскарабкаться. Я часто поддавался этому оптическому обману. Звуки съ поразительной отчетливостью передаются на громадное разстояніе.

Мы встрѣчаемся съ маленькимъ паруснымъ суд-

номъ Стадлинга, корреспондента Стокгольмскаго «Aftenbladet'a и любителя голубей полярной экспедиціи. Онъ также отправляется на развѣдки съ двумя спутниками. Мы поворачиваемъ на востокъ

Ледники въ Смиренбургѣ.

и пристаемъ къ маленькому покрытому мхомъ островку.

Мы убиваемъ изъ ружей нѣсколько птицъ гага и, когда выходимъ на берегъ, находимъ нѣсколько гнѣздъ этихъ птицъ, въ которыхъ лежитъ по три,

четыре яйца, сѣровато-зеленаго цвѣта, величиной съ гусиное яйцо.

Но осмотръ скоро оконченъ, и мы снова направляемся на юго-востокъ, гдѣ уже виднѣется цѣль нашей экскурси, островъ Меоффенъ.

Этотъ островъ представляетъ странный контрастъ съ окружающими горами разнообразіемъ своего колорита, переходящаго отъ ярко зеленаго къ темно коричневому.

Различные виды мховъ, желтоватые лишай и травы нѣжно-фіолетоваго цвѣта представляютъ мягкій коверъ, лакающій взглядъ и располагающій къ отдыху.

Эта волшебная мѣстность населена множествомъ разнообразныхъ птицъ.

Спокойствіе ихъ нарушено нашими ненасытными охотниками, которые устраиваютъ настоящую гекатомбу изъ дичи. Едва мы высадились на берегъ, какъ уже около сотни гагъ лежатъ на землѣ. Ихъ такъ много и онѣ настолько насъ не боятся, что убѣгаютъ только, когда мы уже въ нѣсколькихъ шагахъ отъ нихъ; видно, что ихъ не часто тревожатъ люди, а особенно такого воинственнаго характера, какъ мы.

Онѣ очень похожи на нашихъ утокъ, и кажется, что находишься на птичьемъ дворѣ. Вотъ ихъ собралось около десятка вокругъ меня; онѣ прищли напиться и выкупаться въ маленькому

прозрачному ручейку, который, тихо журча, течет по мху и камешкамъ.

На каждомъ шагу встрѣчаешь гнѣздо, сдѣланное изъ мха и перьевъ, скрытое выступомъ скалы. Самка прикрываетъ пухомъ яйца и птенцовъ отъ изморози. При нашемъ приближеніи она почти не шевелится; она прикрываетъ свои яйца и прячетъ ихъ въ перья, раньше чѣмъ оставляетъ гнѣздо.

Выстрѣлы, повторяемые эхомъ, похожи на раскаты грома и производятъ тяжелое впечатлѣніе.

Въ четыре часа намъ подають завтракъ, что очень кстати. Онъ состоитъ изъ ветчины, икры и копченаго оленьяго мяса. Все это мы записываемъ желтымъ пивомъ и сопровождается смѣхомъ и весельемъ. Пиршество заканчивается настоящей гаванской сигарой.

Дышешь полной грудью и чувствуешь радость жизни...

Но время быстро летитъ, и нужно подумать о возвращеніи. Мы въ двухъ часахъ ѣзды отъ «Virgo».

Наши матросы произвели совершенныя опустошенія въ гнѣздахъ и возвращаются съ корзинами, наполненными яйцами и пухомъ. Мы укладываемъ дичь въ лодку и уѣзжаемъ.

Мы плывемъ вдоль береговъ и льдинъ, усѣянныхъ тюленями, но шумъ машины пугаетъ этихъ

животныхъ, и при нашемъ приближеніи они убѣгаютъ.

Море сдѣлалось бурнымъ, и вѣтеръ, который дуетъ слѣва, пригоняетъ къ намъ волны, которыя заливаютъ судно. Насъ сильно качаетъ, но я переносу качку, какъ старый морякъ. Не слѣдуетъ однако храбриться: нельзя ни за что отвѣчать. Температура сильно понизилась, и облака, покрывавшія только что верхушки горъ, спускаются на море и скоро совершенно окутываютъ насъ... Мы погрузились въ густой холодный туманъ. Едва можно видѣть на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, и мы должны замедлить ходъ для того, чтобы избѣжать льдинъ, отдѣлившихся отъ ледниковъ. Солнце совершенно исчезло. Вокругъ насъ совершенный мракъ, и, несмотря на компасъ и карты, мы не знаемъ, гдѣ находимся. Какой контрастъ съ тѣмъ небомъ, какое было недавно! — Механикъ подаетъ свисткомъ сигналъ «Virgo», но «Virgo» не отвѣчаетъ.

Хотя мы и не испуганы, но положеніе наше критическое, такъ какъ мы не знаемъ въ точности, какое разстояніе мы прошли.

Мы рискуемъ пройти мимо нашего острова, не замѣтивъ его, и погибнуть въ открытомъ морѣ!..

Наконецъ, послѣ нѣсколькихъ поворотовъ мы узнаемъ направо отъ насъ лагуны острова Амстер-

дама, и скоро матросъ даетъ сигналъ «Virgo», который виднѣется въ туманѣ въ 50 метрахъ отъ насъ.

Уже 8 часовъ вечера. Капитанъ, Андрэ и Эггольмъ стоятъ на палубѣ. Они не боялись за насъ, но тѣмъ не менѣе очень рады тому, что мы вернулись, но судна Стадлинга еще нѣтъ.

Туманъ дѣлается все гуще и гуще, и съ трудомъ можно видѣть съ одного конца судна на другой.

Одинъ изъ матросовъ звонить каждую минуту въ колоколь, для того, чтобы указать путь тремъ запоздавшимъ туристамъ.

Ужинъ проходитъ очень весело: каждый рассказываетъ свои приключенія и дѣлится своими впечатлѣнiями. Мое волненiе было очень сильно.

Но въ этотъ день у насъ произошло событiе, еще болѣе замѣчательное.

Мы уже начинаемъ беспокоиться за нашихъ друзей, когда около десяти часовъ вечера, взойдя на мостикъ посмотрѣть, усилился ли туманъ, я смутно слышу сначала шумъ, а потомъ нѣнiе и удары веселъ. Нѣтъ сомнѣнiя: это они, они по видимому также заблудились.

Въ нѣсколькихъ шагахъ обрисовывается силуэтъ храбраго маленькаго экипажа, и лодка приближается на веслахъ, такъ какъ пришлось спустить парусъ. Но что это за безформенная, грязно-бѣ-

лая въ красныхъ пятнахъ масса наполняетъ глубину судна?

Несмотря на страшную усталость, экскурсанты сіяютъ радостью; они совершили настоящіе подвиги; они отправились охотиться на медвѣдей и привезли въ своей лодкѣ трехъ убитыхъ животныхъ.

Имъ устраиваютъ восторженную овацію.

Медвѣдей перетаскиваютъ на судно: здѣсь одна большая самка и два медвѣжонка, которые почти залили кровью маленькое судно.

.

Вы уже знаете Стадлинга; позвольте представить вамъ его двухъ спутниковъ; Аппельберга, воспитанника политехнической школы въ Стокгольмѣ, и Аксея Стакка, инженера-химика Стокгольмскаго университета. Привожу рассказъ перваго изъ нихъ о перипетіяхъ этого довольно драматическаго приключенія:

«Вы помните чудный день 28 іюня: яркое солнце отражалось, какъ въ зеркалѣ, въ водахъ Смиренбурга; окружающія горы дѣлали видъ еще болѣе дикимъ и величественнымъ. Вы помните также ледникъ въ глубинѣ Смиренбурга. Я уже рассказывалъ вамъ о нашемъ приключеніи вблизи этого ледника, когда оторвавшаяся и упавшая въ море громадная льдина произвела волны, которыя гро-

зили поглотить наше маленькое судно и обдали насъ съ головы до ногъ водой.

«Я сейчасъ же спѣшу снять фотографію съ ледника. Отыскивая удобное мѣсто, я замѣчаю въ снѣгу на берегу слѣды трехъ медвѣдей, которые ведутъ съ востока на западъ по направленію къ Суть-Гатту и къ открытому морю. Сообщивъ своимъ товарищамъ о своей находкѣ, я вмѣстѣ съ ними сажусь въ лодку, причемъ одинъ изъ нихъ серьезно занятъ просушкой на солнцѣ своей, промокшей при паденіи льдины, одежды.

«Тогда начинается очень оригинальная охота; мои товарищи гребутъ, я сижу на рулѣ, слѣдя черезъ зрительную трубку за направленіемъ слѣдовъ. Они все идутъ съ востока на западъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ звѣри повидимому отдыхали въ углубленіяхъ, вырытыхъ въ снѣгу. Обогнувъ два мыса и одинъ очень древній ледникъ, мы подходимъ къ третьему мысу, надъ которымъ находится другой ледникъ, имѣющій около двухъ километровъ ширины. Впереди остается одинъ только сплошной ледъ.

«Подойдя къ крайней точкѣ мыса, мы останавливаемся, такъ какъ не видимъ дальше слѣдовъ; изъ этого мы заключаемъ, что медвѣди находятся гдѣ-нибудь по близости.

«Скрытый большими льдинами, я дохожу до твердаго льда, и здѣсь замѣчаю внизу подъ лед-

никомъ медвѣдей, прыгающихъ одинъ за другимъ съ ледяной глыбы. Мать рѣзвится вмѣстѣ со своими дѣтенышами, а можетъ быть (какъ знать!) она обучаетъ ихъ теперь гимнастикѣ.

«Во всякомъ случаѣ я съ любопытствомъ наблюдаю впродолженіе нѣсколькихъ минутъ на эту сцену изъ семейной жизни медвѣдей. Это очень интересно, могу васъ увѣрить. Но эта патріархальная, идиллическая сцена должна скоро окончиться, такъ какъ во мнѣ проснулся инстинктъ охотника. Я долженъ во что бы то ни стало убить эту интересную семью, эту мать и ея дѣтенышей. Зачѣмъ?.. Да развѣ можно разсуждать, когда тобою овладѣваетъ страсть? Развѣ можно разсуждать съ охотникомъ? Не предаваясь празднымъ размышленіямъ и рѣшившись немедленно напасть на такъ долго ожидаемую добычу, я говорю своимъ спутникамъ, чтобы они въ лодкѣ ожидали моего возвращенія, а самъ на колѣняхъ ползу по льду за выступами скалъ по направленію къ медвѣдямъ. Этотъ ледъ продырявленъ, какъ рѣшето, и вода, проходя черезъ отверстія, падаетъ внизъ, производя монотонный шумъ; маленькія льдины отламываются каждую минуту, но я все иду дальше.

«Не обращая вниманія на опасность, я продолжаю ползти позади остатковъ скалъ и останавливаюсь метрахъ въ 400 отъ звѣрей. Теперь

у меня нѣтъ защиты; я стою на совершенно открытомъ мѣстѣ. Я прицѣливаюсь, стрѣляю и раню одного медвѣжонка. Мать бросается на него и то оглядывается вокругъ, то лижетъ бѣдное животное.

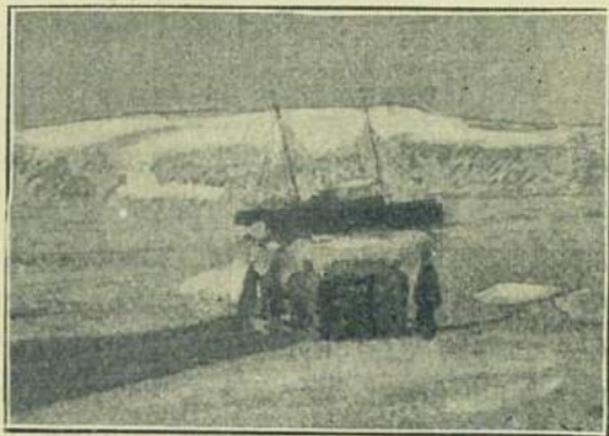
«Я вижу ее хорошо при помощи своей зрительной трубки. Я стрѣляю еще разъ, и она, разъяренная, поворачивается въ мою сторону.

«Мои патроны промокли и ружье даетъ осѣчку, что меня раздражаетъ. Нужно вернуться на судно за новыми патронами. Медвѣдица, видно, раздумала броситься на меня и возвращается къ дѣтенышамъ.

«Тогда, захвативъ новые патроны, мы начинаемъ гнать животныхъ къ морю, туда, гдѣ оно свободно отъ льда, и наконецъ съ удовольствіемъ видимъ, какъ мать вмѣстѣ съ дѣтенышами бросается въ воду и начинаетъ плыть. Стаккъ остается на льду съ весломъ въ рукахъ, чтобы помѣшать ей вернуться; Аппельбергъ и я охотимся на нихъ съ парохода. Медвѣдица, съ медвѣжонкомъ на спицѣ плыветъ по направленію къ намъ. Мы гребемъ едва три, четыре минуты, и въ это время мать взбирается на большую глыбу плавающего льда. На разстояніи 50—60 метровъ я снова стрѣляю, и моя пуля попадаетъ медвѣдицѣ между плечъ и проходитъ въ легкія. Животное испускаетъ страшный крикъ, повторенный горнымъ эхомъ, разъярен-

ное бросается въ воду и плыветъ къ намъ. Но это ненадолго. Бѣдное животное скоро умираетъ съ медвѣжонкомъ, раненымъ мною прежде, на спинѣ. Мы сейчасъ же убиваемъ его, а затѣмъ и второго.

«Мы потащили нашихъ жертвъ на ледъ, и я дѣлаю съ нихъ снимокъ. Недавно такія живыя и

Прибытіе лодки аэростата.

рѣзвыя, онѣ лежатъ теперь неподвижно, и намъ съ трудомъ удастся перетащить ихъ въ лодку. Наконецъ мы направляемся къ «Virgo», и здѣсь насъ застигаетъ туманъ посреди Смиренбурга»... На слѣдующій день лоцманъ, старый морякъ, съ помощью Стадлинга разрубаетъ медвѣдей на части; ихъ шкуры просолены и положены въ бочки, а самые нѣжные куски мяса, которые наша кухар-

ка, успѣвшая обнаружить все свои таланты, направляетъ различными соусами, въ продолженіе нѣсколькихъ дней подаются къ нашему столу. Нельзя сказать, чтобы это блюдо было особенно тонко, но оно довольно вкусно, да кромѣ того, вѣдь не часто имѣешь случай ѣсть мясо полярнаго медвѣдя.

У.

Полуночное солнце.

Пятница, 3-го іюля. — Я сегодня не сходилъ съ парохода; въ продолженіе трехъ дней ужасная погода, и я сомнѣваюсь, чтобы сарай могъ устоять противъ такого вѣтра. Для самого путешествія былъ бы очень благопріятенъ ВЮВ вѣтеръ, но подняться при этихъ условіяхъ очень трудно. Это задерживаетъ работу плотниковъ, и постройка сарая не особенно быстро подвигается впередъ. Мнѣ сегодня очень скучно, и я съ удовольствіемъ читалъ старыя газеты, въ которыя были завернуты разныя вещи, такъ какъ взятый мною запасъ состоитъ всего изъ нѣсколькихъ книгъ. Я перечелъ также экспедицію «Жаннеты», которую мнѣ далъ Андрэ; драматическіе эпизоды изъ этой экспедиціи ни въ какомъ случаѣ не могутъ придать бодрости. Какая необыкновенная страна!..

Ясные дни здѣсь рѣдки; несмотря на то, что

свѣтло цѣлую ночь, уже нѣсколько дней не видно солнца; ртуть въ термометрѣ все время стоитъ на нулѣ.

Но полуночное солнце!.. Какое чудное зрѣлище представляетъ полярное море въ эти лучезарныя ночи!..

Какъ только разсѣвается туманъ, глазамъ представляется цѣлый рядъ ледяныхъ зданій, крѣпостей, соборовъ самыхъ фантастическихъ формъ. Одни величественно неподвижны; другіе медленно передвигаются, несмотря на свою чудовищную величину, и при каждомъ колебаніи ихъ зеркальная поверхность отражаетъ цѣлый снопъ лучей цвѣта изумрудовъ, рубиновъ и сапфировъ.

По бокамъ этихъ льдинъ струятся многочисленные водопады, свергающіеся сначала въ бассейны, образовавшіеся въ самыхъ основаніяхъ этихъ чудовищныхъ ледяныхъ горъ, а потомъ вливающіеся въ море. Всѣ эти большіе и маленькіе водопады освѣщаются горячими лучами яркаго солнца...

Эта полярная природа, которую считают такой бѣдной, холодной и безжизненной, которую мы знаемъ только изъ тусклыхъ безучастныхъ разсказовъ о путешествіяхъ, сверкаетъ всеми цвѣтами драгоцѣнныхъ камней, представляетъ настоящій фейерверкъ, который появляется и исчезаетъ двад-

цать разъ въ минуту ²подъ вліяніемъ солнечныхъ лучей.

И все это покоится на роскошной муравѣ самыхъ разнообразныхъ цвѣтовъ: нѣжно-зеленой, блѣдно-розовой, оранжево-красной, малиновой, огненно-

Полуночное солнце.

красной, пурпурной, золотисто-желтой, фіолетовой, небесно-голубой, самыхъ нѣжныхъ оттѣнковъ, сотканной спокойной лучистой водой, для большаго очарованія глазъ и души.

О человѣкѣ, что ты такое рядомъ съ этимъ величественнымъ зрѣлищемъ?

Что представляютъ рядомъ съ этой всемогущей, грандіозной природой твои самыя замысловатыя изобрѣтенія?

Какъ ничтожны твои самыя роскошныя театральныя декорации въ сравненіи съ тѣмъ, что видишь здѣсь, гдѣ всю обстановку составляютъ *вода* и *солнце!* Какъ ничтожны всѣ чудеса, придуманныя тобой, созданныя величайшими искусствами, на ряду съ чудесами красокъ и блеска, которыя производитъ свѣтовой лучъ, проникая въ кусокъ льда!...

Вторникъ 7 іюля. — Въ субботу была очень скверная погода; въ воскресенье вѣтеръ немного утихъ, а вчера, въ понедѣльникъ, былъ чудный день, которымъ мы воспользовались для того, чтобы совершить на катерѣ интересную экскурсію въ заливъ Магдалены. На полуостровѣ находится громадное подземное кладбище, существующее уже нѣсколько вѣковъ. Китолы изъ Смиренбурга хоронили здѣсь своихъ мертвецовъ.

Мы убили громаднаго тюленя, который едва не опрокинулъ нашего катера, когда мы его туда перетаскивали. Стриндбергъ убилъ черную лисицу у подножія ледника.

Мы вернулись въ полночь при яркомъ солнечномъ свѣтѣ. Впрочемъ, мы теперь видимъ солнце

постоянно, когда небо ясно. Оно описываетъ кругъ, центромъ котораго намъ кажется «Virgo», и часто сильно грѣетъ. Сегодня утромъ было 20 градусо́въ на солнцѣ и 5 градусо́въ въ тѣни.

Постройка сарая идетъ, насколько возможно,

Экскурсія въ заливъ Магдалены.

быстро, но это колоссальный трудъ. Сегодня строить второй этажъ; остается воздвигнуть еще два, самыхъ трудныхъ.

Среди лихорадочной работы мы испытываемъ мучительное безпокойство, такъ какъ не получаемъ никакихъ извѣстій изъ Европы. Меня уже охватываетъ сплинь, когда наконецъ, 12 июля вечеромъ, матросъ, стоящій на вахтѣ, замѣчаетъ при-

ближеніе судна, на которомъ долженъ прибыть нашъ курьеръ. Черезъ нѣсколько минутъ мы всѣ на палубѣ, и капитанъ маленькаго судна «Express» передаетъ намъ громадную связку писемъ, которыя Андрэ намъ раздаетъ. Я получилъ четырнадцать писемъ, и трудно передать радость, которую я испытывалъ въ эту минуту.

«Express» привезъ шесть нѣмецкихъ и англійскихъ туристовъ, пріѣхавшихъ немного рано, чтобы присутствовать при подъемѣ аэростата. Они посѣтили «Virgo», гдѣ живо интересуются проектомъ Андрэ.

VI.

Національный праздникъ.

Съ «Virgo» 14 іюля, вечеромъ. — Дурная погода продолжается; вихрь такъ силенъ, что судно «Express» не можетъ выйти въ море. Завтракъ проходитъ очень весело: Андрэ произнесъ маленькій спичъ, который меня глубоко тронулъ. Онъ говорилъ о національномъ французскомъ праздникѣ и объ авиатикѣ, представителемъ которой я служу, восхвалялъ самоотверженіе, которое я выказалъ, и наконецъ выразилъ свое удовольствіе по поводу того, что наша дружба съ каждымъ днемъ

тановится тѣснѣе. Онъ не забылъ также моей семьи и друзей...

Капитанъ приказалъ поднять трехцвѣтный флагъ и разукрасить судно. Шампанское искрилось въ бокалахъ...

Стриндбергъ сыгралъ національный гимнъ, и присутствующіе засыпали меня поздравленіями. Слѣдующее письмо свидѣтельствуетъ о томъ, какъ велика была царившая между нами солидарность.

Пароходъ «Virgo», Данскъ-Гаттъ,

14 іюля 1896 г.

Госпожѣ Лашамбръ, Парижъ.

Милостивая Государыня!

Сегодня, въ день національнаго праздника вашего отечества, прекрасной Франціи, мы были счастливы тѣмъ, что намъ представился случай выразить г. Лашамбру нашу искреннюю благодарность за большія услуги, которыя онъ оказалъ нашей экспедиціи, какъ своими превосходными тщательными работами, такъ и тѣмъ, что онъ послѣдовалъ за нами сюда съ цѣлью помочь намъ своимъ драгоцѣннымъ опытомъ. Это путешествіе представляло, конечно, для васъ, какъ и для него, большую жертву, и поэтому мы считаемъ своей обязанностью благодарить васъ, какъ и г. Лашамбра.

Мы пили сегодня за здоровье г. и г-жи Лашамбръ, подняли трехцвѣтный флагъ и пѣли Марсельезу. По этому случаю г. Андрэ имѣлъ честь надѣть г. Лашамбру академическій орденъ, и мы съ восторгомъ поздравили его съ этимъ вполне заслуженнымъ отличіемъ.

Будьте увѣрены, Милостивая Государыня, что мы всѣми силами стараемся смягчить г. Лашамбру трудности жизни въ этихъ суровыхъ странахъ.

Пріймите, Милостивая Государыня, наши увѣренія въ глубочайшемъ уваженіи.

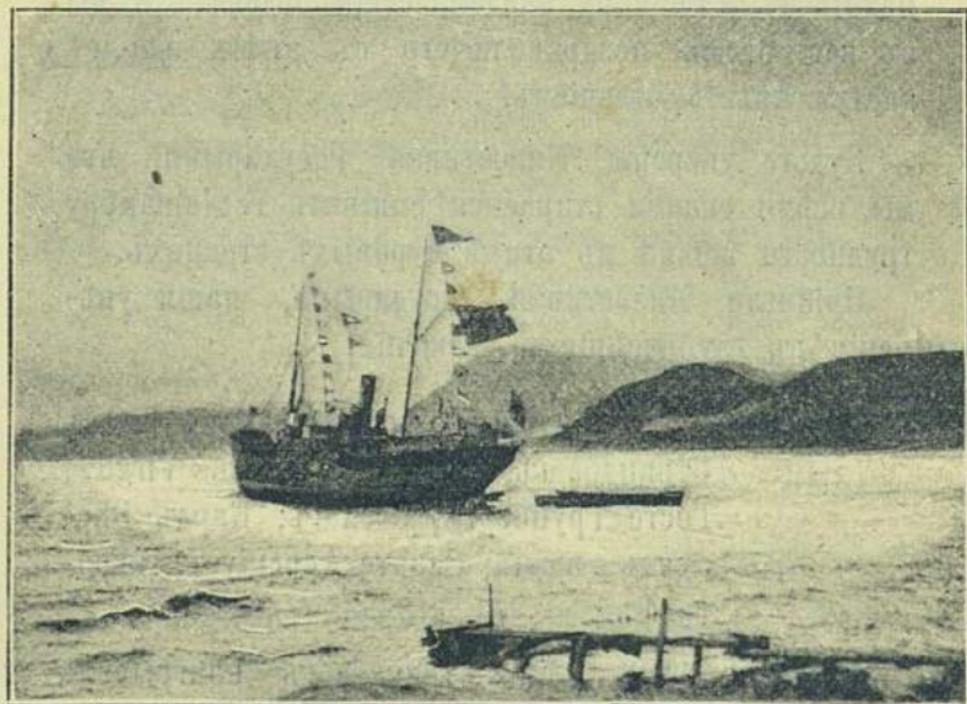
Подписали: С. А. Андрэ; Нильсъ Экгольмъ; Нильсъ Стриндбергъ; Цашау, капитанъ «*Virgo*»; Госте Грунбергъ, зоологъ; Карль Эке-лундъ, врачъ; Свонте Арреніусъ, гидрографъ.

И въ то время, какъ Стриндбергъ наигрывалъ на своей скрипкѣ самыя поэтическія и страстныя шведскія мелодіи, снаружи бушевалъ вѣтеръ и съ страшнымъ трескомъ качалъ корабль.

Данскъ-Гаттъ, съ «Virgo», 16 іюля, полдень. Буря, которая было улеглась, возобновилась вчера вечеромъ съ новой силой, и «*Express*», вышедшій въ восемь часовъ, долженъ былъ вернуться нѣсколько часовъ спустя.

Если «*Virgo*» представляетъ собою крѣпкое

судно, которое не боится бури, то этого нельзя сказать обь «Express'ѣ», который на пути сюда едва уже не потерпѣлъ крушенія.

„Virgo“, разукрашенный флагами въ день праздника 14 іюля.

VII.

Наполненіе аэростата.

21 іюля. Только сегодня мы могли заняться аэростатомъ, который, съ тѣхъ поръ, какъ его свезли въ парохода, все время находится въ своемъ ящикѣ подлѣ сарая.

Его вносятъ и кладутъ на полъ, покрытый толстымъ слоємъ войлока.

Когда онъ распростертъ на полу, къ нему прилаживаютъ клапаны, сѣтку и сорочку.

Перевозка аэростата.

Рукава, черезъ которыхъ наполняется шаръ, проходятъ черезъ центральное отверстіе, сдѣланное въ полу, и соединяются съ аппаратомъ, вырабатывающимъ газъ, находящимся на 80 метровъ ниже сарая, за домомъ Пикъ.

Эта въ высшей степени трудная работа (одна

оболочка аэростата вѣситъ около 1400 килограммовъ, а сѣтка—450) закончена вечеромъ, 22 подъ мелкимъ пронизывающимъ дождемъ. Утромъ 23 начинается падать крупными хлопьями снѣгъ.

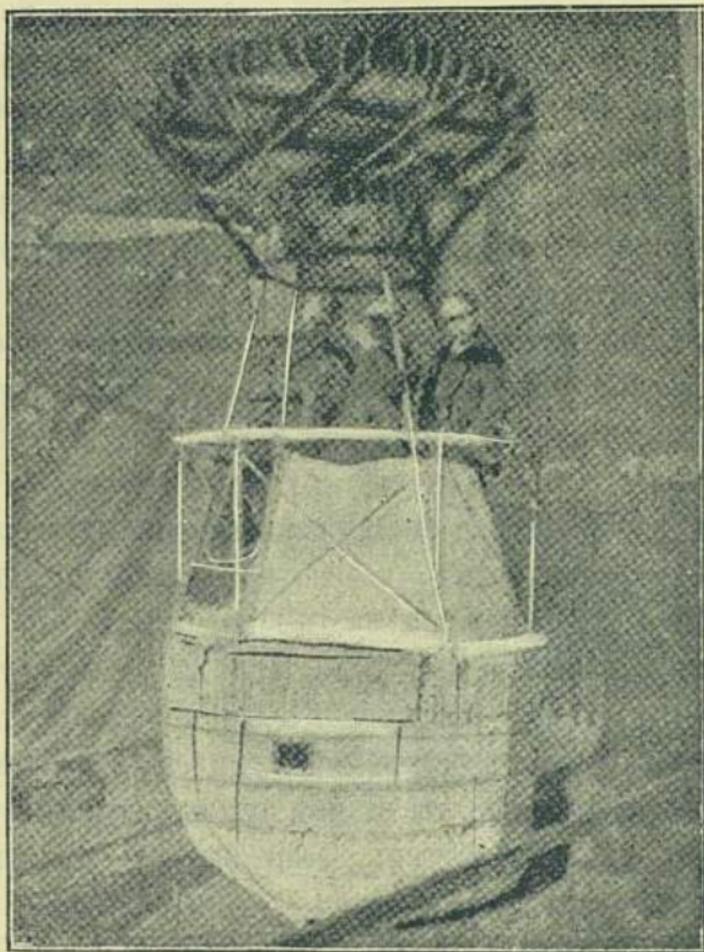
Онъ покрываетъ аэростатъ плотнымъ слоемъ, когда первые кубическіе метры газа начинаютъ съ трудомъ приподымать тяжелую шелковую оболочку. Къ наполненію шара приступаютъ раньше даже, чѣмъ закончена постройка сарая; недостаетъ еще верхней части ограды, и Андрэ отказывается отъ мысли натянуть полотняную крышу, которая однако была бы очень полезна. Но время не терпитъ, и всякая проволочка можетъ помѣшать подъему аэростата.

Лодка, помѣщенная въ пристройкѣ сарая, прекрасно устроена. Нижняя часть вся обтянута паруснымъ полотномъ. Она получаетъ свѣтъ черезъ два боковыя окна. Посрединѣ лежитъ тюфякъ, прикрытый оленьими шкурами.

Вкругомъ сдѣланы перегородки, на которыхъ помѣщаются книги, карты и инструменты, принадлежности туалета и кухонная посуда, оружіе, припасы. Сюда спускаются по траппу, продѣланному въ потолокъ. Вверху, на разстояніи одного метра, находится кругъ, лежащій на перилахъ, благодаря которымъ онъ сохраняетъ горизонтальное положеніе.

Этотъ кругъ образуетъ балконъ, посрединѣ котораго будутъ находиться двое изслѣдователей, въ

то время, какъ третій будетъ отдыхать. Къ этому кругу привязаны инструменты, компасы, секстанты,

Лодка аэростата.

теодолиты, барометры, термометры, фотографическіе аппараты, и т. п.

Веревки, поддерживающія лодку, связаны вверху канатомъ, который приближаетъ ихъ къ центру и удаляетъ отъ балкона; онѣ удаляются потомъ отъ этого шестиугольника и присоединяются къ кругу, который въ свою очередь прикрѣпленъ къ сѣткѣ.

Между веревками отъ потолка лодки до балкона расположено 6 полотняныхъ кармановъ съ отдѣленіями, въ которыхъ будутъ лежать предметы и инструменты, которые нужно имѣть подъ рукой каждую минуту.

На соединительномъ кругѣ находится доска, раздѣленная перегородками; въ отдѣленіяхъ помѣщаются четыре корзины съ массой принадлежностей: веревками, якорями, буями и т. п.

Въ центрѣ доски сдѣлано квадратное отверстіе, въ которое проходитъ веревочная лѣстница, привязанная къ нижней части аэростата, съ помощью которой можно подняться къ окошечкамъ, сдѣланнымъ въ предохранительномъ клапанѣ и наблюдать черезъ нихъ внутренность аэростата. Эта доска можетъ, въ случаѣ нужды, служить убѣжищемъ для аэронавтовъ, если бы имъ пришлось оставить лодку.

Соединительный кругъ поддерживаетъ тали, передвигающія рули, дѣйствіе которыхъ въ соединеніи съ парусами производитъ уклоненіе отъ линіи вѣтра. Паруса прикрѣплены къ сѣткѣ пеньковыми веревками.

Три руля привязаны къ талямъ посредствомъ очень замысловатаго механизма. При помощи ручки и шестерни можно вращать рули, состоящiе изъ

Портретъ Стриадберга.

нѣсколькихъ частей соединенныхъ винтомъ. Въ случаѣ, еслибы край руля зацѣпился за стекла, такъ что движенiе аэростата было бы затруднено,

можно освободиться от него, закручивая его при помощи ручки и отдѣляя зацѣпившійся кусокъ; затѣмъ прибавятъ часть руля сверху съ помощью запасныхъ веревокъ.

Для того, чтобы рули сами не отдѣлились въ неблагопріятный моментъ, Андрэ придумалъ приладить пружину, состоящую изъ стальной пластинки, которая производитъ давленіе на гайку винта; напряженіе этихъ пружинъ увеличивается постепенно снизу вверхъ, такъ что всегда раньше всего отдѣляется нижняя часть руля. Эти рули покрыты вазелиномъ, что дѣлаетъ ихъ непромокаемыми и облегчаетъ ихъ движеніе по стеклу.

Надъ кругомъ висятъ полотнянные мѣшки съ отдѣленіями, наполненные всякаго рода припасами и плотно привязанные между веревками, на которыхъ виситъ лодка; всѣ предметы привязаны такъ, что никакой толчекъ не можетъ выбросить ихъ наружу.

Веревки, которыхъ всего 48, образуютъ 48 равныхъ промежутковъ, изъ которыхъ 36 заняты мѣшками съ припасами, а 12 — саями, челноками, реями и т. п.

Припасы состоятъ изъ ящиковъ съ различнаго рода консервами: шоколадомъ, прессованнымъ хлѣбомъ, концентрированнымъ молокомъ, шампанскимъ, бордосскимъ виномъ, алкоголемъ, водой, а также

масломъ, которое необходимо въ полярныхъ странахъ.

Всѣ эти мѣшки взвѣшены и на нихъ сдѣланы соответствующія надписи; ихъ вѣсъ составляетъ 1000 кило. То, что не будетъ израсходовано, послужитъ балластомъ, такъ какъ Андрэ счелъ болѣе практичнымъ взять съ собой вмѣсто балласта припасы.

Аппаратъ, на которомъ будетъ вариться пища, состоитъ изъ цилиндра, висящаго на ремнѣ длиной въ 10 метровъ, вдоль котораго тянется каучуковая трубка. Внутри зажигается спиртовая лампа, которая, при соприкосновеніи со спичкой, загорается съ помощью, небольшого, очень простаго механизма, приводимаго въ движеніе шнуркомъ.

Небольшихъ размѣровъ кастрюлька, находящаяся въ цилиндрѣ и наполненная водой, закипаетъ въ нѣсколько минутъ.

Лампу можно потушить, если подуть съ лодки въ трубку; въ зеркаль, расположенномъ на разстояніи 45 градусовъ, можно видѣть, хорошо ли она потушена.

VIII.

„Эрлингъ Ярль“.

Данскъ-Гаттъ, 23 іюля. — Южный вѣтеръ, дувшій почти безпрерывно со времени нашего

прибытія въ Данскъ-Гаттъ, прекратился 19 іюля, и теперь здѣсь господствуютъ сѣверные или сѣверо-восточные вѣтры съ дождемъ или снѣгомъ.

Аппаратъ, вырабатывающій газъ, функционируетъ правильно и даетъ около 60 кубическихъ метровъ въ часъ.

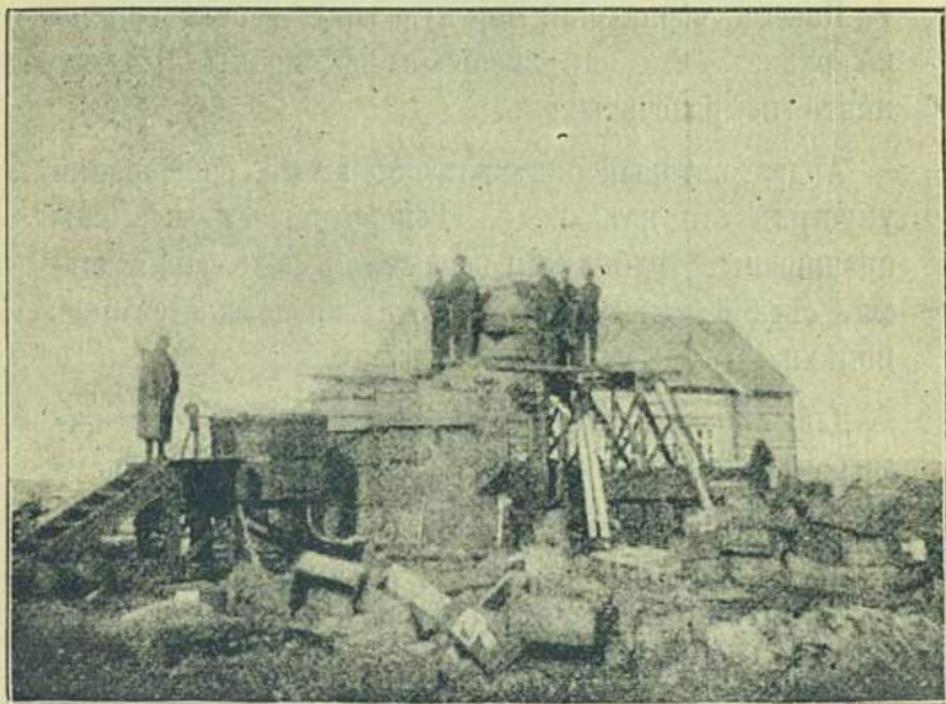
Учреждено четыре дежурства по шести часовъ, и я дежурю первый отъ восьми часовъ вечера до двухъ часовъ утра. Мнѣ помогаютъ только два матроса, изъ которыхъ одинъ недурно говоритъ по французски, и Кносъ, *инженеръ*, поступившій сюда изъ желанія принять участіе въ экспедиціи. Позже, меня смѣняетъ Стриндбергъ; за нимъ дежуритъ Андрэ, а потомъ опять я.

Въ одиннадцать часовъ вечера тишина нарушается ревомъ сирены, который повторяется эхомъ горъ. Затѣмъ я вижу, какъ медленно и величественно приближается великолѣпный «Эрлинъ Ярль» съ поднятымъ норвежскимъ флагомъ и бросаетъ якорь на нѣкоторомъ разстояніи отъ «Virgo».

Морская вода, съ которой сливаются сульфаты и химическіе остатки изъ нашего аппарата, на протяженіи нѣсколькихъ километровъ принимаетъ цвѣтъ ржавчины. Это поражаетъ пріѣзжихъ, которые полагаютъ, что видятъ дно океана.

Капитанъ «Virgo», Цашау, отправляется встрѣчать пріѣзжихъ и возвращается съ цѣлымъ ворохомъ писемъ.

Снѣгъ усиливается, и въ сараѣ нѣтъ никакой защиты отъ него. Мы устраиваютъ что то вродѣ будки въ ящикѣ, гдѣ лежала сѣтка.

Аппаратъ для производства водорода.

Въ началѣ наполненія аэростата мы испытываемъ много трудностей, и я часто принужденъ обращаться за помощью въ мастерскую, гдѣ вырабатывается газъ. такъ какъ шаръ въ высшей степени тяжело двигать.

Приключеніе: аэростатъ получилъ уже 1000 кубическихъ метровъ газа, когда аппаратъ вдругъ

останавливается и отказывается работать. Среди членов экспедиции волнение. Что бы это могло значить?

Дѣло вотъ въ чемъ:

Насось, черпающій морскую воду, всосалъ столько раковъ, что они засорили все краны. На это никто не разсчитывалъ.

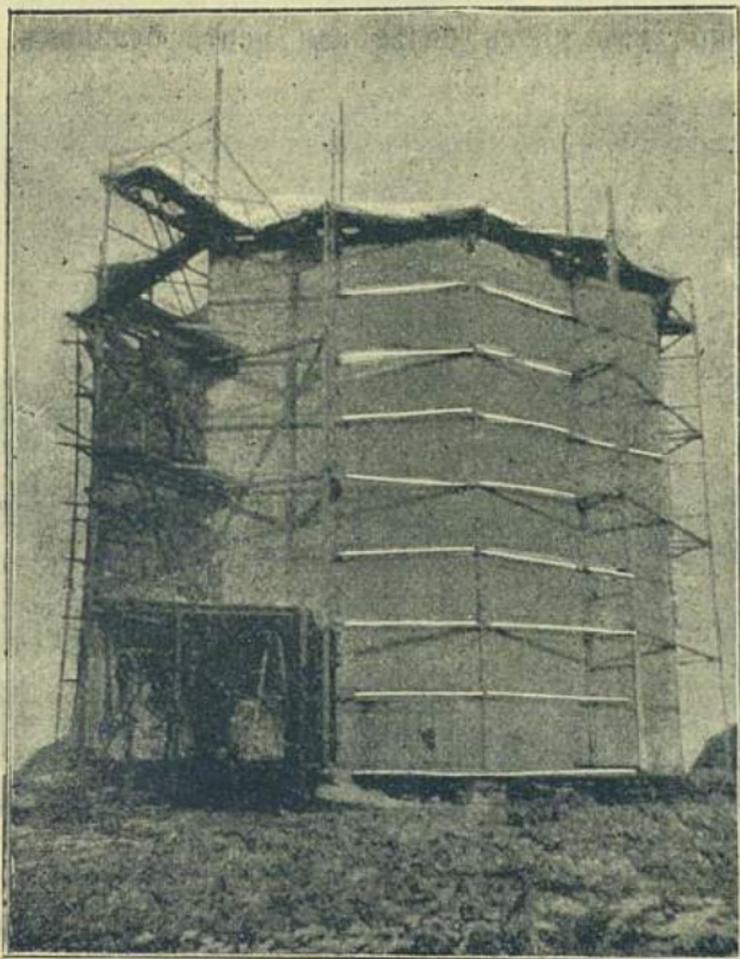
Андрэ, который подумалъ обо всемъ, совершенно упустилъ это изъ виду. Генераторы и клапаны прочищены, трубка для всасыванія воды снабжается сѣткой, а затѣмъ работа продолжается безъ помѣхи.

Для производства газа употреблено 25.000 килограммовъ сѣрной кислоты и 15.000 килограммовъ стараго желѣза.

Все, что только придумано химіей и физикой для очистки, взвѣшиванія, провѣрки, есть въ приборѣ Андрэ.

Утромъ 24 іюля туристы съ парохода «Эрлингъ Ярль» высаживаются на островъ; ихъ около шестидесяти, изъ различныхъ странъ. Нѣкоторые приносятъ мнѣ извѣстія о моихъ друзьяхъ, и знакомство быстро завязано. Насъ окружаютъ и засыпаютъ вопросами. Андрэ любезно принимаетъ гостей и развиваетъ свои теоріи относительно средствъ, какія онъ думаетъ употребить, чтобы достигнуть полюса. Онъ описываетъ инструменты и приборы.

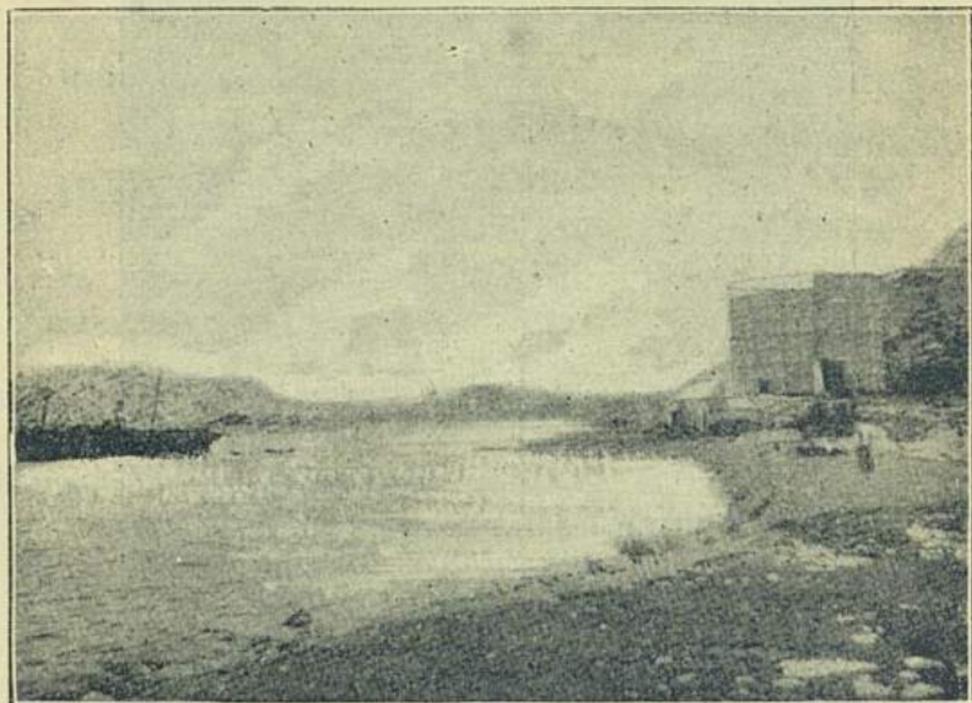
Я раздаю туристамъ образчики ткани, изъ которой сдѣланъ аэростатъ.

Законченный сарай.

Мы получаемъ извѣстiе изъ Европы; они доставляютъ удовольствiе, котораго не могутъ понять

тѣ, которые не уѣзжали далеко. Впрочемъ, все въ этихъ дикихъ странахъ способствуетъ увеличенію тоски по тому, что мы оставили, и люди, пріѣзжающіе изъ мѣстъ болѣе или менѣе близкихъ къ

«Virgo» и наполненный аэростатъ въ сараѣ.

нашей родинѣ, кажутся намъ близкими, долго-ждан-ными друзьями.

Вечеръ 24 проходитъ очень весело. Я обѣдаю на «Эрлинъ Ярлѣ» и присутствую на концертѣ, который даютъ настоящіе артисты. Мнѣ приходитъ въ голову, что я былъ бы, вѣроятно, очень удив-

лень, еслибы на какомъ-нибудь концертѣ въ Парижѣ мнѣ, сказали: «Черезъ столько-то мѣсяцевъ, въ такое-то время, вы услышите тѣ же инструменты на Шпицбергенѣ; будете наслаждаться тѣми же мелодіями»...

Человѣкъ никогда не можетъ знать, что съ нимъ будетъ.

Суббота 25.—Въ полдень приходитъ маленькое судно «Express» съ письмами. Въ часъ «Эрлинъ Ярль» отправляется въ экскурсію. Они хотятъ дойти до сплошного льда, и любезный капитанъ Бадъ предлагаетъ мнѣ мѣсто на своемъ суднѣ. Но, не смотря на все желаніе, я не могу теперь оставить Андрэ, такъ какъ аэростатъ требуетъ всего нашего вниманія.

Воскресенье 26. Андрэ ведетъ бесѣду съ экипажемъ. Его горячая яркая рѣчь, его техническія объясненія, поражающія своей ясностью, часто вызываютъ аплодисменты.

Понедѣльникъ 27.—Наполненіе аэростата заканчивается, когда «Эрлинъ Ярль» возвращается съ экскурсіи.

«Викторія» приходитъ вечеромъ, и собраніе четырехъ судовъ придаетъ Данскъ-Гатту праздничный видъ, чему въ значительной степени способствуетъ солнце. Наша маленькая интернаціональная колонія очень оживлена.

Послѣ цѣлой недѣли, проведенной въ ожиданіи

подъема аэростата, туристы теряютъ терпѣніе. Они хотятъ быть 9 августа въ Вадео, чтобы видѣть солнечное затмѣніе.

30 іюля намъ предложенъ торжественный обѣдъ на «Эрлинъ Ярлѣ», а 31 туристы приходятъ къ нашему сараю.

Направо и налево отъ входа вытянулись въ два ряда матросы «Virgo» и «Эрлинъ Ярлѣ»; въ глубинѣ пассажиры собрались вокругъ изслѣдователей.

Произносится нѣсколько рѣчей капитаномъ парохода «Эрлинъ Ярлѣ», и нѣкоторыми туристами. Молодая дѣвушка, путешествующая со своимъ женихомъ и съ родственницей, повязываетъ руку Андрэ голубой лентой и подноситъ ему бутылку лучшаго вина, пирогъ и розовый кустъ съ четырьмя розами: по одной каждому изъ аэронавтовъ.

Тогда капитанъ съ «Эрлинъ Ярла», Бадъ, говоритъ Андрэ:

— Если вы достигнете того таинственного мѣста, къ которому вы стремитесь, бросьте тамъ четвертую розу въ знакъ мира съ старымъ свѣтомъ.

— Дорогие друзья, — отвѣчаетъ Андрэ взволнованнымъ голосомъ, — дорогие друзья, явившіеся издалека, чтобы видѣть, какъ я отправлюсь на за-

воеваніе великой невѣдомой области, благодарю васъ!!!

«Сударыня, вы положили узы на меня, который хочеть отправиться впередъ; но эти узы будутъ моимъ талисманомъ. Меня назвали великимъ человѣкомъ; мнѣ будетъ трудно заслужить это имя, если скверные вѣтры будутъ продолжать дуть, какъ теперь, еще нѣсколько недѣль. Наше величіе улетитъ вмѣстѣ съ нами далеко, очень далеко. Тутъ мы ничего не можемъ подѣлать. Если мы не поднимемъ, то мы можемъ сказать, по крайней мѣрѣ, что сдѣлали все, что было въ человѣческой власти, и вы можете это засвидѣтельствовать.

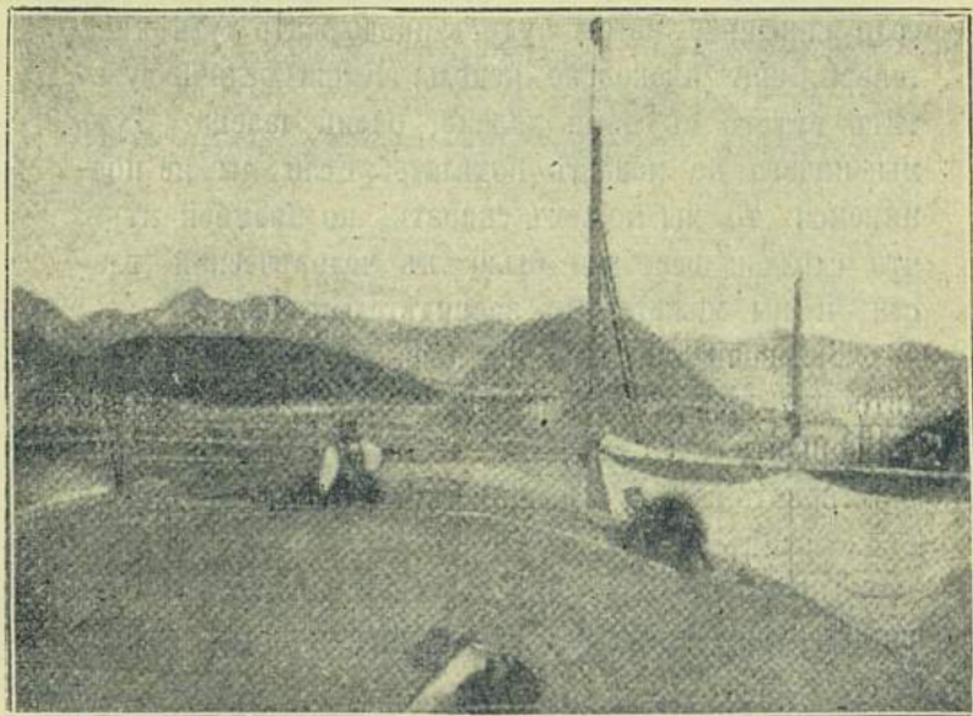
«Вы возвращаетесь на ютъ, и, если вы встрѣтите эти вѣтры, которые намъ такъ необходимы, о! пошлите ихъ къ намъ, и мы будемъ ихъ привѣтствовать, какъ вѣстниковъ отъ нашихъ друзей съ «Эрлинъ Ярла».

«Товарищи съ «Virgo», четырехкратное ура нашимъ друзьямъ, которые пошлютъ намъ южные вѣтры».

Во время этой трогательной манифестаціи «Эрлинъ Ярль» даетъ въ честь экспедиціи Андрэ салютъ въ двадцать одинъ пушечный выстрѣлъ, который потрясаетъ эхо долинъ.

Затѣмъ, когда рѣчи окончены, всѣ уходятъ съ острова, и вечеръ заканчивается на пароходѣ «Эрлинъ Ярль», который, какъ и «Virgo» разукрашенъ

множествомъ флаговъ, какъ въ дни большихъ праздниковъ. Я не могу оторвать глазъ отъ французскаго знамени, гордо развѣвающагося на великолѣпномъ пароходѣ — любезное вниманіе ко мнѣ капитана, которое трогаетъ меня до глубины души.

!Верхняя часть аэростата (верхушка сарая).

Сколько воспоминаній соединяется съ этимъ знаменемъ! сколько отрады! И какъ понятно вдали отъ родины все нѣмое краснорѣчіе этого славнаго символа! Среди всѣхъ этихъ людей, занесенныхъ на край свѣта, говорящихъ на незнакомыхъ мнѣ язы-

кахъ, въ обществѣ которыхъ я самъ себя чувствую одинокимъ вслѣдствіе того, что меня едва понимаютъ, есть живое воспоминаніе о странѣ, даже представитель французской земли—*знамя*, поднятое иностраннымъ судномъ для того, чтобы выразить мнѣ то уваженіе, съ какимъ относятся къ сынамъ этой благородной страны... И этотъ флагъ какъ бы говоритъ мнѣ: «Ты не одинъ, и я здѣсь; ты не одинокъ; мы—*величина*; здѣсь мы кое-что значимъ».

Мы всходимъ на пароходъ, и скоро съ бокалами шампанскаго въ рукахъ—еще одно воспоминаніе о Франціи!—провозглашаемъ многочисленныя тосты. Оживленіе все увеличивается; раздаются пѣніе, восклицанія; слышатся шумные разговоры, пожеланія счастья, планы будущихъ встрѣчъ, и мы очень поздно оставляемъ гостепріимный пароходъ и возвращаемся на «*Virgo*».

Какой день! Какъ быстро сходишься при подобныхъ обстоятельствахъ, когда, за тяжелымъ монотоннымъ одиночествомъ въ этихъ холодныхъ странахъ, слѣдуетъ шумная встрѣча съ незнакомцами, которые быстро превращаются въ друзей!

1 августа, девять часовъ утра.—Небо пасмурное. «Эрлинъ Ярль» снимается съ якоря, посылаетъ намъ послѣдніе салюты и привѣтствія, затѣмъ медленно скользитъ по водѣ, оставляя по-

зади пѣнистую полосу. Шумъ машины дѣлается болѣе правильнымъ, скоро мы его совѣмъ не услышимъ, и съ легко понятной грустью, мы слѣдимъ за тѣмъ, какъ исчезаетъ на горизонтѣ прекрасное судно, которое внесло жизнь и радость въ нашу среду.

Долго еще, стоя на мостикѣ, я слѣжу глазами за струйкой черного дыма, слышу послѣдній звукъ сирены и спускаюсь въ свою каюту болѣе грустный, чѣмъ мнѣ бы хотѣлось въ этомъ себѣ признаться.

Натуралистъ Грумбергъ не перестаетъ обогащать своихъ коллекцій; онъ удитъ рыбу, охотится, разставляетъ капканы для лисицъ. Ему удалось поймать двухъ молодыхъ, которыхъ онъ поселилъ на островѣ въ клѣткѣ, къ которой какой то шутникъ прибилъ дощечку съ написаннымъ по шведски отрывкомъ изъ «Отче нашъ: хлѣбъ нашъ насущный даждь намъ днесь»

Грумбергъ ревниво слѣдитъ за своими питомцами и рѣшаетъ подарить ихъ зоологическому саду въ Стокгольмѣ. Но наканунѣ отъѣзда, лисицы, которыя уже давно подготавливали свое освобожденіе, перегрызая доски клѣтки, убѣжали въ горы, преслѣдуемая матросами, которые стрѣляли въ нихъ.

Я сильно сомнѣваюсь, чтобы Грумбергъ могъ ихъ поймать снова въ слѣдующее лѣто.

Но кто знаетъ!... Все можетъ случиться!...

— Вы должны были, говорить кто то, прицѣпить имъ ленточку къ хвосту, чтобы узнать ихъ.

Я замѣтилъ, что эти молодыя лисички знали, можетъ быть, басню Лафонтена: «Рыбка и рыбакъ» и что онѣ, вѣроятно, вернутся къ нему, когда подрастутъ.

Я пишу подражаніе этой баснѣ, *спеціально* принаровленное къ случаю:

Les Renardeaux et le Chasseur.

Petit renard deviendra grand,
Pourvu que Dieu lui prête vie
Mais le lâcher en attendant
Je tiens pour moi que c'est folie.

Deux renards qui n'étaient encore que renardeaux
Deux jouvenceaux
Furent pris d'aventure
Par le docteur Grumberg
Au Spitzberg.

— Tout fait nombre, dit l'homme en voyant sa capture,
Voilà commencement d'une collection;

Faisons-leur une cage en bonne condition,
Un de ces renardeaux, regrettant sa tanière

Lui dit en sa manière:

— Que ferez vous de nous, nous ne saurions fournir
Qu'un bien mince cadeau pour un petit musée...

Laissez nous renards devenir;

Vous nous prendrez plus tard, quelque belle journée...

Un muséum sérieux pour nous para très cher...

Tandis qu'il vous en faut chercher

Peut être cent de notre taille

Pour faire un don: quel don! croyez moi, rien qui vaille.

— Rien qui vaille? Eh bien, soit! répondit le chasseur; Renardeau, bel ami, qui faites le prêcheur, Vous irez dans la cage; et, vous aurez beau dire.

Tout à l'heure on va la construire.

Un *Tiens* vaut, ce dit on, mieux que deux *Tu Vauras*
L'un est sûr, l'autre ne l'est pas.

Mais les renardeaux, sourds à cette horangue
(Peut-être du docteur ignoraient-ils la langue),

Travaillèrent taut et si bien
Qu'un jour le docte praticien
De raretés avide
Trouva la cage vide ¹⁾

Любезный докторъ Экелундъ рѣдко имѣеть случай примѣнить свою специальность, такъ какъ, если не считать нѣсколькихъ отдавленныхъ пальцевъ или другихъ, болѣе легкихъ пораненій, здо-

¹⁾ Лисица и охотникъ.

Маленькая лисица подрастетъ, если Богъ продлитъ ей жизнь, но выпустить ее пока, я считаю глупостью. Двѣ молодыя лисицы были случайно пойманы докторомъ Грумбергомъ на Шницбергенѣ. Все годится, сказалъ онъ: «вотъ начало коллекціи; нужно сдѣлать для нихъ клѣтку». Одна изъ лисицъ сказала ему: «что вы съ нами сдѣлаете? Мы представляемъ собой очень скудный подарокъ для маленькаго музея. Дайте намъ подрасти, и тогда вы насъ возьмете позже, когда-нибудь. Хорошій музей заплатитъ за насъ очень дорого; тогда какъ теперь вамъ нужна сотня такихъ, какъ мы, чтобы сдѣлать ничего нестоющій подарокъ. Ничего нестоющій подарокъ? Хорошо, сказалъ охотникъ, мой милый ораторъ, ты пойдешь въ клѣтку, несмотря на свои разговоры. Синица въ рукѣ лучше, чѣмъ журавль въ небѣ. Но лисицы, несмотря на эту рѣчь (можетъ быть онѣ не понимали языка доктора) такъ успѣшно трудились, что въ одинъ прекрасный день практичный ученый, любитель рѣдкостей, нашелъ клѣтку пустой.

ровѣ всѣхъ отлично. Онъ проводитъ свой досугъ, выдергивая гвозди изъ ящиковъ, или въ приготовленіи коллекцій птицъ различныхъ видовъ, которыхъ онъ убиваетъ на охотѣ.

Во время наполненія шара онъ наблюдаетъ за дѣйствіемъ аппарата и мѣняется дежурствами съ профессоромъ Арреніусомъ и Стакомъ.

Они также участвуютъ въ метеорологическомъ дежурствѣ, которое самымъ правильнымъ образомъ ведется членами экспедиціи.

Наблюденія подробно вносятся каждый часъ въ корабельный журналъ.

Снѣгъ на островѣ Амстердамѣ окрашенъ въ красный цвѣтъ на довольно большомъ протяженіи, и ученые набрали его, чтобы изслѣдовать подъ микроскопомъ. Онъ дѣйствительно, представляетъ нѣкоторыя особенности: увѣряютъ, что онъ содержитъ микроскопическія растеньица: извѣстный китоловъ Скоресби уже замѣтилъ это.

IX.

Снѣгъ.

Данскъ-Гаттъ, 4 августа. «Express» ушелъ вчера вечеромъ, увозя наши послѣднія письма, и теперь у насъ нѣтъ больше надежды получить ка-

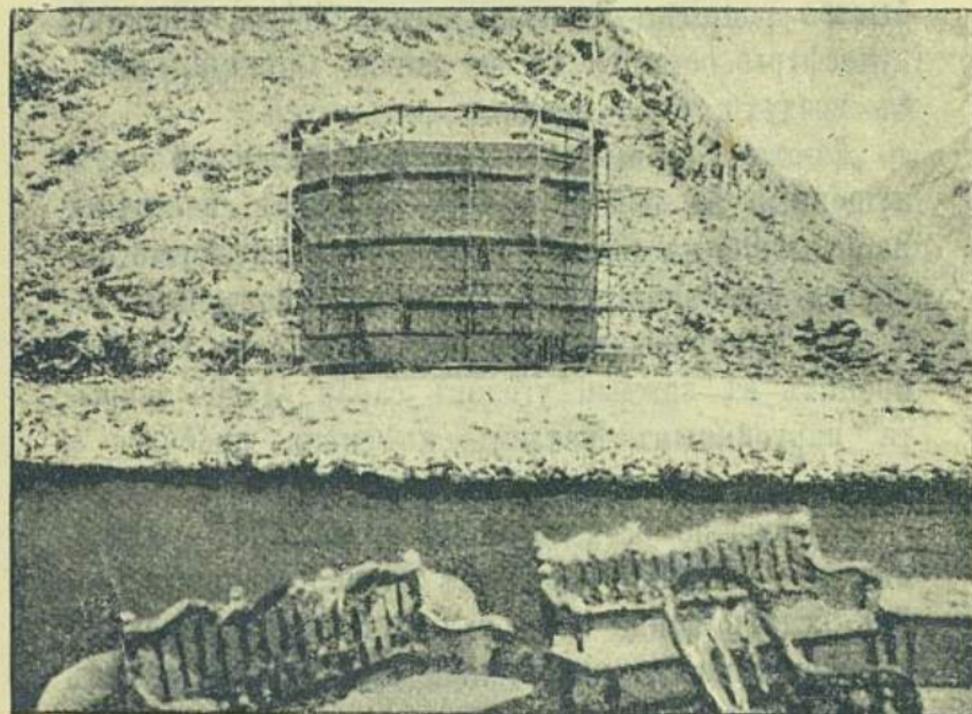
кія либо вѣсти изъ Европы, такъ какъ лѣто уже проходить.

Сѣверный вѣтеръ продолжаетъ дуть; онъ принесъ намъ настоящую снѣжную бурю. Горы покрылись снѣгомъ, и природа какъ бы готовится ко сну. Птиць меньше; рѣже слышны ихъ веселые крики. Бѣлый капюшонъ покрываетъ куполь аэростата, который ждетъ только дуновенія южнаго вѣтра, чтобы подняться; но этотъ вѣтеръ, дувшій въ іюль, теперь совершенно исчезъ. Иронія судьбы! Кто могъ предвидѣть это препятствіе, и какъ бы могла удался экспедиція, если бы намъ были извѣстны тайные замыслы боговъ!

Теперь небо на сѣверѣ туманное и темное; солнце уже давно не показывается, море бурное. Флагъ, поставленный на горѣ позади сарая, который долженъ былъ указывать намъ направленіе вѣтра, опрокинутъ въ эту почъ вихремъ. Лоцманъ говоритъ, что до конца этого мѣсяца намъ не грозитъ опасность, что море замерзнетъ, но капитанъ объявилъ, что «*Virgo*» снимется съ якоря и пойдетъ къ югу не позже 20 числа, чтобы ни случилось съ полярной экспедиціей.

Андрэ и его двое товарищей терпѣливо ждутъ появленія кусочка яснаго неба и свѣжаго южнаго вѣтра, чтобы подняться; ихъ поддерживаетъ сильная вѣра. Аэростатъ самъ какъ будто ждетъ, чтобы его освободили отъ связывающихъ его оковъ,

чтобы показать свою силу и мощь. Все готово, предусмотрено, проверено Андрэ до мельчайших подробностей; припасы, инструменты, приборы на своих местах.

Видъ аэростата съ «Virgo».

Остается только привесить лодку и снять верхнюю часть сарая, это дѣло нѣсколькихъ часовъ, но нуженъ благоприятный вѣтеръ, и мы напрасно ждемъ его.

Всѣ эти проволоочки, независящіе отъ Андрэ,

мѣшаютъ успѣху его экспедиціи. Это очень прискорбно, такъ какъ солнце уже очень низко, и полярная ночь быстро приближается.

5 августа, полдень.—Снѣгъ продолжаетъ идти, но вѣтеръ принимаетъ ЮЗ направленіе, и надежда быстро растеть. Въ семь часовъ вечера состояніе атмосферы остается то же самое. Снѣгъ кружится въ воздухѣ; небо мрачное.

Данскъ-Гаттъ, 6 августа.—Маленькій шаръ, пущенный въ шесть часовъ, принялъ восточное направленіе на высотѣ 300 метровъ. Газовый аппаратъ функционируетъ, шаръ наполненъ еще десять дней тому назадъ. Онъ покрытъ снѣгомъ, который проникъ въ каждый уголокъ сарая. Лодка закрыта парусинымъ чехломъ, но снѣгъ пробился и туда.

Невозможно оставаться на палубѣ, гдѣ бушуетъ вѣтеръ, и день проходитъ скучно и монотонно. Всѣ ждутъ конца этой кампаніи. Пока пароходы съ туристами и китоловныя суда окружали насъ и вносили въ это одиночество движеніе и жизнь, наше мѣстопробываніе было очень пріятно: это была веселая и оживленная маленькая интернаціональная колонія. Теперь Данскъ-Гаттъ снова принялъ мрачный, заброшенный видъ. А снѣгъ все надалѣ, — какъ сказалъ бы Ксавье де-Монтень...

Сидя въ своей маленькой каютѣ, я начинаю перелистывать свои книги, которыя давно уже

знаю наизусть, въ надеждѣ найти въ нихъ, если не что-нибудь новое то особенно любимое... И я не ошибаюсь, такъ какъ съ удовольствіемъ перечитываю въ «La Mer» моего друга дѣтства, поэта Жана Ришчена, слѣдующее стихотвореніе о снѣгѣ, вполне подходящее къ настоящимъ обстоятельствамъ.

Какъ далеко то время, когда, сидя на скамьѣ въ нашей маленькой школѣ въ Бельвилѣ, мы вмѣстѣ разсматривали на картѣ Европы небольшой архипелагъ Шпицбергенъ, который представлялся моему дѣтскому воображенію недостижимой точкой!..

Effet de neige ¹⁾.

Dans la mer au bleu plombé
Le ciel blafard est tombé
Aucun vent! même une plume
Ne tiendrait pas en l'air;
Et pas un seul rayon clair
Sur tout ce gris ne s'allume.

¹⁾ *Снѣгъ.*

Тусклое небо отразилось въ свинцово-синемъ морѣ. Нѣтъ ни малѣйшаго вѣтерка! перо не удержалось бы въ воздухѣ; вся эта сѣрая природа не освѣщается ни единымъ лучомъ солнца. Вдругъ будто серебряная бабочка паритъ, широко расправивъ крылья. Это серебро оживляетъ потухшія краски воды, которая снова становится зеленой. За ней другія, медленныя, тяжелыя, съ бѣлой грудью и бѣлыми крыльями. Одна, сто, тысяча, милліоны, цѣлый вихрь снѣжныхъ бабочекъ. Это снѣгъ тихо падаетъ съ неба, гдѣ онъ лѣниво спалъ, и безшумно погружается въ зеленую воду. Хлопья соединяются, и небо становится желтымъ и пушистымъ; но море красноватое и свѣтится, какъ будто изъ глубины воды распространяется блескъ

Sondain plane en voltigeant
Comme un papillon d'argent,
L'envergure grande ouverte.
Cet argent sur ces étains
Réveille les tous éteints
De l'eau qui repevient verte.

Après lui d'autres, lents, lourds
Au corset de blanc velours,
Aux ailes d'hermine blanche,
Un, cent, mille, millions
Tourbillon de papillons
Papillons en avalanches

C'est la neige doucement
Qui croule du firmament.
Elle y dormait paresseuse
Sur le nid qu'elle couvait,
Et sans bruit son fin duvet
Descend dans l'onde mousseuse.

Les flocons mêlent leurs noeuds,
Font le ciel jaune et laineux;
Mais la mer est purpurine
Et seintille par-dessous,
Comme de l'éclat dissous
Jaille d'une aube marine.

Небо угрюмое, но внизу тѣни разсѣиваются подъ вліяніемъ свѣта, исходящаго изъ глубины, который, отражаясь въ хлопьяхъ снѣга, принимаетъ радужные оттѣнки. Какой странный день! Можно подумать, что находишься въ таинственной странѣ, незнакомой даже олевиамъ, гдѣ блѣдныя сѣверныя ноги окрашиваются холодными лучами. Въ мрачномъ и холодномъ воздухѣ показалась стая сѣверныхъ птицъ, разбрасывающихъ бѣлые цѣты, сорванные въ царствѣ Эреба. Да, это полюсь! темный холодный адъ съ подвижными льдами и фантастическими ущельями. Кажется, будто видишь сквозь эту густую пелену, какъ по небу, ходятъ молчаливыя льдины.

Жанъ Ришпенъ.

Ténébreux est le plafond,
Mais en bas l'ombre se fond
Aux feux de cette ombre étrange,
D'où la lumière à présent
Monte et fuse en s'irisant
Sur ce coton qui s'effrange.

Quel jour bizarre! on dirait
Qu'on est au pays secret
Juconnu même des rennes;
Ou l'effluve sans chaleur
Colore seul la pâleur
Des nuits hyperboréennes.

Dans l'air obscur et glacé
Voici qu'un vola passé.
Oiseaux du Nord, lummes grêbes,
Dont les bras battant les flancs
Sément tous ces oeillets blancs,
Cueillis dans les blancs Erêbes.

Oui c'est le pôle! on s'y croit.
L'enfer sombre, l'enfer froid,
Aux oeuvres magnétiques,
L'enfer blême on l'on attend
Les banquises cahotant
Leurs défilés fantastiques.

Car sous ce voile épaissi
Il semble qu'on voie aussi,
Comme aux horizons polaires,
Voguer sur l'écran des cieux,
Les glaçons silencieux,
En flottes crepusculaires.

Jean Richepin.

X.

Долгое ожиданіе.

Смиренбургъ, пятница 7 августа, полдень.—
Небо прояснилось, и появилось пѣсколько солнеч-

ныхъ лучей, которые вернули намъ нѣкоторую надежду.

Снѣгъ таетъ, по вѣтеръ, хотя и слабый, продолжаетъ дуть на западъ. Аэростатъ прекрасно держитъ газъ, но изъ него мало по малу начинаетъ капать.

Я совершаю большую экскурсію на восточный склонъ Датскаго острова. Островъ Фогль-Зундъ освѣщенъ лучами полуденнаго солнца. Птицы проснулись; я замѣчаю нѣсколько стай гагъ.

Въ шесть часовъ пущено четыре пробныхъ шара; три летятъ на Ю.-В. на высотѣ 500 метровъ, и одинъ—въ море на высотѣ 60 метровъ.

Суббота 8.—Десять часовъ; погода пасмурная; вѣтеръ слабый, неопредѣленный, стремится повернуть на Ю.-В. Термометръ, 7 градусовъ.

Послѣ полудня, Ю.-В. вѣтеръ на 1000 метровъ; на землѣ тихо, или слабый сѣверный вѣтеръ.

Девять часовъ вечера, въ верхнихъ слояхъ южный вѣтеръ. Будемъ надѣяться, что онъ спустится, и наши планы, наконецъ, осуществятся.

Воскресенье 9 августа.—Утромъ: слабый южный вѣтеръ; послѣ полудня: затишье; общее уныніе. Энгельмъ заявляетъ, что аэростатъ теряетъ около 30 килограммовъ въ день; онъ рассчитываетъ, что его можетъ хватить на 40—50 дней путешествія, что, конечно, мало при настоящемъ положеніи, но оболочка прочна.

Понедѣльникъ 10 августа.— Аэростатъ очень полонъ, несмотря на то, что онъ не получалъ газа съ пятницы (60 метровъ). Температура болѣе высокая; очень слабый южный вѣтеръ; барометръ безъ перемѣны.

Четыре часа вечера: на землѣ никакого вѣтра. Пробный шаръ пущенъ въ два часа; онъ подымается на 100 метровъ; направленіе — сѣверъ, скорость—отъ 4 до 5 метровъ въ секунду. Семь часовъ вечера: довольно сильный южный вѣтеръ въ верхнихъ слояхъ.

Затѣмъ полная перемѣна; господствуетъ сѣверный вѣтеръ.

Что это? Неужели въ послѣднюю минуту насъ постигнетъ неудача?

Неужели нужно будетъ уложить этотъ шаръ, готовый полетѣть въ страны, гдѣ разбивалось столько усилій уже нѣсколько вѣковъ?..

«Мое королевство за коня»! кричалъ Ричардъ III во время одного изъ тѣхъ сраженій, когда человѣкъ-звѣрь ищетъ славы, убивая себя подобныхъ, разсѣвая вокругъ себя смерть... Чего бы не отдали эти три ученыхъ, отважныхъ изслѣдователя за благопріятный вѣтеръ, который далъ бы имъ возможность продолжать начатую борьбу съ невѣдомымъ!..

Какія горькія размышленія приходили мнѣ въ голову!.. Въ веселую деревню, гдѣ все говорить

о трудѣ и благоденствіи, гдѣ все надѣются на будущее и счастливы своимъ повседневнымъ трудомъ; налетаетъ вдругъ тотъ самый вѣтеръ, котораго мы здѣсь такъ жаждемъ, и въ нѣсколько минутъ ураганъ разсѣваетъ смерть и раззореніе тамъ, гдѣ только что царили жизнь и богатство!..

Здѣсь, наукѣ нужно немного этихъ разрушительныхъ вѣтровъ, только немного, и ничего!.. А, можетъ быть, дальше гдѣ-нибудь они въ это время разбиваютъ корабли, уносятъ жизни!

Ахъ, отчего тебя еще нѣтъ, шаръ, которымъ можно управлять!..

Пятница 14 августа (девятнадцатый день наполненія аэростата), семь часовъ утра.— Лейтенантъ сообщаетъ, что дуетъ южный вѣтеръ, что онъ даже довольно силенъ. Пускаютъ въ дѣйствіе аппаратъ, чтобы наполнить аэростатъ до конца.

Снѣгъ падаетъ, но довольно быстро таетъ. Въ девять часовъ Андрэ пускаетъ маленькій шаръ, который идетъ на сѣверъ до высоты 40—50 метровъ, но потомъ, по мѣрѣ того, какъ поднимается, направляется на востокъ. Затѣмъ опредѣляется *западный* вѣтеръ, и *надежда потеряна*...

Наша радость была кратковременна. Впрочемъ, теперь уже поздно предпринимать такое путешествіе: наступила зима...

XI.

„Фрамъ“.

Въ половинѣ десятато лоцманъ замѣчаетъ трехмачтовое судно на востокъ отъ острова Амстердама.

Сильное волненіе на «Virgo». Зачѣмъ пришло это судно въ эти страны, посѣщаемыя только туристами и китоловами?

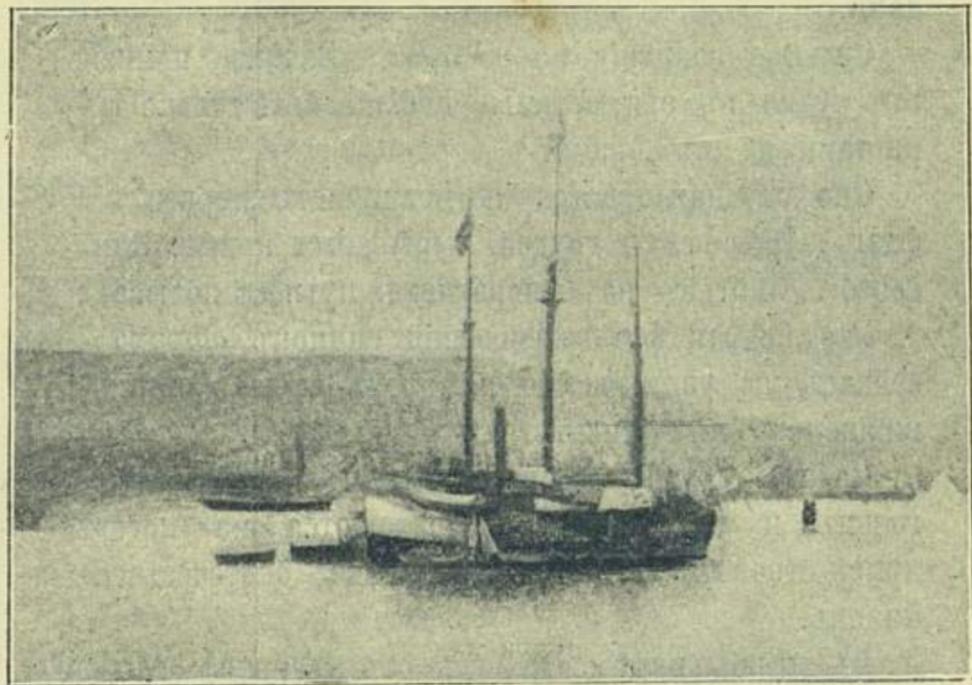
Оно останавливается и поднимаетъ норвежскій флагъ. Изъ всѣхъ грудей вырывается крикъ: Нансенъ!.. Нансенъ на возвратномъ пути съ полюса. .

Кто видѣлъ фотографическій снимокъ «Фрама», сейчасъ же узнаетъ его на этомъ суднѣ, остановившемся въ 4 километрахъ отъ насъ.

Падаетъ мелкій снѣгъ. Капитанъ, Андрэ, Эггольмъ и Стриндбергъ отправляются на катерѣ привѣтствовать своихъ доблестныхъ соотечественниковъ.

Въ нѣсколькихъ саженьяхъ отъ «Фрама» Андрэ и его друзья кричатъ громкое «ура» въ честь Нансена... по лица всѣхъ находящихся на суднѣ принимаютъ печальное выраженіе. Нансена нѣтъ съ нами!.. Онъ оставилъ ихъ 14 марта 1895 г. на 84⁰ сѣверной широты и ушелъ въ сопровожденіи молодого лейтенанта Югансена, взявшій съ собой сани, двадцать восемь собакъ и припасовъ на сто двадцать дней.

Онъ пошелъ по направленію къ полюсу въ надеждѣ достигнуть затѣмъ земли Франца-Иосифа, гдѣ по его разсчетамъ должна была зимовать (?) англійская экспедиція Джаксона.

«Фрамъ» въ Тромсё.

Когда первое волненіе улеглось, члены обѣихъ экспедицій стали бесѣдовать самымъ задушевнымъ образомъ, удивленные и счастливые этой встрѣчей въ Сѣверномъ Ледовитомъ океанѣ.

«Фрамъ», третьяго дня еще затертый льдинами

подъ 81°, узналъ о нашемъ пребываніи отъ китоловнаго судна; какъ только море открылось, онъ повернулъ въ Данскъ-Гаттъ въ надеждѣ узнать у насъ что нибудь о Хансенѣ!..

Капитанъ Свердрупъ, лейтенантъ Хансенъ, докторъ и пятеро моряковъ садятся въ катеръ. Остальные трое остаются на суднѣ, и маленькое общество отправляется посмотрѣть аэростатъ, находящійся въ сараѣ.

Какъ и слѣдовало ожидать, удивленіе ихъ очень велико...

Затѣмъ экспедиція отправляется на «Virgo», гдѣ ее встрѣчаютъ шампанскимъ. Приятно видѣть этихъ отважныхъ путешественниковъ обрадованныхъ встрѣчей съ братьями по оружію послѣ трехъ лѣтъ и двухъ мѣсяцевъ, проведенныхъ среди полярныхъ льдовъ. Я гордъ тѣмъ, что однимъ изъ первыхъ привѣтствую возвращеніе «Фрама», и мнѣ удастся побесѣдовать съ лейтенантомъ Хансеномъ, который довольно хорошо говоритъ по французски. Это—очень милый человѣкъ, лѣтъ тридцати, выше средняго роста, смуглый, съ живыми глазами и симпатичнымъ лицомъ.

Онъ предлагаетъ мнѣ много вопросовъ относительно событій, совершившихся въ Европѣ за послѣдніе три года, и я рассказываю ему о смерти Императора Александра III, объ убійствѣ прези-

дента Карно и т. п. Я сообщаю ему также о новѣйшихъ открытіяхъ и изобрѣтеніяхъ: о сине-матографѣ, объ X лучахъ и т. д.

Все это живо его интересуеъ; затѣмъ онъ рассказываетъ мнѣ вкратцѣ о путешествіи «Фрама».

Андрэ произноситъ рѣчь и провозглашаетъ тостъ за Нансена и его достойныхъ товарищей. Капитанъ и лейтенантъ отвѣчаютъ нѣсколькими прочувствованными словами, и я восхищаюсь этими смѣльчаками, которые понесли европейское знамя до 86° сѣверной широты.

Они счастливы тѣмъ, что скоро снова увидятъ свою родину и свои семьи, но спокойны и терпѣливы, какъ и подобаеъ героямъ.

Лейтенанта ожидаетъ невѣста...

Андрэ передаетъ ему только что полученное письмо отъ его матери. Онъ даетъ также капитану Свердрупу письмо для Нансена съ надписью: «На сѣверный полюсъ».

Въ библіотекѣ «Фрама» находится «Пять недѣль на аэростатѣ» Жюля Верна, и путешественники часто мечтали о томъ, что экспедиція на аэростатѣ прійдетъ къ нимъ на помощь. Мечта была очень близка къ дѣйствительности; все непредвидѣнно въ жизни, но все случается. Если бы полярный аэростатъ могъ подняться нѣсколько дней тому назадъ, онъ бы, конечно, встрѣтилъ «Фрамъ», но человѣкъ предполагаетъ, а Богъ располагаетъ!

Съ грустью мы думаемъ о томъ, чтобы везти аэростатъ обратно въ Швецію и ждать!..

Разочарованіе для полярной экспедиціи Андрэ, радость и триумфъ для экспедиціи Нансена, если начальникъ ея скоро возвратится.

Андрэ прикалываетъ капитану розу *la France*, цвѣтокъ, рѣдкій на Шницбергенѣ, и подноситъ ему ящикъ превосходныхъ сигаръ. Затѣмъ наши гости уѣзжаютъ на свое судно при громкомъ ура экипажа «*Virgo*».

Идетъ мелкій, холодный снѣгъ, когда мы въ пять часовъ вечера возвращаемъ визитъ на «Фрамъ», съ котораго мы дѣлаемъ нѣсколько снимковъ.

Когда мы приближаемся къ судну, около двадцати сибирскихъ собакъ встрѣчаютъ насъ лаемъ, но они признаютъ въ насъ друзей, и лай ихъ выражаетъ скорѣе радость, чѣмъ непріязнь.

Капитанъ Свердрупъ принимаетъ насъ, какъ хозяинъ судна, которое не обладаетъ изяществомъ «Эрлинъ Ярла», но внушаетъ довѣріе своимъ сильнымъ строеніемъ. Это традиціонное норвежское судно со своимъ толстымъ деревяннымъ кузовомъ, мачтами и обшивкой, вырубленными топоромъ. Опрокинутыя лодки, стоящія на подпоркахъ, образуютъ навѣсъ, подъ которымъ висятъ медвѣжки оборока, отчасти уже высохшіе и изрѣзанные, недавно убитыя птицы, и т. п.; далѣе бочки, якори,

веревки, воротъ. На кормѣ — руль, помѣщенный въ квадратномъ отверстіи, сдѣланномъ въ кузовѣ. Рядомъ запасной руль, компасъ, необходимые инструменты и такелажъ.

Я остаиваюсь на рубкѣ, гдѣ лейтенантъ рассказываетъ намъ о своихъ работахъ, и показываетъ карты путешествія; затѣмъ мы спускаемся въ каюты, мимо кухни, откуда доносится очень пріятный запахъ.

Пройдя около десяти ступеней по темной лѣстницѣ, я прихожу въ шестиугольный, довольно оригинальный залъ. Лампа съ рефлекторомъ, висящая на центральномъ столбѣ, распространяетъ слабый свѣтъ, съ которымъ мои глаза едва свыкаются.

Панели выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и разрисованы яркими красками, среди которыхъ преобладаютъ красный и зеленый.

Въ глубинѣ залы стоитъ очень удобный диванъ, а противъ него столъ. Стѣны украшены нѣсколькими картинами, одна изъ которыхъ изображаетъ норвежскую легенду: три принца, превратившіеся въ бѣлыхъ медвѣдей для того, чтобы плѣнить трехъ влюбленныхъ принцессъ. Медвѣди лижутъ ноги поседѣвшихъ принцессъ. Другая картина представляетъ собою сдѣланный карандашомъ портретъ госпожи Нансенъ съ ребенкомъ.

Залъ отапливается калориферомъ, поддерживающимъ всегда температуру въ 15—16 градусовъ.

Онъ освѣщается и вентилируется стеклянымъ фонаремъ, выходящимъ на кормовую часть палубы.

Слѣва стоитъ механическій гармоніумъ съ клавиатурой, который развлекаетъ экипажъ. Одинъ изъ нашихъ хозяевъ, механикъ, играетъ намъ на немъ нѣсколько мелодій. Это очень оригинально, и, еслибы не уваженіе къ Нансену, мы бы пригласили танцевать бѣлокурую Шарлотту, извѣстную вамъ горничную, такъ какъ дамы поѣхали съ нами на «Фрамъ».

Уже больше трехъ лѣтъ женщина не переступала за порогъ ковчега Нансена! Какую же предупредительность онѣ встрѣчаютъ!..

Каюты расположены вокругъ зала, куда выходятъ также и вентиляторы, такъ какъ онѣ не имѣютъ никакихъ отверстій наружу: освѣщаются онѣ стѣнными лампами.. Каюты капитана, лейтенанта и доктора съ картами, инструментами, оружіемъ и массой предметовъ очень интересны: фотографіи и сотни разнообразныхъ предметовъ составляютъ оригинальный ансамбль. Въ каждой каютѣ портретъ возлюбленной.

Капитанъ показываетъ намъ карту путешествія «Фрама» и книгу наблюдений; затѣмъ мы рассматриваемъ коллекцію интересныхъ снимковъ, изображающихъ жизнь и приключенія экипажа со времени отъѣзда въ 1893 г. Судно среди льдовъ, зимовка, ледники, льдины, наблюденія, миражъ,

сѣверныя сіянія; «Фрамъ» подъ льдомъ, который чуть не поглотилъ его, экипажъ, работающій пятнадцать дней для того, чтобы освободить его, сани, собаки, мельница на фокъ-мачтѣ, приводящая въ движеніе электрическую динамо-машину, лунный свѣтъ, отъѣздъ Нансена, и т. п.—все это картины, на которыя нельзя смотрѣть безъ волненія, и которыя оставляютъ далеко позади все, что нарисовалъ Жюль Вернь въ «Капитанъ Гаттерасъ».

Мы оставляемъ «Фрамъ» въ девять часовъ вечера, тепло простившись съ его экипажемъ.

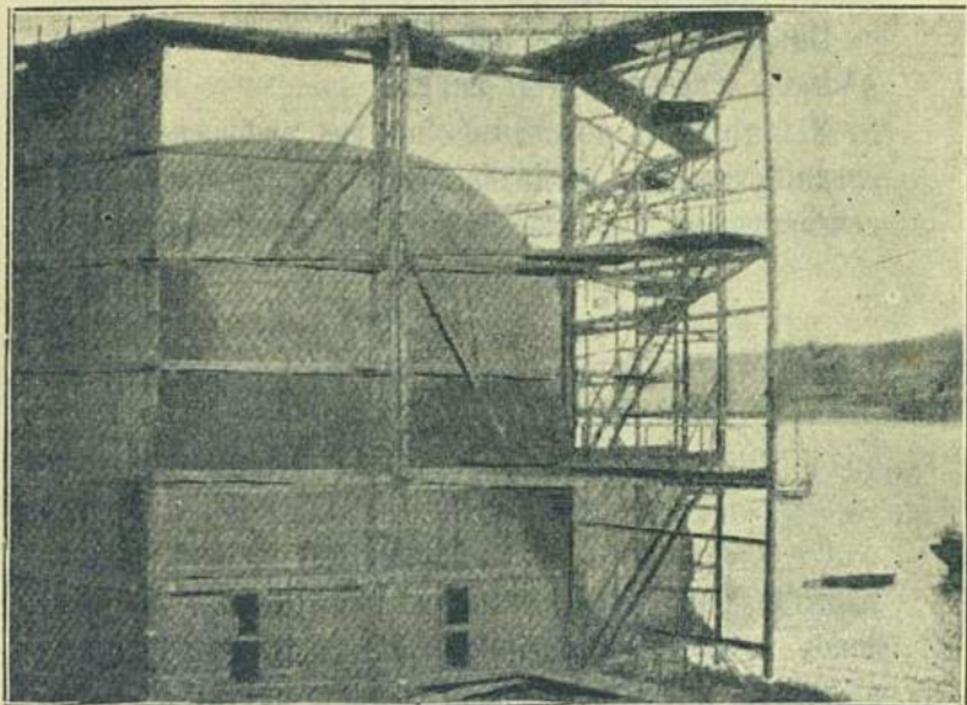
Ночью экспедиція Нансена отправляется дальше на югъ. На суднѣ есть еще припасовъ и угля на три года.

Воскресенье, 16 августа. — Снѣгъ пересталъ падать, и показавшееся солнце вернуло намъ нѣкоторую надежду; вѣтеръ хотя и слабый, кажется клонится къ сѣверу. — Еще одно разочарованіе...

Наконецъ, въ понедѣльникъ 17 августа, послѣ двадцати одного дня ожиданія, Андрэ рѣшается открыть клапаны аэростата, который совершенно наполненъ, и я съ понятнымъ сожалѣніемъ смотрю какъ уходятъ въ воздухъ 5000 кубическихъ метровъ газа, которые было такъ трудно получить!..

Уложить и упаковать нелегко... Кромѣ того, ящикъ, въ которомъ былъ привезенъ аэростатъ, разобранъ, нужно сдѣлать другой, и перевезть все на «Virgo». Ограда сарая разобрана, на всѣхъ

этажахъ, кромѣ второго, гдѣ она необходима для прочности зданія. Аппаратъ, производящій газъ, закрытъ, а всѣ хрупкія части перенесены на судно.

Аэростать въ сараѣ во время сваданія.

Четвергъ, 20 августа. — «Virgo» нагруженъ; утро прошло въ ошвартованіи всѣхъ предметовъ, которые могутъ быть опрокинуты качкой. Андрѣ до послѣдней минуты работаетъ въ сараѣ; онъ укрѣпляетъ доски, кладетъ ванты на подпорки, велитъ снять половину пола для того, чтобы вѣ-

теръ могъ смести снѣгъ. Затѣмъ онъ оставляетъ въ рамкѣ, прибитой къ столбу, надпись, указывающую собственника и назначеніе сарая, который онъ поручаетъ заботамъ рыбаковъ, находящихся еще на сѣверныхъ островахъ.

Наконецъ, послѣ завтрака, въ четыре часа «Virgo» снимается съ якоря.

Мы дѣлаемъ послѣдніе снимки и бросаемъ послѣдній взглядъ на Датскій островъ, который скоро исчезаетъ въ туманѣ. Экспедиція окончена...

ХII.

Б у р я.

Со вчерашняго дня барометръ сильно упалъ. Едва мы обогнули островъ Амстердамъ, направляясь на юго-западъ, какъ пароходъ стало качать, и черезъ нѣсколько минутъ насъ настигла буря. Небо потемнѣло; «Virgo» испытываетъ ужасные толчки.

Я чувствую приступы морской болѣзни и вхожу въ свою каюту. За стѣной въ кухнѣ вся посуда прыгаетъ. «Virgo», частью облегченный, страшно качаетъ. Капитанъ велитъ прикрѣпить къ носу маленькій кливеръ, который уменьшаетъ качку.

Вѣтеръ бушуетъ на рангоутѣ, и волны дости-

гають палубы. Немногіе матросы въ состояніи устоять, и вечеромъ наша столовая пуста.

Каждые два часа судно останавливается, и профессоръ Арреніусъ набираетъ воду на различной глубинѣ. Когда машина останавливается, качка еще сильнѣе... Начинается снѣжная буря, и наступать совершенный мракъ...

Черезъ двадцать четыре часа плаванія на юго-западъ, во время котораго мы удаляемся отъ Тромсё, «Virgo» поворачиваетъ на юго-востокъ, и буря ослабѣваетъ...

Мы замѣчаемъ вдали суда, и температура подымается по мѣрѣ нашего приближенія къ Норвегіи.

22 мы проходимъ мимо Беренъ-Эйланда, скрытаго отъ насъ туманомъ. Множество птицъ окружаетъ наше судно, которое идетъ ускореннымъ ходомъ.

XIII.

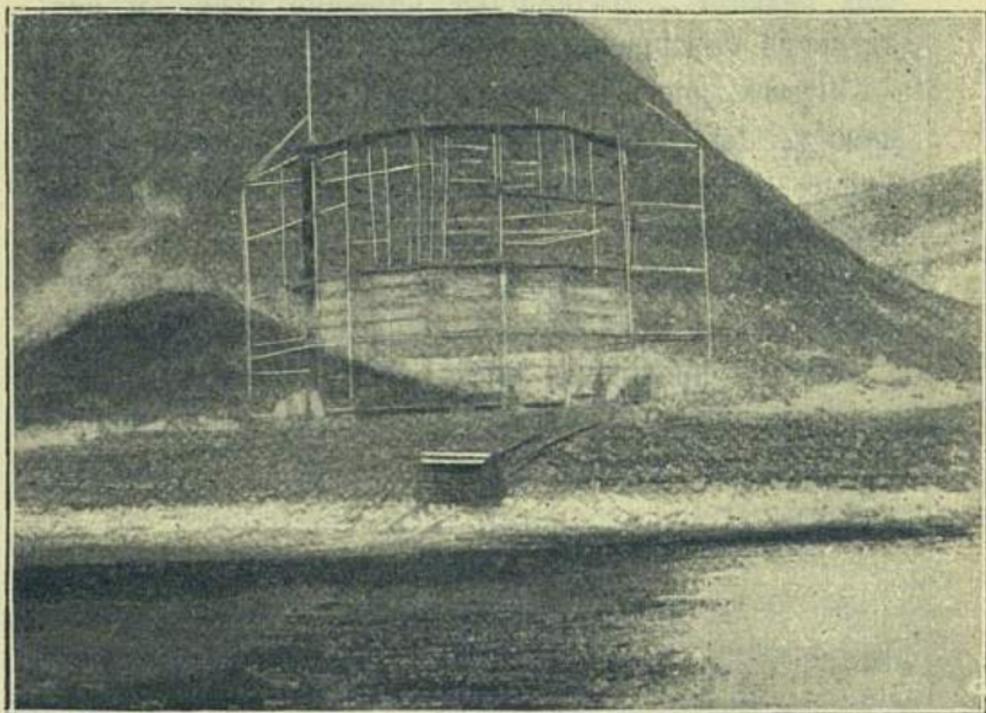
Мой послѣдній вечеръ на „Virgo“.

Буря утихла; ко мнѣ вернулись аппетитъ и веселость, и ночь съ 23-го на 24-е мнѣ особенно пріятна.

Уже давно я былъ лишенъ темноты, и въ этой почіи много поэзіи.

Нѣсколько звѣздъ сверкають на небѣ, когда

около десяти часовъ солнце исчезаетъ на горизонтѣ, оставляя за собой длинныя сумерки, которыя будутъ тянуться до зари. Небо окрашивается пурпурными оттѣнками, которые образуютъ громадную дугу, идущую отъ запада къ востоку.

Сарай и ящикъ, въ которомъ былъ привезенъ аэростатъ.

Сѣрыя облака самыхъ причудливыхъ формъ оживляютъ эту неподдающуюся описанію картину. Полная луна бросаетъ свой блѣдный свѣтъ на серебристыя волны; ея дискъ очень великъ, и очертанія почвы отчетливо выдѣляются.

Одинъ на мостикѣ, я предаюся мечтамъ. Температура значительно поднялась, и плаваніе доставляетъ мнѣ теперь большое удовольствіе. Моимъ товарищамъ съ трудомъ удается уговорить меня пойти поиграть въ карты въ столовой, гдѣ впервые послѣ продолжительнаго времени зажгли лампу. Море спокойно, какъ озеро, и мы наслаждаемся этой тишиной послѣ бурь, которыя намъ пришлось испытать.

24 августа.— Вотъ и заря; луна блѣднѣетъ и на небѣ появляется солнце. Птицы по прежнему окружаютъ «Virgo». Мы приближаемся къ берегамъ Норвегіи и встрѣчаемъ уже первыя скалы. Многочисленные суда пересѣкаютъ намъ путь. Возрождаешься къ жизни, чувствуешь, чтоходишь въ цивилизованную страну. Девятичасовой завтракъ очень оживленъ. Жарко, и всѣ приготавлиются войти въ Тромсе.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ мы въ виду города, а въ двѣнадцать «Virgo» входитъ въ портъ и останавливается противъ «Фрама», который мы встрѣтили 14 августа въ Данскъ-Гаттѣ.

XIV.

Возвращеніе.

Насъ сейчасъ же окружаютъ друзья, и мы съ радостью узнаемъ, что Нансенъ находится на ма-

ленькой бѣлой яхтѣ «Отаріо», стоящей на якорѣ вблизи «Фрама», на которой онъ пріѣхалъ изъ Гаммерфеста.

Я сильно сожалѣю о томъ, что не могу его увидѣть, такъ какъ послѣ теплаго сердечнаго прощанья со своими спутниками я спѣшу на пароходъ «Гааконъ Ярль», который уходитъ черезъ нѣсколько минутъ. Докторъ Эклундъ ѣдетъ вмѣстѣ со мной до Трондгейма.

Офицеръ парохода даетъ мнѣ газеты и письма изъ Франціи. Я предвкушаю уже удовольствіе видѣть своихъ близкихъ; я ихъ чувствую подлѣ себя.

«Гааконъ Ярль» — великолѣпный пароходъ, служащій для почтоваго сообщенія по берегамъ Норвегіи, гдѣ незнакомы желѣзныя дороги.

Путешествіе мимо фіордовъ полно очарованія и неожиданностей. Пейзажи необыкновенно разнообразны: видишь то отвѣсныя скалы, вершины которыхъ, какъ на Шпицбергенѣ, покрыты снѣгомъ, то зеленые холмы, роскошные луга, на которыхъ пасутся стада, воздѣланныя плодоносныя поля...

Села, расположенныя на склонахъ горъ, деревни; мызы, окруженныя елями и березами, напоминаютъ швейцарскіе пейзажи.

Судно идетъ мимо острововъ и останавливается на всѣхъ станціяхъ. Жалобный крикъ сирены, повторяемый горнымъ эхо, извѣщаетъ о его прибытіи, и маленькія лодки сейчасъ же окружаютъ

нашъ пароходъ, который принимаетъ и отдаетъ депеши, беретъ у пассажировъ товары, а затѣмъ отправляется дальше.

Передняя часть палубы завалена горами ящиковъ, кучами кирпича, бочками, тюками и массой разнообразныхъ предметовъ. За исключеніемъ нѣсколькихъ запоздалыхъ туристовъ, отправляющихся изъ Тромсе въ Трондгеймъ, пассажиры на каждой станціи мѣняются. Мѣстами оба берега такъ близки одинъ къ другому, что необходимо все искусство капитана, чтобы пройти между вѣхами и избѣжать рифовъ, которыми усеянъ путь. Зимой это мѣсто освѣщается маяками, но теперь ночи коротки и свѣтлы. Проходя мимо Лофоденскихъ острововъ, мы встрѣчаемъ много пароходовъ.

Въ роскошномъ залѣ сервируется обѣдъ, за которымъ слѣдуетъ традиціонный любительскій концертъ. Я закуриваю сигару и выхожу на палубу, откуда наслаждаюсь измѣнчивыми картинами природы.

Громадный огненный дискъ солнца медленно погружается въ воду, окрашивая небо самыми разнообразными цвѣтами, отъ фіолетоваго до свѣтлосѣраго. Облака принимаютъ самыя фантастическія формы, сталкиваются и исчезаютъ; появившійся блѣдный мѣсяць серебрить волны.

Цѣлые часы не могу я оторваться отъ чуднаго зрѣлища, такъ мало знакомаго парижанамъ. Нѣ-

сколько звѣзд сіяетъ на небѣ. Воздухъ чистъ, ночь тиха, легкій вѣтерокъ едва колеблетъ воду. Дышишь полной грудью. Пароходъ быстро идетъ впередъ, оставляя за собой свѣтящуюся полосу. Каждый поворотъ винта приближаетъ меня къ родинѣ—вотъ мысль, ни на минуту не оставляющая меня...

«Гаакопъ Ярлъ» останавливается на нѣсколько часовъ въ Бодо, маленькомъ скандинавскомъ городкѣ, который имѣетъ нѣкоторую претензію на цивилизацію. Докторъ Эклундъ и я ѣдемъ въ городъ; мы съ удовольствіемъ читаемъ газеты, въ которыхъ говорится о встрѣчѣ Андрэ съ Нансеномъ въ Тромсе, рассматриваемъ карту полярнаго путешествія знаменитаго норвежскаго изслѣдователя, а затѣмъ слушаемъ концертъ на открытомъ воздухѣ, который даетъ нѣмецкая семья артистовъ.

Въ Торгаттенѣ на пароходъ садятся нѣсколько членовъ Арміи Спасенія, которые насъ забавляютъ своимъ пѣніемъ и своими довольно смѣшными религиозными упражненіями.

Генеральша, почтенная дуэнья съ громадной шляпой на головѣ, важно растянувшись въ креслѣ, председательствуетъ на духовномъ концертѣ, который дается членами конгрегаціи. Благочестивые музыканты, прислонившись къ тюку съ сушеной рыбой, поютъ на болѣе или менѣе печальные мотивы хвалы Богу, который обязанъ понимать всѣ

языки. Что касается меня, то я не понимаю въ нихъ ни единого слова, но по лицамъ присутствующихъ вижу, что пѣніе на нихъ мало дѣйствуетъ: они готовы были дать нѣсколько су пѣвцамъ. Мы такъ и ждали, что одинъ изъ нихъ съ шляпой въ рукахъ станетъ обходить присутствующихъ, собирая на религіозныя и другія, болѣе прозаическія нужды.

Очень красивая дѣвушка лѣтъ шестнадцати или семнадцати (должно быть, племянница генеральши) разсѣянно слѣдитъ по книгѣ за гимнами Арміи Спасенія. Пусть мои читатели мнѣ простятъ, но мнѣ показалось, что эта невинная особа была создана скорѣе для бѣсовской арміи.

Въ общемъ на пароходѣ мало развлеченій, и эта встрѣча была для меня гвоздемъ переѣзда изъ Тромсе въ Тронгеймъ, гдѣ главная часть арміи ожидала братьевъ, возвращавшихся съ сѣвера, гдѣ они завоевывали души для рая.

Четвертъ, 27 августа.— Около четырехъ часовъ вечера на юго-востокѣ показывается городъ Тронгеймъ. Хотя во время этого переѣзда никто не страдалъ отъ качки, тѣмъ не менѣе всѣ очень рады, когда мы входимъ въ гавань. Самый большой городъ на сѣверѣ Норвегіи, Тронгеймъ, со своими деревянными домами и сооруженіями носитъ печать оригинальности, и я очень сожалею о томъ, что не могу остаться здѣсь на нѣко-

торое время. Черезъ нѣсколько часовъ я прощаюсь со своимъ спутникомъ, докторомъ Эжелундомъ, и спѣшу на желѣзную дорогу, которая меньше чѣмъ въ семнадцать часовъ проходитъ 500 километровъ, отдѣляющихъ насъ отъ Христіаніи.

Поѣздъ съ трудомъ трогается съ мѣста, и нужно прицепить сзади локомотивъ для того, чтобы онъ могъ вскарабкаться на первый холмъ. Наконецъ онъ пошелъ полнымъ ходомъ, но я испытываю ужасные толчки, такъ какъ дорога здѣсь узкоколейная и очень плохая; на мостахъ, перекинутыхъ черезъ потоки и озера, у меня дѣлается головокруженіе.

Послѣ двухмѣсячнаго пребыванія на Шпицбергенѣ, гдѣ вся растительность состояла изъ мховъ и лишаяевъ, пріятно снова увидѣть зелень, деревья и цвѣты. Здѣсь природа необыкновенно роскошна, и я не перестаю любоваться великолѣпными ландшафтами, мызами, потоками и водопадами, придающими Норвегіи такую величественную красоту.

На поляхъ идетъ жатва; дровосѣки рубятъ деревья и бросаютъ ихъ съ горы въ рѣку, гдѣ теченіе несетъ ихъ къ гавани, откуда ихъ свозятъ на лѣсопильни, или грузятъ на торговые суда. Все здѣсь — жизнь и движеніе. Какой контрастъ съ Шпицбергеномъ!

Гамаръ — конечный пунктъ узкоколейной дороги.

Здѣсь мы пересаживаемся въ изящные вагоны и доѣзжаемъ до Эльзенера. Наконецъ, черезъ нѣсколько часовъ мы приближаемся къ Христианіи и,

Анри Лашамбръ.
Инженеръ-аэронавтъ.
Строитель аэростата „Pôle Nord“.

не замедляя хода, спускаемся по такому крутому скату, что захватываетъ духъ.

Въ Христіаніи чувствуешь себя въ центрѣ цивилизаціи. На вокзалѣ меня окружаетъ масса комиссіонеровъ, отъ которыхъ я спасаюсь въ экипажѣ гостиницы Grand Hôtel, гдѣ говорятъ по французски и гдѣ я наконецъ отдыхаю. Я завтракаю, слушаю концертъ, который не уступилъ бы концерту на нашихъ большихъ бульварахъ, а затѣмъ осматриваю городъ, покупаю мѣха и другія вещи, разныя бездѣлушки, которыя очень пріятно имѣть у себя особенно потому, что самъ ихъ привезъ и которыя вызываютъ много воспоминаній.

Я останавливаюсь на два часа въ Копенгагенѣ и наконецъ, въ воскресенье 30 августа, на разсвѣтѣ, я прохожу устье Кильскаго канала на пароходѣ Skirner, на которомъ я совершаю такимъ образомъ послѣдній переѣздъ моремъ.

Все пассажиры вышли на палубу чтобы увидѣть стоящій здѣсь германскій флотъ. Около двадцати броненосцевъ, разсылочныхъ и торпедныхъ судовъ, выстроившихся при входѣ въ проливъ, возбуждаютъ общее любопытство. Для меня, какъ и для многихъ другихъ путешественниковъ, это никогда невиданное зрѣлище. Я приѣзжаю въ Гамбургъ, а оттуда черезъ Кельнъ и Льежъ въ Парижъ.

Черезъ нѣкоторое время мнѣ присылаютъ обратно полярный аэростатъ; онъ долженъ храниться у

меня до тѣхъ поръ, пока Андрэ отправится снова въ экспедицію.

Андрэ принимаетъ мой совѣтъ увеличить, насколько возможно, объемъ его аэростата, и я прибавляю на экваторѣ два пояса изъ тройной шелковой матеріи, послѣ чего объемъ аэростата составляетъ около 5000 куб. метровъ. Сила подъема увеличивается почти на 300 километровъ, что представляетъ значительное количество.

Оболочка была затѣмъ покрыта внутри и снаружи лакомъ, и потомъ, когда передѣлка была закончена, около конца апрѣля 1897 г. аэростатъ былъ отосланъ въ Готтенбургъ и помѣщенъ на пароходѣ «Swensksund».

Новые товарищи Андрэ, Френкель, дѣйствительный членъ и Сведенборгъ, сверхштатный, пріѣхали весной въ Парижъ упражняться въ воздухоплаваниі *)). Они совершили въ аэростатическомъ паркѣ Вожирара нѣсколько подъемовъ на аэростатахъ «Нобель» и «Фрамъ» — подъ руководствомъ Машюрона, Лера и моимъ.

Несмотря на мое желаніе увидѣть снова полярныя страны, я уступилъ свое мѣсто своему племяннику и сотруднику, который присутствовалъ при подъемѣ аэростата.

*) Какъ Стриндбергъ въ прошломъ году.

Въ ожиданіи возвращенія отважныхъ изслѣдователей я заканчиваю свой рассказъ о путешествіи, которое займетъ громадное мѣсто въ моей жизни и оставитъ по себѣ неизгладимыя воспоминанія.

Парижъ,
14 октября 1897 года.

Анри Лашамбръ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

I.

Отъездъ второй экспедиціи.

18 мая городъ Готтенбургъ готовится проводить вторую полярную экспедицію.

Громадныя толпы жителей, явившихся выразить Андрэ свое восхищеніе его необыкновеннымъ предпріятіемъ, покрываютъ набережныя.

Неудачи, которыя онъ потерпѣлъ въ прошломъ году, не поколебали его увѣренности; онъ все тотъ же, со своимъ орлинымъ взглядомъ и желѣзной волей.

Несмотря на свою скромность, Андрэ не можетъ избѣжать восторженныхъ манифестацій. Его пастойчивость обезоружила самыхъ большихъ скептиковъ. Всѣ поняли, что этотъ новаторъ недюжинный человекъ, и провожаютъ какъ его, такъ и его спутниковъ, самыми горячими пожеланіями. Въ шесть часовъ вечера «Swensksund», единственнымъ украшеніемъ котораго служитъ націо-

нальный флагъ, снимается съ якоря посреди шумныхъ овацій публики.

Большинство судовъ расцвѣчено флагами и салютуютъ, когда мимо нихъ проходитъ «Swensksund».

Мы быстро удаляемся.

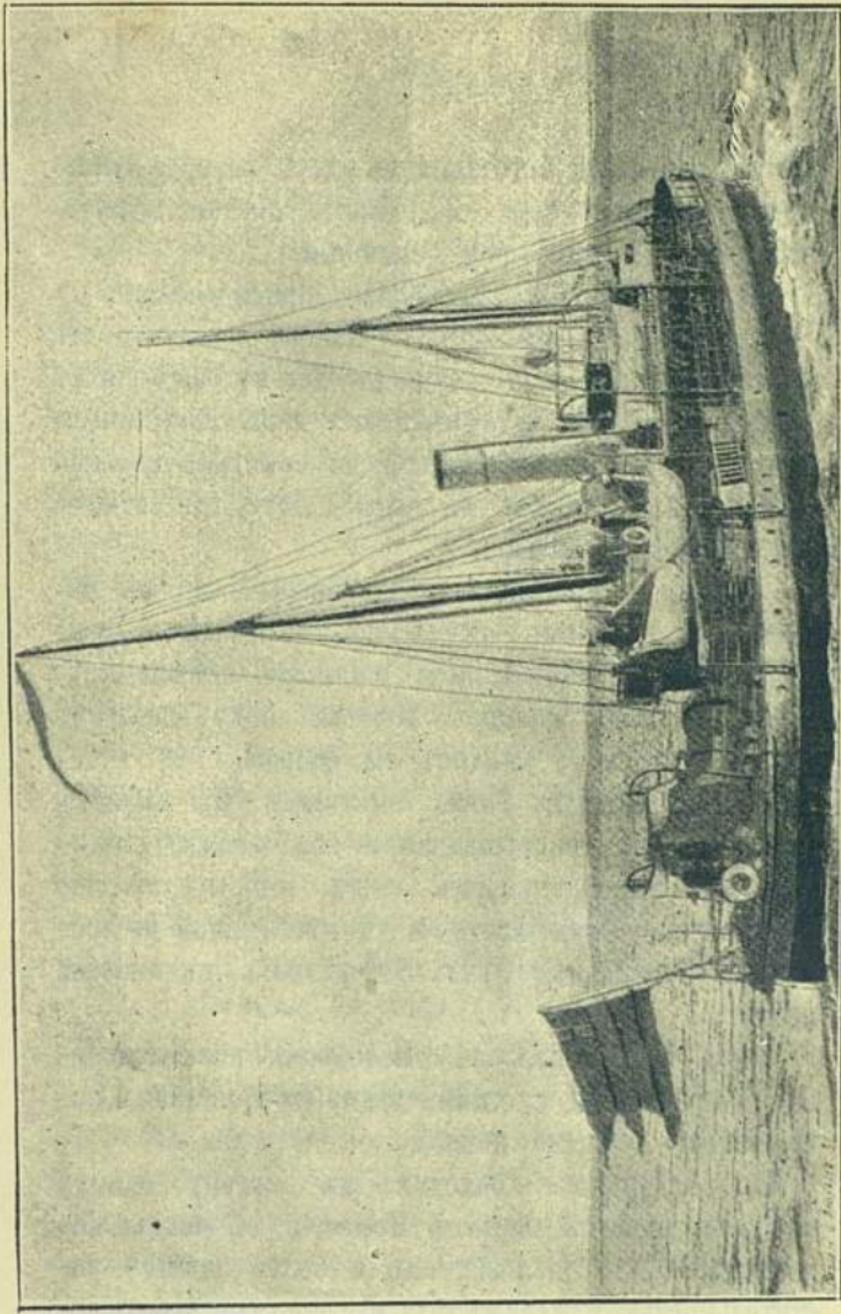
Какъ и въ прошломъ году масса лодокъ, переполненныхъ пассажирами, окружаетъ пароходъ. Нѣкоторыя суда, на которыхъ собрались родственники и друзья изслѣдователей, провожаютъ насъ до открытаго моря, гдѣ происходитъ послѣднее прощанье. Одно изъ нихъ подходитъ къ намъ и принимаетъ у насъ телеграммы, которыя мы посылаемъ нашимъ друзьямъ и роднымъ.

Скоро берега Швеціи, позлащенные лучами заката, исчезаютъ изъ нашихъ глазъ, и мы въ открытомъ морѣ.

«Swensksund» — шведское канонирское судно въ 300 тоннъ, прочнаго устройства, оказывающее зимою большія услуги торговымъ судамъ тѣмъ, что оно пролагаетъ имъ путь среди льдинъ, громождающихъ пристань въ Готтенбургѣ.

Это судно, находящееся подъ командой отборныхъ офицеровъ, очень удобное для путешествій въ сѣверныхъ странахъ, всемилостивѣйше предоставлено въ распоряженіе экспедиціи Андрэ Е. В. королемъ шведскимъ.

На пароходѣ находятся всѣ необходимые предметы, научные инструменты и аэростатическая

Шведское каношское судно «Swenskand», отходящее 18 мая 1897 г. изъ Готтенбурга на Шпицбергенъ съ членами второй экспедиціи.

часть; аэростатъ помѣщенъ въ мѣстѣ, которое лучше всего вентилируется, и можетъ перенести путешествіе безъ малѣйшей опасности.

Если наше судно прекрасно приспособлено къ тому, чтобы противостоять напору льда, то его плоская форма очень неудобна для путешествія въ свободномъ морѣ и причиняетъ намъ постоянную качку. Я уже чувствую первые приступы морской болѣзни и спускаюсь въ свою каюту, гдѣ остаюсь до слѣдующаго вечера.

20 мая я просыпаюсь здоровымъ, но съ нѣкоторымъ туманомъ въ головѣ, который быстро проходитъ на палубѣ подъ вліаніемъ свѣжаго вѣтерка и яркаго солнца. Мы въ виду береговъ Норвегіи и скоро входимъ въ фіорды, гдѣ путешествіе становится болѣе пріятнымъ. Мы плывемъ между горами, покрывающими оба берега. Растительности мало; впрочемъ слѣгъ покрываетъ еще всѣ возвышенныя части и тѣ мѣста, куда не проникаютъ солнечные лучи. Здѣсь только начинается весна.

Вдоль берега разсѣяны небольшія низкія жилища, окруженныя кустами, которые начинаютъ покрываться первыми почками.

Въ полдень мы подходимъ къ Бергену, одному изъ важнѣйшихъ портовъ Норвегіи, съ очень живописнымъ мѣстоположеніемъ и болѣе богатой растительностью, нежели въ тѣхъ мѣстностяхъ, черезъ ко-

тория мы проѣзжали. Берега покрыты яркой зеленью; въ глубинѣ — горы, на которыхъ лежитъ ослѣпительной бѣлизны снѣгъ.

Въ два часа мы уѣзжаемъ изъ Бергена, взявъ съ собой лоцмана, который будетъ вести наше судно мимо фіордовъ.

Небо ясно, море прекрасно и спокойно; впрочемъ вѣтеръ не имѣетъ здѣсь большой силы, и бурь нечего опасаться. Всюду птицы, различныя породы дикихъ утокъ, и часто мы замѣчаемъ играющихъ въ водѣ дельфиновъ.

Рѣзкая перемена декораціи.

Насъ окружаетъ туманъ, сначала слабый, но постепенно все усиливакційся. Нужно замедлить ходъ, а въ четыре часа мы принуждены остановиться, такъ какъ путь между островками и рифами, которыми усеяны фіорды, становится опаснымъ.

Капитанъ приводитъ судно въ маленькій заливъ, защищенный отвѣсными скалами, гдѣ мы бросаемъ якорь и остаемся на ночь ($60^{\circ}48'$ сѣв. широты, $4^{\circ}48'30''$ восточной долготы отъ Гринвича).

Во время этой остановки офицеры парохода, капитанъ Эренсвердъ, лейтенанты: Г. Норселюсъ и г. Цельсингъ и докторъ І. Хр. Лембке, даютъ обѣдъ членамъ экспедиціи: инженеру С. А. Андрѣ, начальнику экспедиціи, Нильсу Стриндбергу изъ Стокгольмскаго университета и гражданскому ин-

женеру Кнуту Френкелю—спутникамъ Андрэ, лейтенанту Сведенборгу и инженеру Стаку, который установитъ и будетъ руководить ходомъ газоваго завода.

Френкель подноситъ отъ имени своей матери подарокъ каждому члену экспедиціи: это—серебряное кольцо для салфетки; съ одной стороны на немъ выгравировано: «Въ память полярной экспедиціи 1897 г.», а съ другой имя того, кому предназначенъ подарокъ.

Тонкій обѣдъ дѣлаетъ честь лейтенанту Цельсину, эконому парохода; подаются прекрасныя вина, шампанское, которыя, какъ и въ прошломъ году большей частью подарены экспедиціи.

Капитанъ Эренсвердъ отъ имени всѣхъ офицеровъ привѣтствуетъ насъ и провозглашаетъ тосты въ честь Андрэ и его спутниковъ и за успѣхъ ихъ предпріятія.

Пьютъ за членовъ экспедиціи и въ частности за жениховъ; послѣдній тостъ относится къ Стриндбергу и ко мнѣ.

Андрэ читаетъ нѣсколько телеграммъ, полученныхъ въ моментъ отъѣзда изъ Готтенбурга отъ далекихъ друзей.

Обѣдъ продолжается посреди самой искренней веселости; я тронуть сердечнымъ отношеніемъ моихъ сосѣдей, которые стараются, насколько имъ позволяетъ знаніе языка, говорить по французски для

того, чтобы и я могъ принять участіе въ разговорѣ.

Несмотря на окутывающій насъ туманъ, въ одиннадцать часовъ вечера еще совершенно свѣтло. Мы пьемъ на палубѣ традиціонный шведскій пуншъ и затѣмъ отправляемся отдохнуть.

На слѣдующее утро 21 мая туманъ не рассеивается, и капитанъ приказываетъ выйти изъ фіордовъ и продолжать путешествіе въ открытомъ морѣ.

Мы медленно выходимъ изъ нашего убѣжища; переплываемъ послѣдній проливъ и скоро полнымъ ходомъ идемъ на сѣверъ въ разстояніи нѣсколькихъ миль отъ береговъ.

22 Мая мы снова направляемся къ фіордамъ, свободнымъ отъ тумана. Мы проходимъ въ виду Аалезунда, важнаго рыболовнаго порта.

На берегу видны большія квадратныя пространства бѣловатаго цвѣта, которыя кажутся покрытыми, правильно расположенными, обрубками дерева. Это — соленая треска, которая сушится на открытомъ воздухѣ. Эта рыба составляетъ главное средство къ жизни жителей этой мѣстности, которые вывозятъ ее въ громадномъ количествѣ въ Европу.

Вечеромъ, рядомъ съ нами идетъ норвежское почтовое судно, которое салютуетъ намъ нѣсколько разъ; пассажиры кричатъ ура въ честь Андрэ и выражаютъ свой энтузіазмъ экспедиціи.

На слѣдующій день въ часъ мы проходимъ Брно, маленькій норвежскій портъ ($65^{\circ} 28'$, широты); въ этомъ мѣстѣ проходъ очень узокъ, и нужна большая осторожность, чтобы не наткнуться на скалы, которыя видны въ водѣ. Къ счастью съ такими офицерами, какъ наши, намъ нечего бояться.

24 мая. Сегодня утромъ великолѣпная погода, но вчера здѣсь, должно быть, выпалъ снѣгъ, такъ какъ берега совершенно покрыты имъ. Растительность здѣсь является позже, чѣмъ въ странахъ, черезъ которыя мы проѣзжали раньше, и деревья находятся другъ отъ друга на большомъ разстоянii.

Мы переходимъ за сѣверный полярный кругъ и выпиваемъ по этому случаю нѣсколько бокаловъ шампанскаго.

Вечеромъ небо покрывается тучами, начинаетъ идти мелкій дождь; позже, въ нѣсколькихъ часахъ отъ Тромсё, падаетъ ужасный снѣгъ, сопровождаемый солнцемъ, что напоминаетъ мнѣ мартовскiе ливни во Франціи. Когда мы подходимъ къ Тромсё, снѣгъ ослѣпляетъ насъ; «Swensksund» идетъ ощупью; дороги совершенно не видно.

Наконецъ, въ одиннадцать часовъ вечера мы бросаемъ якорь и принимаемъ капитана порта, который приноситъ намъ огромный пакетъ писемъ, телеграммъ и газетъ. Я получаю изъ Франціи извѣстія, которыя доставляютъ мнѣ громадное удо-

вольствіе. Это послѣдній портъ, черезъ который мы проходимъ; отсюда мы отправляемся прямо на Шпицбергенъ, откуда не будемъ имѣть никакихъ сообщеній втеченіе нѣсколькихъ недѣль.

25 мая. Снѣгъ продолжается, и жители Тромсе увѣряютъ, что это хорошее предзнаменованіе для Андрэ, такъ какъ въ 1893 г., когда Нансенъ проѣзжалъ черезъ этотъ городъ, также шелъ снѣгъ, что представляетъ рѣдкое явленіе въ такое позднее время.

Мы осматриваемъ городъ и восхищаемся маленькими виллами, окруженными деревьями и напоминающими немного холмы Медона.

Городъ очень оживленъ. На улицахъ встрѣчаешь очень изящно одѣтыхъ дамъ, рыбаковъ, матросовъ. Видѣли мы даже велосипедиста. Куда только не проникъ велосипедъ! Я былъ очень удивленъ, когда увидѣлъ это орудіе передвиженія въ странѣ, гдѣ почти нѣтъ удобныхъ дорогъ и гдѣ такъ рѣдки ясные дни.

Внизу, на морѣ, устроены доки на сваяхъ; это — маленькая пристань, гдѣ стоятъ рыболовные суда. Далѣе, почтовое судно, пришедшее изъ Трондгейма.

Мы отправляемся въ музей, въ которомъ находятся всѣ виды животныхъ и птицъ сѣверныхъ странъ, запряжка оленей, шалаши эскимосовъ,

оружіе, рыболовные снаряды самыхъ отдаленныхъ временъ.

Всѣ дома въ Тромсе деревянные, и съ ужасомъ спрашиваешь себя, что стало бы съ городомъ, еслибы какъ-нибудь выпыхнулъ пожаръ. Каждый годъ сюда приходятъ съ сѣвера Лапландцы, которые обмѣниваются съ купцами своими произведениями. Они приносятъ главнымъ образомъ шкуры оленей, лисиць, волковъ, бѣлыхъ медвѣдей и множество предметовъ изъ оленьей кости и рога, на которыхъ всегда вырѣзаны силуэты полярныхъ животныхъ.

Позже, 2 іюля, на обратномъ пути съ Шпицбергена я имѣлъ случай посѣтить лагерь этихъ интересныхъ помадовъ, расположенный въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Тромсе.

Экскурсія была организована нашимъ другомъ, лейтенантомъ Норселіусомъ, который и руководилъ ею. Участвовали: докторъ Лембке, лейтенантъ Сведенборгъ, инженеръ Стакъ и я. I. Аагардъ, братъ консула въ Тромсе, былъ такъ любезенъ, что сопровождалъ насъ, онъ зналъ нѣсколько словъ по лапландски и вызвался быть нашимъ переводчикомъ. Часть экипажа принимала участіе въ нашей прогулкѣ.

Я не буду здѣсь распространяться объ обычаяхъ этого племени, которые были уже много разъ

описаны. Эти Лапландцы очень симпатичны, общительны и добры.

Въ честь насъ они собираютъ своихъ оленей, которые пасутся далеко въ горахъ. Это стадо, состоящее изъ 400—500 оленей, ведутъ всего

Лагерь Лапландцевъ.

двое дѣтей и нѣсколько собакъ; предводитель племени слѣдитъ за ихъ движеніемъ черезъ зрительную трубу, съ которой онъ очень умѣло обращается.

Мы видимъ, какъ вдали на склонѣ горы это стадо, напоминающее двигающійся муравейникъ, идетъ по направленію къ намъ. Втеченіе получаса оно скрыто отъ насъ холмомъ, затѣмъ появляется

на разстояніи нѣсколькихъ сотъ метровъ отъ насъ, среди рѣдкихъ кустовъ. Стадо приближается; рога оленей шевелятся и переплетаются съ вѣтками кустовъ; кажется, что видишь движущійся лѣсъ.

Для животныхъ предназначено огороженное мѣсто; ихъ нужно туда загнать.

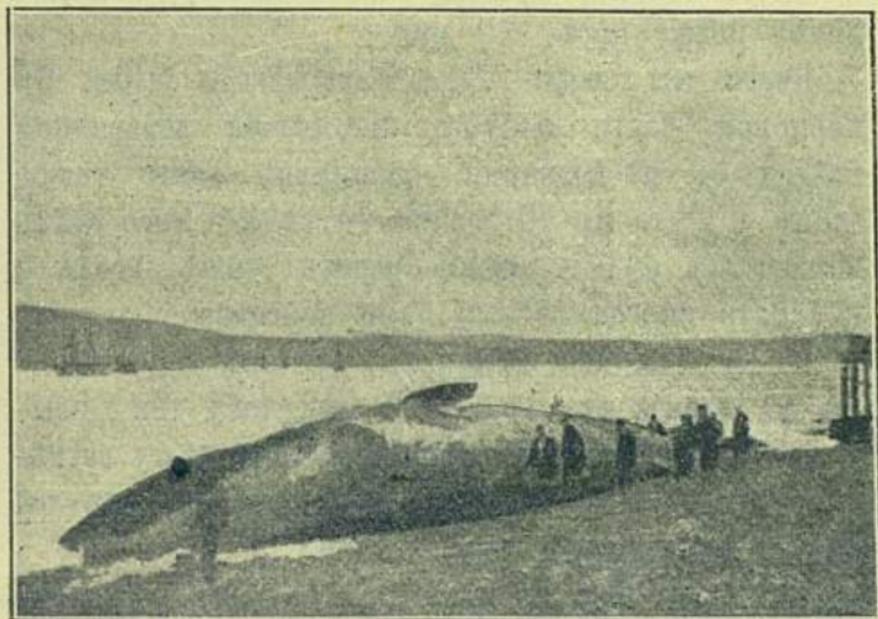
Для этого одинъ изъ Лапландцевъ приближается къ стаду и набрасываетъ на одного оленя лаццо, которымъ онъ пользуется такъ же искусно, какъ и охотники въ Пампасахъ; затѣмъ онъ его тащитъ, звоня въ то же время въ колокольчикъ.

Вниманіе всѣхъ оленей сосредоточено на плѣнномъ товарищѣ; они слѣдуютъ за нимъ на нѣкоторомъ разстояніи, медленно, какъ бы подъ вліяніемъ притягательной силы. Все стадо входитъ такимъ образомъ въ ограду, послѣ чего запирается выходъ оттуда.

Плѣнный олень, за которымъ пошли остальные, освобожденъ, и тогда въ стадѣ царитъ большое оживленіе; нѣсколько животныхъ взбирается на холмики, а остальные кружатся вокругъ нихъ. Это продолжается около получаса; въ это время Лапландцы съ помощью лаццо ловятъ нѣсколькихъ самокъ, доятъ ихъ, а затѣмъ освобождаютъ все стадо. Олени разсыпаются въ кустахъ и быстро уходятъ въ горы.

Мы покупаемъ нѣсколько вещей у этихъ туземцевъ, которые отличаются способностями и чест-

ностью въ торговлѣ; они хотятъ изъ всего извлечь пользу и просятъ у насъ даже вознагражденія, когда мы хотимъ сдѣлать съ нихъ фотографическій снимокъ; въ случаѣ отказа они стараются удалиться отъ нашихъ аппаратовъ, и ихъ очень

сердить то обстоятельство, что снимокъ получается мгновенно.

Когда мы оставляемъ лагерь Лапландцевъ и приходимъ на берегъ моря, наше вниманіе привлечено огромнымъ китомъ. Это млекопитающее, имѣющее не менѣе 70 футовъ въ длину, было нѣсколькими днями раньше убито въ Сѣверномъ морѣ.

II.

Прибытіе на Шпицбергенъ.

26 мая. Мы ждемъ въ Тромсе извѣстій о «Virgo», который ушелъ изъ Готтенбурга двумя днями позже насъ, 20 мая.

Вчера мы взяли здѣсь припасы и уголь. На кормовой части палубы поставлена деревянная клѣтка съ нѣсколькими баранами; взято также много птицы. На Шпицбергенѣ свѣжее мясо этихъ животныхъ будетъ разнообразить нашъ столъ и замѣнять иногда взятые нами консервы.

Не дождавшись никакихъ извѣстій о «Virgo», мы уѣзжаемъ изъ Тромсе въ три часа дня и плывемъ по направленію къ условленному мѣсту встрѣчи. Погода великолѣпная, и множество жителей города провожаетъ «Swensksund».

Капитанъ велитъ прикрѣпить къ верхушкѣ передней мачты бочку, въ которую садится матросъ, указывающій проходы между плавающими льдинами. Затѣмъ экипажу раздаютъ теплую одежду; каждый получаетъ большіе сапоги, мѣховую шапку, перчатки и т. п.; наши матросы видимо рады новой обмундировкѣ.

Въ пять часовъ мы приходимъ въ назначенное мѣсто, но «Virgo» еще нѣтъ, и въ ожиданіи его мы остаемся въ заливѣ.

На слѣдующій день, 27 мая, проснувшись въ три часа утра, я выхожу на землю въ обществѣ лейтенанта Сведенборга; мы охотимся въ горахъ среди скалъ и крутыхъ обрывовъ. Растительности мало; изрѣдка встрѣчаются колючіе низкорослые кустарники, а въ сырыхъ мѣстахъ, окружающихъ лужи, образованныя таяніемъ снѣга, много мховъ и травъ. Многочисленные источники образуютъ ручьи, которые несутъ свои воды въ море. Мы убиваемъ различныхъ птицъ, но теряемъ нѣсколькихъ гагъ: раненыя, онѣ погружаются въ воду и больше не всплываютъ; онѣ спасаютъ свое тѣло отъ врага, погибая въ глубинѣ моря.

«Virgo» приходитъ въ два часа дня; его капитанъ приходитъ къ намъ за инструкціями; въ шесть часовъ оба парохода снимаются съ якоря, и мы плывемъ къ Шпицбергену.

Андрѣ надѣется, что мы придемъ быстро и безъ задержки; онъ думаетъ, что ССВ вѣтеръ, который дуетъ съ большой силой уже нѣсколько дней, отнесетъ льдины по направленію къ Гренландіи.

Три дня свирѣпетствуетъ сильнѣйшій сѣверный вѣтеръ, море бурное, я боленъ и уже два дня ничего не ѣмъ, мучимый жестокой морской болѣзью. Вечеромъ 30 мая я встаю, и качка меня мало беспокоитъ, что меня сначала удивляетъ, а потомъ чрезвычайно радуетъ.

Наше судно страшно качаетъ; оно получаетъ сильныя толчки, благодаря своей плоской конструкціи; толчки эти особенно часты потому, что волны въ сѣверныхъ моряхъ очень коротки. Я невольно вспоминаю медленныя мягкія колебанія въ нашихъ заатлантическихъ моряхъ.

Я очень удивленъ, когда, поднявшись на палубу, вижу горы, окружающія Шпицбергенъ, и узнаю, что мы находимся въ трехъ часахъ отъ Данскъ-Гатта, пролива между Датскимъ островомъ и островомъ Амстердамъ, на сѣверо-западѣ отъ Шпицбергена подъ $79^{\circ}43'$ сѣверной широты.

«Virgo» идетъ за нами на нѣкоторомъ разстояніи; его тоже сильно качаетъ. Вѣтеръ сильный и холодный; кое гдѣ встрѣчаются небольшія льдины, но онѣ рѣдки. По счастливой случайности сѣверный океанъ совершенно открытъ; Андре предсказалъ это и очень доволенъ тѣмъ, что ему въ этомъ году не придется потерять времени.

Однако тѣ, которые никогда здѣсь не были, нѣсколько разочарованы; они ожидали, что будутъ путешествовать посреди льдинъ съ необыкновенными трудностями въ противоположность обыкновеннымъ путешествіямъ; они ожидали чего нибудь такого, чтобы напоминало имъ, что они въ Ледовитовъ океанѣ.

Наше желаніе скоро осуществляется. Сѣверо-восточный вѣтеръ, дующій сегодня, отнесъ льди-

ны въ открытое море, но тѣ, которыя окружають берега и защищены горами, остались, и входъ въ Данскъ-Гаттъ совершенно загроможденъ.

Нужно замедлить ходъ; оба судна съ трудомъ пролагають себѣ путь, подталкивая ледяныя глыбы, которыя раздаются, сталкиваются и съ шумомъ ломаются, пугая многочисленныхъ полярныхъ птицъ, или нарушая отдыхъ тюленей, которые спѣшатъ нырнуть и скрыться подъ другими льдинами.

Я дѣлаю нѣсколько снимковъ, но сомнѣваюсь, чтобы они были удачны, такъ какъ идетъ сильный снѣгъ. Къ счастью мы очень близко отъ залива Вирго и чрезъ часъ медленнаго, извилистаго и труднаго плаванія среди громадныхъ ледяныхъ глыбъ, которыхъ нельзя отогнать, мы замѣчаемъ Ballong-hus (домикъ для аэростата); онъ стоитъ еще!... Направо—домикъ Пика наполовину занесенъ снѣгомъ.

У каждаго изъ насъ есть зрительная труба и бинокль; всеобщее вниманіе обращено главнымъ образомъ на сарай: онъ потерпѣлъ поврежденія, замѣтна порча, но на такомъ разстояніи невозможно опредѣлить, насколько эти поврежденія значительны.

Мы медленно приближаемся къ берегу; каждую минуту бросають лоть; наконецъ, въ шесть часовъ вечера капитанъ приказываетъ остановиться. Якорь брошенъ, и мы, вѣроятно, долго останемся

на этомъ мѣстѣ, всего въ нѣсколькихъ стахъ метровъ отъ берега.

«Virgo», который долженъ былъ идти близко возлѣ насъ, чтобы воспользоваться проходомъ, который открывалъ «Swensksund», остался далеко позади насъ; его окружили льдины, и онъ съ трудомъ подвигается. Только черезъ часъ онъ бросаетъ якорь. Его винтъ, не обладавшій такой гибкостью и прочностью, какъ нашъ, сильно поврежденъ льдомъ.

Разнообразныя волненія этого путешествія и свѣжій воздухъ на Шпицбергенѣ вызвали у всѣхъ апетитъ. Лейтенантъ Цельсингъ велѣлъ приготовить намъ прекрасный обѣдъ съ тонкими винами и шампанскимъ, чтобы отпраздновать наше прибытіе на Датскій островъ. Признаюсь, я съ своей стороны ѣлъ очень исправно послѣ перенесенныхъ мною мученій.

Послѣ обѣда мы подъѣзжаемъ къ берегу. Нашъ катеръ съ трудомъ пробивается среди льдинъ; мы подходимъ къ берегу, окруженному льдомъ, покрытымъ толстымъ слоемъ снѣга, въ который погружаешься до колѣнъ.

Послѣ бѣглаго осмотра дома Пикъ, гдѣ все найдено въ порядкѣ, мы направляемся къ сараю, который насъ очень интересуетъ.

Онъ сильно пострадалъ; основаніе наполовину закрыто снѣгомъ; его покачнуло, и онъ нахло-

нился къ востоку. Въ прошломъ году части второго этажа были оставлены для большей прочности; нѣкоторые изъ этихъ кусковъ разломаны и вырваны вѣтромъ; другіе отнесены очень далеко; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ концы ихъ торчатъ изъ подъ снѣга.

Съ западной стороны мы замѣчаемъ разбитую балку. Это обстоятельство вызвало поврежденіе стропиль и причинило главную бѣду.

Во всякомъ случаѣ эти поврежденія поправимы, и Андрэ послѣ перваго осмотра выражаетъ свое удовольствіе Свендбергу, строителю этого зданія, не предназначеннаго для зимовки, но противостоявшаго жестокимъ непогодамъ. Правда, въ прошломъ году передъ отъездомъ съ Шпицбергена Андрэ укрѣпилъ сарай, насколько ему это позволили средства и матеріалы, которыми онъ могъ располагать, какъ это было видно изъ предыдущаго разсказа.

III.

Работы на Датскомъ островѣ.

31-го мая. На слѣдующій день по прибытіи всѣ принимаются за работу.

Когда куски дерева приведены въ то положеніе,

какое они должны занимать, ихъ прикрѣпляютъ стальными вантами.

Часть матросовъ счищаетъ снѣгъ, толщина котораго въ сараѣ достигаетъ 2 метровъ; работа особенно затрудняется и удлинняется вслѣдствіе того, что подъ снѣгомъ образовался толстый слой льда, который нужно разбивать кирками; счищенный ледъ и снѣгъ далеко увозится на саняхъ.

Работы много, но у насъ хорошіе рабочіе, и ими руководятъ опытные мастера. Андрэ цѣлый день тщательно слѣдитъ за всѣмъ и вечеромъ съ радостью заявляетъ намъ, что бѣду будетъ легче поправить, чѣмъ ему показалось сначала, и что черезъ двѣ недѣли аэрогатъ можно будетъ перевести въ сарай. /

1-го іюня. Работа продолжается очень дѣятельно.

Пока плотники заняты возстановленіемъ сарая, часть матросовъ разгружаетъ оба парохода. Этому въ значительной степени мѣшаютъ плавающія льдины, которыя подъ вліяніемъ вѣтра непрерывно передвигаются и подчасъ грозятъ затереть наши лодки, которыя приходится поднимать на палубу, когда онѣ не работаютъ. Между тѣмъ сегодня вѣтеръ, дувшій раньше съ сѣверо-востока, измѣняетъ направленіе и начинаетъ дуть съ востока; онъ относитъ льдины въ другую сторону.

Иногда порывы вѣтра приносятъ снѣгъ, который однако не можетъ помѣшать работать.

Температура колеблется между -1 и $+2$; температура воды -2 ; вѣтеръ хлещетъ въ лицо.

Такъ какъ я не могу ничѣмъ быть полезнымъ

Карта Датскаго острова,
гдѣ происходили приготовленія къ экспедиціи Андрэ,
снятая Стриндбергомъ въ 1896 г.

въ производимыхъ работахъ, я стараюсь чѣмъ-нибудь занять свой досугъ. Интересный домъ Пика меня очень занимаетъ. Я прочитываю на стѣнахъ фамиліи, написанныя здѣсь посѣтителями, съ осо-

бымъ удовольствіемъ нахожу подпись своего дяди и не могу противостоять желанію прибавить и свою.

Все утро я употребляю на то, чтобы превратить одну изъ комнатъ въ фотографическое ателье.

Почтовыхъ голубей экспедиціи помѣстили на чердакѣ въ комнатѣ, гдѣ они содержались и въ прошломъ году.

Позади дома находятся наполовину засыпанные снѣгомъ остатки прибора для производства газа. Когда снѣгъ счищенъ, замѣчаютъ, что приборъ не сильно пострадалъ, такъ что его можно будетъ утилизировать вмѣстѣ съ тѣми частями, которыя мы привезли.

Вечеромъ этого же дня мы предпринимаетъ въ обществѣ Стриндберга, Френкеля и Сведенберга экскурсію на снѣгъ и ледъ вдоль восточнаго берега. Мы доходимъ до острова Альбертъ, который соединяется съ Датскимъ островомъ льдомъ. Стриндбергъ очень искусный стрѣлокъ, и ему удастся убить тюленя, котораго мы не можемъ взять съ собой, такъ какъ у насъ нѣтъ лодки. Стриндбергъ возвращается на «Swensksund», чтобы привести лодку, но разстояніе очень велико, и въ это время мертвый тюлень успѣваетъ утонуть.

Когда мы направляемся уже къ нашему пароходу, мы замѣчаемъ прекрасную серебристо-бѣлую лисицу, обнюхивающую наши слѣды. Она нахо-

дится далеко отъ насъ, такъ что изъ ружья мы въ нее попасть не можемъ, и едва она насъ замѣчаетъ, какъ спѣшитъ убѣжать, испугавшись неожиданныхъ посѣтителей; отъ времени до времени она оборачивается и быстро исчезаетъ въ горахъ.

Отправленіе на охоту.

Вернувшись въ заливъ Вирго, мы не можемъ достигнуть «Swensksund'a»; поднявшійся сѣверный вѣтеръ принесъ много льдинъ, между которыми нѣтъ достаточно широкаго прохода для лодки; мы становимся на льдину, и, перепрыгивая съ одной на другую, возвращаемся на пароходъ.

2-го іюня. Вѣтеръ снова измѣнилъ направле-

не и сталъ дуть съ востока. Заливъ освободился отъ большей части покрывавшихъ его льдинъ.

Теперь можетъ быть пущенъ въ ходъ маленькій катеръ, и разгрузка идетъ быстрѣе. Раньше разгружаютъ «Virgo», который скоро долженъ уйти и отвезть наши письма друзьямъ.

На льдинахъ.

Стриндбергъ дѣлаетъ снимки льдинъ и снѣга, и я провожу большую часть дня въ приготовленіи клише.

3-го *июня*. Въ два часа ночи небо было ясно; на горизонтѣ не было видно ни облачка, такъ что никакъ нельзя было ожидать, что черезъ нѣсколько часовъ сильный сѣверный вѣтеръ принесетъ намъ

снѣжную бурю и пригонить обратно льдины. Эта дурная погода немного тормозитъ работу утромъ.

Послѣ завтрака мы замѣчаемъ тюленя, покачивающагося на льдинѣ. Онъ на разстояніи болѣе 200 метровъ отъ насъ; несмотря на это, на палубѣ выстраивается десять человѣкъ съ ружьями и карабинами въ рукахъ, и по командѣ капитана выпускается десять пуль въ животное, которое сейчасъ же исчезаетъ, унося, вѣроятно, очень не лестное мнѣніе о человѣческомъ родѣ.

Сегодня вечеромъ у насъ обѣдали капитанъ и старшій лейтенантъ «Virgo». За обѣдомъ мы ѣли хлѣбъ, прозванный *французскимъ хлѣбомъ*, который былъ доставленъ стокгольмскимъ булочникомъ Шумахеромъ экспедиціи, взявшей большой запасъ его. Этотъ хлѣбъ, лежащій въ герметически закрытыхъ коробкахъ изъ луженой мѣди, прекрасно сохранился, несмотря на то, что онъ приготовленъ еще мѣсяць тому назадъ.

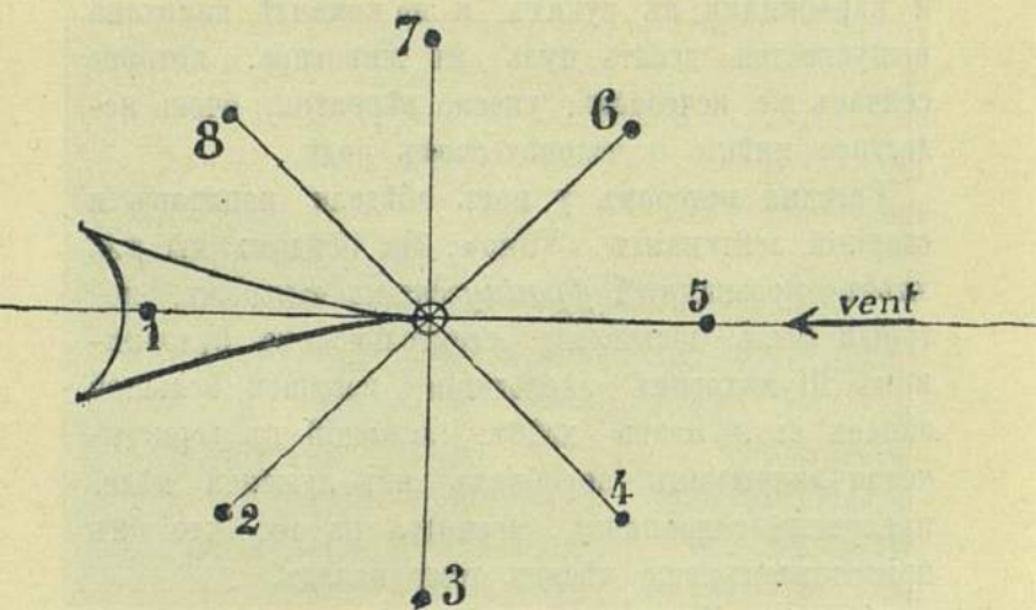
4 іюня. Ночью, сильный сѣверо-восточный вѣтеръ пригналъ льдины въ нашъ заливъ, что препятствуетъ выгрузкѣ большихъ тюковъ. На ледъ положены дубовыя доски, и легкіе ящики переносятся людьми на спинѣ.

Этотъ вѣтеръ оказалъ намъ большую услугу и въ значительной степени способствовалъ возстановленію сарая: благодаря ему стропила стали на свои мѣста, и рабочіе спѣшатъ укрѣпить ихъ ван-

тами, а также поставить столбы, которые увеличат прочность зданія.

5 июня. Погода сегодня прекрасная; термометръ показываетъ 3 градуса выше нуля.

Стриндбергъ взобрался на сосѣднюю гору, находящуюся на западъ отъ того мѣста, гдѣ стоитъ

Меридіанъ.

наше судно. На верхушкѣ, на высотѣ 200 метровъ, онъ укрѣпляетъ шесть съ установленнымъ на немъ приборомъ для наблюденія направленія вѣтровъ. Этотъ инструментъ состоитъ изъ флюгера, который вращаетъ при своемъ движеніи горизонтальный дискъ, раздѣленный на восемь равныхъ секторовъ. На окружности въ точкахъ дѣленія

укрѣплены цифры отъ 1 до 8, вырѣзанныя на мѣдныхъ пластинкахъ. Діаметръ 1—5 лежитъ въ вертикальной плоскости флюгера, а цифра 5 всегда приходится противъ вѣтра.

Съ помощью компаса очень легко опредѣлить его направленіе съ какой бы то ни было точки, съ которой видны цифры диска. Достаточно опредѣлить уголь, который составляетъ магнитный меридіанъ съ линіей, идущей отъ нашего глаза къ цифрѣ, находящейся противъ насъ, а затѣмъ посредствомъ очень простаго разчета вычислить уголь линіи 1—5, т. е. уголь между линіей вѣтра и сѣверомъ. Напримѣръ, мы находимся на востокъ отъ наблюдательнаго поста; противъ насъ цифра 3; цифра 5, стоящая всегда противъ вѣтра, прійдется на сѣверѣ, откуда и дуетъ вѣтеръ.

Ежедневно по очереди изслѣдователи производятъ черезъ каждые четыре часа метеорологическія наблюденія. Результаты тщательно записываются. Стриндбергъ устроилъ на склонѣ горы палатку, въ которой онъ проводитъ ежедневно нѣсколько часовъ, производя наблюденія надъ магнитной стрѣлкой.

Работы приостановлены на 6-е и 7-е іюня, когда мы празднуемъ Троицу.

Всѣ ищутъ какого-нибудь развлечения, и нѣсколько матросовъ придумали оригинальную забаву. Они взбираются на снѣжную гору, находя-

щуюся за сараемъ, садятся въ снѣгъ и съ высоты 200 метровъ скользятъ внизъ, установивъ предварительно рекордъ быстроты.

Эта игра имѣетъ свою смѣшную сторону: нѣ-

«Swensksund» и «Virgo» во льду въ Данскъ-Гаттѣ, которые теряютъ равновѣсіе и скатываются куврыкомъ; къ счастью, въ снѣгу это не опасно.

8 іюня вся маленькая колонія снова принимается за работу; погода прекрасная, но сѣверный вѣтеръ гонитъ льдины къ судамъ. Большая часть легкихъ тюковъ уже снята; остаются еще тяжелые, которые не могутъ быть перенесены.

9 іюня выгружаютъ одинъ изъ генераторовъ газа,—большой деревянный чанъ, обитый внутри свинцомъ, съ которымъ нужно обращаться очень осторожно, такъ какъ онъ непрочень вслѣдствіе собственной тяжести. Его ставятъ въ лодку, ко-

Датскій островъ при полуденномъ солнцѣ.

торая съ трудомъ пролагаетъ себѣ путь между льдинами.

На слѣдующій день съ «Virgo» снимаются другія не менѣе объемистыя части прибора для полу-

ченія газа. Сегодня работа идетъ еще труднѣе. Вооружившись кирками, наши матросы стараются разбить льдины; нѣкоторые, особо предназначенными для этого пилами, хотять перепилить большія глыбы. Лодка подвигается очень медленно и мы теряемъ много времени.

Наконецъ, вечеромъ всѣ части газоваго завода перенесены на землю. Инженеръ Стакъ съ помощью механиковъ устанавливаетъ приборъ. Нужно было предварительно снять громадное количество снѣга, который образуетъ теперь, какъ бы ограду вокругъ расчищеннаго мѣста.

11 июня. Стриндбергъ и Френкель занялись почтовыми голубями; каучуковымъ штемпелемъ они ставятъ на крыльяхъ и на хвостъ слѣдующее клеймо:

«Andrée».

Aftonbladet
Stocholm.

Кромѣ того каждый голубъ имѣетъ номеръ. Они предназначаются для Aftonbladet'a и взяты изъ голубятни въ Марешаммъ, которой завѣдуетъ Уно Годенгейльмъ, старый содержатель почты.

Я занять сегодня изученіемъ чисто скандинавскаго спорта: «ski» (лыжи — снѣжные коньки). Стриндбергъ любезно даетъ мнѣ теоретическіе и практическіе уроки. Послѣ многочисленныхъ паденій я могу считать свое обученіе законченнымъ; остается только упражняться. Это пріятное сред-

ство передвиженія очень полезно при длинныхъ путешествіяхъ въ снѣгахъ.

Остальную часть дня я употребляю на устройство западни для лисицъ, состоящей изъ простого ящика, закрытаго съ одной стороны металлической рѣшеткой, а съ другой—выдвижной дверью. Эта дверь автоматически захлопнется, когда лисица притронется къ птицѣ, привѣшенной въ глубинѣ клѣтки, и служащей приманкой. Вечеромъ я беру сани, которыя будутъ взяты Андрэ на аэростатъ, отвожу свою западню въ горы на разстояніе полумили отъ парохода и ставлю ее такъ, чтобы она была видна съ «Swensksund'a» и чтобы съ помощью зрительной трубы можно было замѣтить, когда дверь клѣтки будетъ закрыта.

Результата приходится ждать недолго; на слѣдующій день западня закрыта. Я подымаюсь на гору и издали уже вижу сквозь рѣшетку маленькую хитрую мордочку и блестящіе глаза, внимательно слѣдящіе за моими движеніями.

Это совсѣмъ молодая лисица; ихъ есть нѣсколько видовъ на Шпицбергенѣ: мы видѣли уже блестящаго чернаго цвѣта, серебристо-бѣлаго, а попавшая теперь — въ желтыхъ и коричневыхъ пятнахъ. Она бросается къ рѣшеткѣ, ворча при моемъ приближеніи и обнажая ровные мелкіе зубы. Съ большимъ трудомъ мнѣ удастся черезъ доски

клетки надѣть ей намордникъ и связать лапы. Въ такомъ видѣ я ее тащу за собой къ дому Пика, гдѣ мое появленіе съ звѣремъ, котораго я веду на веревкѣ, возбуждаетъ всеобщее любопытство и смѣхъ.

Я рассчитывалъ повезть это животное во Францію. Здѣсь его заперли въ клетку, и любопытные приходили смотрѣть на него. Кто то недостаточно хорошо заперъ дверь, и шпицбергенская лисица, въ хитрости не уступающая нашимъ, воспользовалась этимъ и убѣжала. Видѣли даже, какъ она остановилась передъ сараемъ, гдѣ ее, вѣроятно, заинтересовали производимыя тамъ преобразованія.

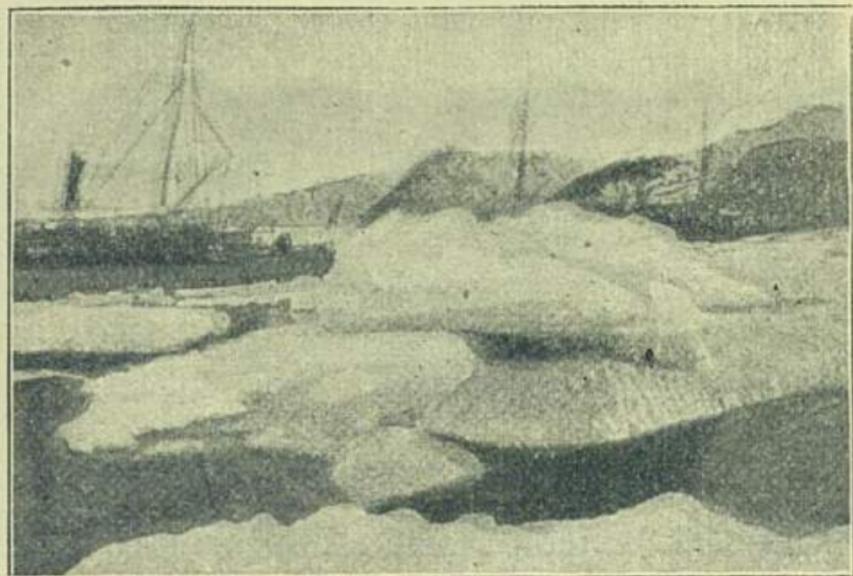
IV.

Перевозка аэростата и подготовительныя работы.—Наполненіе аэростата.

12-го іюня. Прошло двѣ недѣли со дня нашего прибытія на Датскій островъ; постройка сарая шла быстро, и, какъ предсказалъ Андрэ, можно уже перевезти туда аэростатъ. На половинѣ высоты сарая по всей окружности укрѣплена полотняная палатка; въ центрѣ она приподнята таями, прикрѣпленными къ верхушкѣ зданія. Такимъ образомъ она представляетъ прекрасную защиту отъ дождя и снѣга.

Разгрузка «Virgo» закончена, и онъ ждётъ только, чтобы льдины раздвинулись для того, чтобы сняться съ якоря. Мы отправляемся туда и пьемъ тамъ кофе и пуншъ.

13 июня. Сегодня воскресенье и мы предполагали совершить экскурсію на катеръ, но должны были

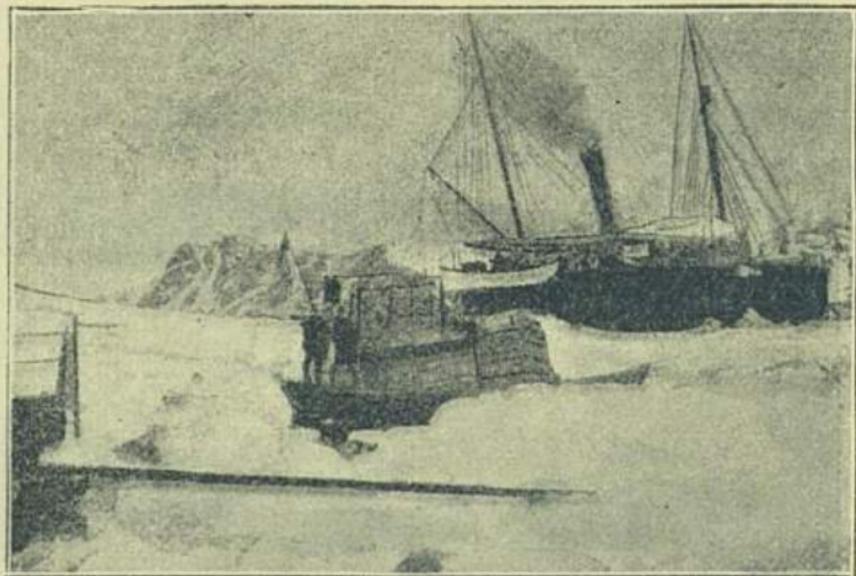
Пароходы среди льдинъ.

отъ этого отказаться, такъ какъ немислимо выйти изъ нашего заключенія. Господствующій сѣверный вѣтеръ, особенно сильно свирѣпствовавшій послѣдніе дни, пригналъ громадныя глыбы льда, отдѣлившіяся отъ глетчеровъ. Въстѣ съ Стриндбергомъ мы дѣлаемъ нѣсколько снимковъ съ этихъ плавающихъ льдинъ, что отнимаетъ цѣлый день.

«Virgo» затертъ льдомъ.

14 июня. Однако больше ждать нельзя; необходимо сегодня перевезти ящикъ съ аэростатомъ.

Этотъ громадный ящикъ вѣсомъ не менѣе 2000 кило, легко снять съ судна и поставленъ въ под-

Ящикъ съ аэростатомъ на льду.

ку; трудность состоитъ въ томъ, чтобы доставить его на землю, хотя разстояніе, которое нужно пройти, едва превышаетъ сто метровъ.

Проходы между льдинами очень узки, а иногда и совершенно загромождены.

Лейтенантъ Норселіусъ во главѣ лучшихъ матросовъ руководить работой. Кирки и пилы пу-

щены въ ходъ; онѣ расширяютъ узкіе проходы, въ которыхъ лодка идетъ свободно, пока не наталкиваемся на новое препятствіе. Теперь передъ ней настоящая стѣна; кирки и пилы ничего не могутъ подѣлать. Тогда у лейтенанта Норселюса является блестящая идея, которую онъ сейчасъ же приводитъ въ исполненіе: динамитомъ онъ разби-

ваетъ на куски эту глыбу сплошного льда; тогда легко раздвинуть льдины, и лодка медленно подвигается... но сосѣднія глыбы сдвигаются, и лодка скоро затерта ими и затѣмъ приподнята. Ящикъ наклоняется въ сторону и грозитъ упасть; матросы повисаютъ съ противоположной стороны, стараясь возстановить равновѣсіе, между тѣмъ, какъ другіе тащатъ и подталкиваютъ лодку. Ящикъ

привязывают канатами, которые прикрѣпляются съ одной стороны на суднѣ, а съ другой — на берегу; у третьяго каната находится весь экипажъ, который соединяетъ свои усилія, чтобы подвинуть лодку. Вдругъ она покачивается. Насъ охватываетъ волненіе. Она скользитъ и чуть не опрокидывается вмѣстѣ съ грузомъ. Къ счастью матросы успѣли налечь на конецъ шеста, лежащаго на ящикѣ, и съ помощью канатовъ равновѣсіе удержано.

Мы успокаиваемся; серьезныя затрудненія пройдены; остальное гораздо легче. Еще нѣсколько часовъ труда и терпѣнія, и наконецъ послѣ цѣлаго дня работы аэростатъ на землѣ.

Всѣ рады тому, что онъ наконецъ въ полной безопасности. Андрэ горячо благодаритъ лейтенанта Норселюса за усердіе и ловкость, которыя онъ проявилъ.

15 іюня. Ящикъ съ аэростатомъ, оставленный вчера на берегу, долженъ быть перенесенъ въ сарай, поднятый на нѣсколько метровъ. Первая часть разстоянія пройдена легко по доскамъ, смазаннымъ жиромъ, по которымъ тащатъ ящикъ; дальше идти труднѣе влѣдствіе большихъ камней, лежащихъ на пути. Но всѣ эти трудности ничтожны въ сравненіи съ вчерашними, и ящикъ скоро внесенъ въ сарай и поставленъ на полу.

Черезъ нѣсколько часовъ аэростатъ вынуть;

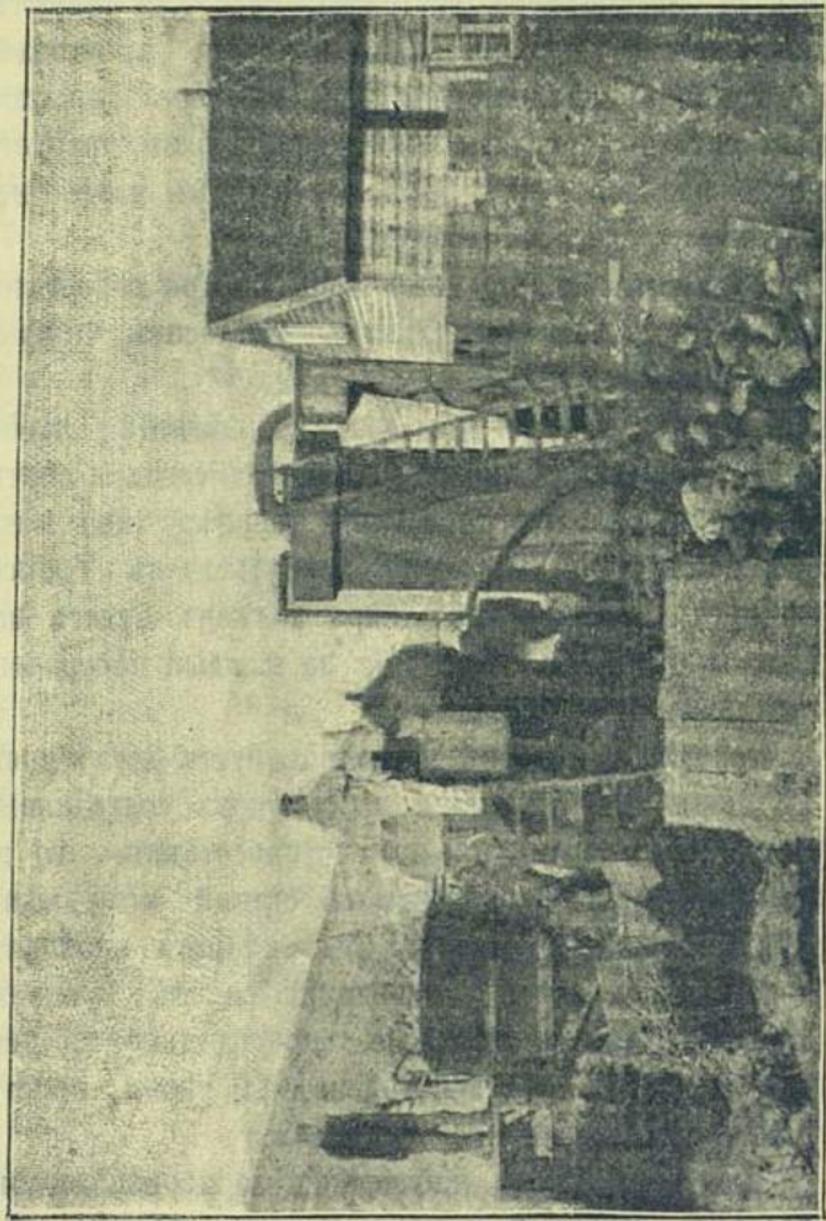
онъ въ прекрасномъ состояніи; отверстія закрыты деревянными досками или ложными клапанами. Затѣмъ его наполняютъ воздухомъ черезъ простой вентиляторъ, придуманный Андрэ, но это требуетъ много времени, такъ какъ вентиляторъ даетъ небольшое количество воздуха.

16 іюня. Я провожу день внутри аэростата, гдѣ съ помощью нѣсколькихъ матросовъ покрываю лакомъ швы.

«Virgo», четыре дня уже ожидающій, чтобы море освободилось, можетъ наконецъ сегодня сняться съ якоря. Это послѣдній срокъ, такъ какъ онъ долженъ до 20 іюня вернуться въ Тромсе; въ противномъ случаѣ Андрэ долженъ будетъ заплатить большую неустойку за каждый просроченный день.

Покрываніе швовъ лакомъ требуетъ двухъ дней; 18 іюня изъ аэростата выпускаютъ содержащійся въ немъ воздухъ, чтобы приготовить его къ наполненію. Его покрываютъ сѣткой и придѣлываютъ клапаны; трубки отъ аппарата проходятъ подъ поломъ сарая и соединяются съ рукавомъ аэростата черезъ отверстіе, продѣланное въ центрѣ пола. На слѣдующій день, 19 іюня, приступаютъ къ наполненію аэростата.

Инженеръ Стакъ наблюдаетъ за производствомъ водорода, который получается отъ дѣйствія раствора сѣрной кислоты на желѣзо. Кислота въ

Видъ аппарата, производящаго водоюмъ для населенія аэрогата.

60° вводится въ бочку съ 100 килограммами желѣза; у насъ есть его 80000 килограммовъ, а для наполненія аэростата достаточно 30000.

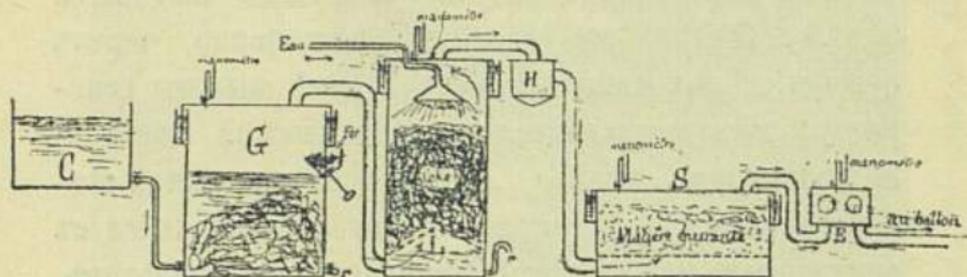
Аппаратъ для производства газа былъ сдѣланъ въ Стокгольмѣ по данной модели. Посредствомъ ручного насоса поднимаютъ кислоту въ чанъ С, вмѣщающій 1600 литровъ, куда въ то же время входитъ вода, понижающая растворъ до 16°.

Окисленная смѣсь проходитъ въ два генератора G, обитые свинцомъ, въ которыхъ находится желѣзо. Желѣзо это вводится постепенно черезъ отверстіе, находящееся на половинѣ высоты генератора и закрывающееся гидравлической дверцей; подталкиваютъ желѣзо, лежащее съ наружной стороны отверстія, и тогда то, которое находится съ внутренней его стороны, попадаетъ въ генераторъ. Каждый генераторъ закрывается гидравлической крышкою; плотно закрывающійся кранъ позволяетъ очищать приборъ отъ получающихся на днѣ осадковъ.

Полученный такой реакціей водородъ переходитъ въ сосудъ L, наполненный коксомъ, лежащимъ на конической рѣшеткѣ; изъ подъ этой рѣшетки газъ проникаетъ въ сосудъ и проходитъ черезъ столбъ кокса, въ которомъ протекаетъ вода, льющаяся черезъ лейку, прикрѣпленную вверху; излишекъ выходитъ черезъ трубку, имѣющую форму U и находящуюся въ днѣ прибора.

Паровой насосъ доставляетъ въ сосудъ L и въ чанъ морскую воду, которую съ успѣхомъ употребляютъ при этомъ производствѣ.

Выйдя изъ сосуда L, водородъ поступаетъ въ камеру H, откуда двѣ трубки ведутъ его въ сушильни S; эти послѣднія состоятъ изъ прямоугольныхъ ящиковъ, содержащихъ очищающія вещества и негашеную известь, которыя лежатъ на рѣшеткѣ на нѣкоторомъ разстоянн отъ дна.

Теоретическая схема функционирования прибора, производящаго водородъ.

Раньше, чѣмъ попасть въ аэростатъ, газъ проходитъ черезъ двѣ камеры E, въ каждой изъ которыхъ находится термометръ, гигрометръ и лакмусовая бумага; черезъ вдѣланные въ стѣнки стеклянныя окошечки можно дѣлать наблюденія.

Поставленные въ различныхъ мѣстахъ манометры указываютъ давленіе газа.

Этотъ приборъ могъ бы давать отъ 150 до 200 кубическихъ метровъ газа въ часъ, но Андрэ

хочетъ, чтобы онъ давалъ только 60, для того, чтобы полученный газъ могъ хорошо очиститься.

20 июня. Втеченіе первыхъ двадцати четырехъ часовъ получено около 1200 метровъ газа.

Андрэ и Френкель наблюдаютъ сегодня за наполненіемъ аэростата; остальные члены съ лейтенантомъ Норселіусомъ во главѣ отправляются на катерѣ въ экскурсію на сѣверъ.

Цѣль экскурсіи—Red-bay, расположенный на сѣверо-западъ отъ Шпицбергена около 80° параллели.

Мы выходимъ изъ залива Вирго въ девять часовъ утра и направляемся на сѣверъ, вдоль Смирнбурга. По дорогѣ мы стрѣляемъ различныхъ птицъ. Въ часъ мы безъ особыхъ приключеній приѣзжаемъ въ Red-bay, еще совершенно покрытый громадной целеной льда, который доходитъ до острововъ, лежащихъ при входѣ въ заливъ. На одномъ изъ этихъ острововъ, названій которыхъ нельзя найти ни въ одной географической картѣ, мы выходимъ на землю и обращаемъ въ бѣгство множество гагъ и подстерегавшую ихъ лисицу.

Съ того мѣста, гдѣ мы находимся, виденъ весь заливъ.

Природа здѣсь самая дикая, какую намъ только приходилось видѣть. Заливъ открывается на сѣверъ.

На востокъ и на западъ онъ ограниченъ вы-

сокими отвѣсными горами, вершины которыхъ исчезаютъ въ туманѣ; въ широкихъ разсѣлинахъ на различной высотѣ гнѣздится множество самыхъ разнообразныхъ птицъ; одни стоятъ на выступахъ скалъ, другія парятъ, какъ хищныя птицы, описывая большія параболы. Особенно много здѣсь

Перевозка на землю лодки.

дикихъ гусей, чаекъ, пингвиновъ, которые наполняютъ воздухъ рѣзкими, пронзительными оглушительными криками.

На югѣ заливъ огражденъ высокой стѣной, которая тянется почти на 10 километровъ. Эта стѣна представляетъ собой гигантскій ледникъ, испещренный глубокими разсѣлинами; нѣсколько солнечныхъ

лучей проникаетъ туда сквозь легкій туманъ и освѣщаетъ его.

Мы долго любуемся этой громадной бѣлой глыбой, незамѣтно подвигающейся къ морю подъ вліяніемъ какой-то таинственной силы; отъ нея безпрестанно отламываются куски, которые разбиваются, производя глухой шумъ, подобный тому, какой бываетъ при землетрясеніяхъ.

Интересно было бы обойти Red-bay, но у насъ нѣтъ времени и кромѣ того нужны были бы лыжи, чтобы пройти по снѣгу, покрывающему ледъ. Мы замѣчаемъ въ снѣгу свѣжіе слѣды бѣлыхъ медвѣдей, но сколько мы ни стараемся увидѣть звѣрей съ помощью бинокля, намъ это не удается.

Послѣ легкаго завтрака на открытомъ воздухѣ, на скалѣ, мы отправляемся въ обратный путь. Холодный, пронизывающій туманъ спустился на море; мы спѣшимъ вернуться на «Swensksund», чтобы согрѣться, такъ какъ мы не захватили съ собой теплой одежды.

21 и 22 іюня наполненіе аэростата продолжается. По мѣрѣ его наполненія мы покрываемъ снаружи швы лакомъ.

Въ это время Андрэ приготовляетъ лодку, прикрѣпляетъ кругъ, къ которому она будетъ привѣшена, и веревки. Съ другой стороны Стриндбергъ, Френкель и Сведенборгъ занялись веревками отъ

снастей, которыя они натирають смѣсью сала съ вазелиномъ.

Чтобы выиграть время при работахъ при подъемѣ аэростата плотники снимають половину верхней части сарая съ сѣверной стороны, которую Андрэ считаетъ бесполезной.

V.

Развлеченія на Шпицбергенѣ. — Провѣрка непроницаемости аэростата — Прибытіе судовъ „Express“ и „Lofoten“.

Наполненіе аэростата закончено 22 іюня въ полночь. Съ парохода видна его верхняя часть, поднимающаяся надъ сараемъ; нашъ аэростатъ ждетъ только благопріятнаго момента, чтобы подняться въ воздухъ.

На слѣдующее утро два шведскихъ флага гордо развѣваются на верхушкѣ сарая.

Но остается еще много работы; нужно сдѣлать еще нѣкоторыя мелочи, которыя отнимають, однако, много времени, а между тѣмъ работы приостановлены сегодня въ полдень по случаю кануна Иванова дня, одного изъ самыхъ большихъ скандинавскихъ праздниковъ.

Эти праздничные дни кажутся безконечно длинными. На Шпицбергенѣ развлеченія рѣдки и очень

однообразны. Даже матросы лишены своей любимой забавы: снѣгъ на горахъ отчасти растаялъ, вслѣдствіе чего обнажились большіе острые камни, между которыми опасно скользить. Они нашли однако другое времяпрепровожденіе. Взобравшись на вершину сосѣдней горы, поднимающейся почти отвѣсно, они расшатывают обломки скалъ, которые скатываются внизъ, увлекая въ своемъ паденіи громадные камни и производя глухой шумъ, напоминающій раскаты грома.

Мы также не имѣемъ никакихъ развлеченій въ этой пустынной странѣ, вдали отъ всего, что привязываетъ къ жизни; мы страдаемъ отъ разлуки съ близкими; уже мѣсяць какъ мы одиноки.

Углубившись въ свои мысли, я машинально смотрю въ открытое море въ надеждѣ увидѣть тамъ какое-нибудь судно. Но на горизонтѣ ничего не видно, кромѣ ледяныхъ горъ,двигающихся по волѣ волнъ.

Вокругъ только горы, крутыя скалы, снѣга, ледники и никакой растительности. Встрѣчаешь лишь нѣсколько разновидностей мховъ съ маленькими бѣлыми, фіолетовыми и желтыми цвѣточками; послѣдніе очень похожи на лютики, которыми усажены весною луга въ нашихъ странахъ. Флора здѣсь чрезвычайно бѣдна. Какой контрастъ съ роскошной растительностью Бразиліи, богатой и

плодородной природой, которой я восторгался три года тому назадъ, когда находился по дѣламъ службы при бразильскомъ военномъ управленіи!

Чтобы побѣдить начавшую овладѣвать мною сегодня вечеромъ меланхолію, я съ удовольствіемъ предпринялъ съ Френкелемъ экскурсію на лодкѣ. Мы беремъ съ собою кое-какую провизію и въ девять часовъ уѣзжаемъ. Свѣтитъ яркое солнце. Мы охотимся на птицъ, главнымъ образомъ на гагъ. Возлѣ острова Альбертъ, въ Смиренбургѣ наше вниманіе привлечено группой тюленей, рѣзвящихся на льду. Невозможно подплыть къ нимъ на лодкѣ, и мы выходимъ на ледъ, таща ее за собою, но осторожныя животныя ныряютъ, какъ только мы приближаемся къ нимъ. Ожидать въ этомъ мѣстѣ бесполезно, такъ какъ тюлень плаваетъ очень далеко подъ водой и выплываетъ на разстояніи около сотни метровъ отъ того мѣста, гдѣ онъ нырнулъ; тамъ онъ продѣлываетъ новое отверстіе: ему достаточно нѣсколько разъ вздохнуть для того, чтобы пробить ледъ толщиною около метра.

Неподалеку отъ того мѣста, гдѣ исчезли тюлени, находится пространство, свободное отъ льда; мы ждемъ нѣсколько минутъ на берегу маленькаго озера, и оттуда выплываютъ два тюленя, въ которыхъ мы сейчасъ же стрѣляемъ. Вода окрашивается кровью, но животныя, несмотря на то,

что они ранены въ голову, успѣваютъ нырнуть и умирають подъ льдомъ.

Недовольные, мы возвращаемся въ лодку и продолжаемъ свою экскурсію на юго-востокъ Смиренбурга; мы хотѣли достигнуть ледниковъ, гдѣ водятся медвѣди, но по дорогѣ насъ застигаетъ густой туманъ, и мы принуждены вернуться.

У насъ нѣтъ компаса, и, чтобы не заблудиться, мы должны держаться берега, что въ значительной степени увеличиваетъ разстояніе. Благодаря туману, всѣ предметы принимаютъ фантастическій видъ. Въ одномъ мѣстѣ на берегу, которое я прекрасно знаю, такъ какъ былъ нѣсколько разъ, камень высотой отъ 5 до 6 метровъ кажется намъ большой горой; льдина, возвышающаяся футовъ на 6 надъ уровнемъ воды, представляется колоссальнымъ ледникомъ; гаги принимаютъ ужасающіе размѣры и достигаютъ 10 метровъ вышины. Эти галлюцинаціи усиливаются. Мы различаемъ моржа въ двигающейся массѣ величиной съ небольшого кита; мы приближаемся и узнаемъ это животное, когда величина его кажется намъ еще довольно большой (4—5 метровъ): это — небольшая птица... не больше голубя!..

Послѣ нѣсколькихъ часовъ этого утомительнаго путешествія, окоченѣвшіе отъ сырого, пронизывающаго холода, качиваемые бурными волнами,

брызги которых иногда летят намъ въ лицо, мы приѣзжаемъ въ заливъ Вирго, когда туманъ начинаетъ разсѣиваться.

Мы чувствуемъ себя, какъ послѣ кошмара, и радуемся солнцу, которое ласкаетъ насъ своими горячими лучами.

Мы возвращаемся на «Swensksund» въ шесть часовъ утра, проведя на морѣ девять часовъ; въ ту пору на суднѣ всѣ просыпаются.

Ивановъ день празднуется, насколько это возможно здѣсь; вечеромъ подается обильный обѣдъ, и мы очень удивлены тѣмъ, что, несмотря на то, что въ продолженіе мѣсяца мы не пополняли нашихъ припасовъ, блюда очень разнообразны. Это—сюрпризъ, приготовленный экономомъ судна, лейтенантомъ Цельсингомъ.

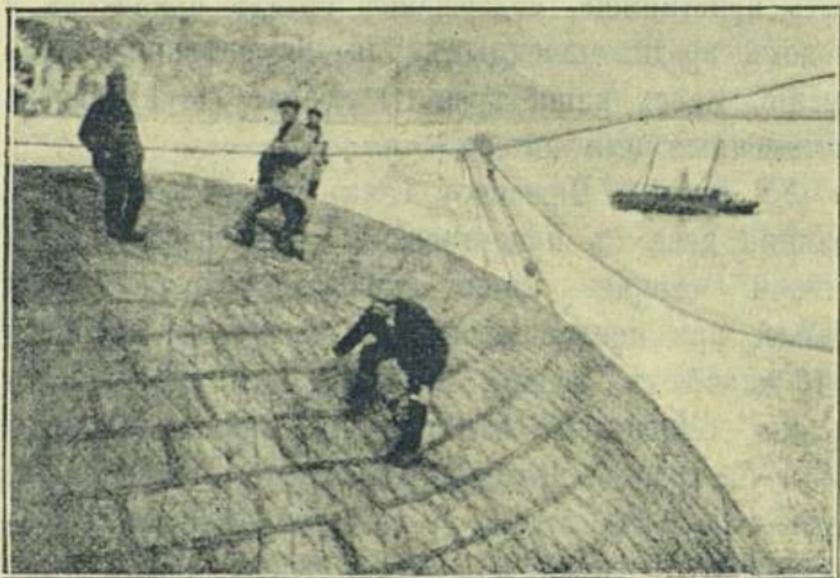
25 іюня. Приятное пробужденіе: матросъ подаетъ мнѣ пачку писемъ и газетъ. Вѣсти изъ Франціи!.. Кто никогда не разлучался съ близкими, не находился вдали отъ родины въ такой суровой и пустынной мѣстности, какъ Шпицбергенъ, не можетъ понять той радости, которую испытываешь, когда случайный курьеръ приноситъ вѣсти о дорогихъ и близкихъ сердцу.

Я съ жадностью читаю письма и газеты, не справляясь уже о томъ, на какомъ суднѣ они привезены. Я узнаю затѣмъ, что это—небольшой пароходъ «Express», нанятый въ Тромсѣ тремя

туристами: Т. Лернеромъ, докторомъ Фр. Віоле и Г. Мейзенбахомъ, предпринявшими экскурсію на Шпицбергенъ на нѣсколько дней. Маленькое судно сильно пострадало во время своего путешествія отъ бури, которой унесло двѣ лодки; оно отправляется вечеромъ на сѣверъ, въ Mossel-bay, гдѣ есть пристанище, содержащее складъ припасовъ и лодокъ, предназначенныхъ для потерпѣвшихъ крушеніе. Здѣсь наши туристы вознаграждаютъ себя за понесенныя ими потери.

26 іюня. Инженеръ Стагъ провелъ весь вчерашній день въ приготовленіи широкихъ полосъ легкой матеріи, пропитанной уксусно-свинцовой солью; при прикосновеніи къ сѣрнистому водороду онѣ чернѣютъ, и если наложить ихъ на швы, то можно сейчасъ же замѣтить, въ какихъ мѣстахъ газъ проходитъ. Но примѣненіе этого способа на практикѣ очень трудно и требуетъ нѣкоторой предусмотрительности. Для того, чтобы можно было взобраться на поверхность аэростата, концы каната, проходящаго горизонтально по діаметру сарая, прикрѣплены въ двухъ самыхъ высокихъ точкахъ; на канатѣ находится блокъ, черезъ который перекинута веревка; въ эту послѣднюю продѣваютъ ногу и, такимъ образомъ, поднимаются вверхъ. Когда хотятъ спуститься, двое человѣкъ тянутъ блокъ съ помощью талей. Нѣкоторые матросы находятъ болѣе интереснымъ спускаться по отверстіямъ сѣтки.

Насъ восемь, даже десять человекъ работаетъ на верхушкѣ наполненнаго шара, съ трудомъ удерживаясь за веревки сѣтки. Матросы, привыкшіе къ такого рода упражненіямъ, легко ходятъ по аэростату; что же касается меня, то признаюсь, что

На аэростатѣ.

въ первый моментъ я почувствовалъ легкое головокруженіе.

Очень интересно видѣть столько людей на шелковой оболочкѣ, поддерживаемыхъ однимъ только газомъ. Этотъ фактъ не имѣлъ себѣ примѣра въ исторіи аэростата.

Работа наша тяжела и продолжительна, но даетъ

прекрасные результаты. Мы находимъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ небольшую течь, которая старательно задѣлывается.

27 *юня*. Сегодня, въ воскресенье приходитъ норвежское судно «Lofoten» подъ командой капитана Свердрупа, командовавшего Фрамомъ и сопровождавшего доктора Нансена во время полярной экспедиции.

Въ числѣ туристовъ, приѣхавшихъ на этомъ суднѣ, находится Стадлингъ, одинъ изъ членовъ прошлогодней экспедиции Андрэ, уже знакомый читателю. Онъ останется съ нами, но такъ какъ на «Swensksund'ъ» нѣтъ мѣста, то онъ поселился въ домѣ Пика.

«Express» вернулся изъ своего путешествія въ Mossel-bay, и собраніе трехъ пароходовъ въ заливѣ Вирго придаетъ послѣдному веселый оживленный видъ.

«Lofoten», вышедшій изъ Гаммерфеста 23 *юня*, также привезъ намъ письма. Съ грустью прочли мы въ шведскихъ газетахъ извѣстіе о смерти барона Диксона, щедрого покровителя Андрэ, который еще наканунѣ нашего отъѣзда изъ Готтенбурга дружески принималъ у себя членовъ экспедиции и ободрялъ отважныхъ изслѣдователей.

Почтимъ здѣсь память этого филантропа, этого ученаго, умершаго, не успѣвъ увидѣть осуществленія

грандіознаго предиріятя, съ которымъ связано его имя.

Почтимъ его память своимъ глубокимъ уваженіемъ и своей благодарностью.

VI.

Послѣднія приготовленія. — Различныя предположенія.

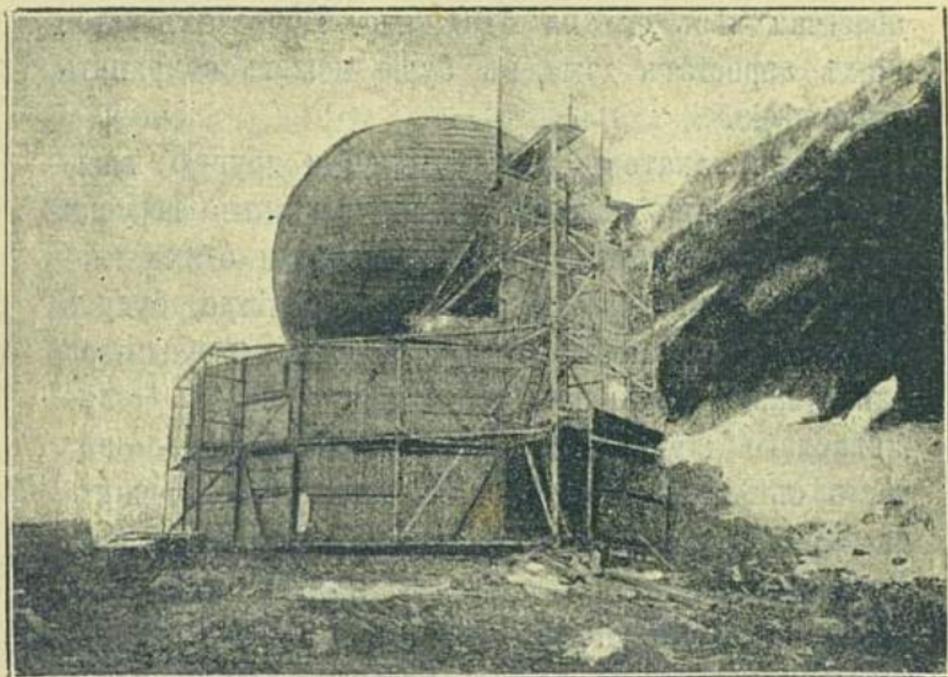
28 *іюня*. Уже пять дней, какъ аэростатъ наполненъ; онъ потерялъ за это время приблизительно отъ 150 до 180 кубическихъ метровъ газа, что составляетъ среднимъ числомъ 30—35 кубическихъ метровъ въ сутки. Когда производимая нами провѣрка будетъ закончена, непроницаемость еще увеличится, и аэростатъ въ этомъ отношеніи будетъ находиться въ прекрасныхъ условіяхъ.

«Lafoten» уходитъ сегодня въ два часа, простившись съ нами четырьмя пушечными выстрѣлами и многократнымъ ура. Съ верхушки аэростата я смотрю, какъ маневрируетъ это красивое судно, описывая параболу вокругъ «Swensksund'a»; флаги поднимаются и опускаются, и «Lofoten» быстро удаляется.

Осмотръ аэростата заканчивается сегодня. Накладываютъ сорочку, предохраняющую отъ дождя и снѣга на куполь аэростата.

Андрэ закончилъ прикрѣпленіе круга къ лодкѣ; системы блоковъ, веревки, и т. п. были тщательно приготовлены.

29 іюня. Кругъ разобранъ, и его прикрѣ-

Видъ наполненнаго аэростата въ сараѣ, съ котораго снята сѣверная сторона съ цѣлю облегчить подъемъ.

пляютъ къ веревкамъ сѣтки. Когда это сдѣлано, на немъ укрѣпляютъ горизонтально бамбуковый шестъ, на которомъ будутъ натянуты паруса. Посредствомъ системы блоковъ и талей съ лодки можно будетъ управлять ими.

Три веревки отъ снастей вѣсомъ въ 900 кило

протянуты на берегу и соединяются съ кругомъ, равно какъ и восемь канатовъ длиной въ 70 метровъ каждый, вѣсомъ всѣ вмѣстѣ въ 400 кило. Эти послѣдніе вмѣстѣ съ веревками снастей не дадутъ аэростату слишкомъ приблизиться къ землѣ, облегчая вѣсъ его на 400 кило. При этихъ условіяхъ аэростатъ даже въ бурю можетъ сохранить равновѣсіе.

Восемь канатовъ имѣютъ еще и другую важную цѣль: ими можно будетъ удлинить веревки снастей въ случаѣ, если нижнія части этихъ послѣднихъ зацѣпятся за что-нибудь, когда будутъ волочиться по землѣ. Андрэ можетъ освободиться отъ нижней части ихъ съ помощью винта, сдерживаемаго пружиной, который соединяетъ эту часть съ остальной веревкой; достаточно потянуть сверху лодки, чтобы пружина и винтъ поддались. Второе средство состоитъ въ взрывѣ динамита; этотъ послѣдній способъ удобнѣе, такъ какъ тогда теряется только та часть, которая прикрѣпилась къ землѣ.

Внутреннее устройство лодки почти окончено; въ ней помѣщено громадное количество самыхъ разнообразныхъ предметовъ: компасы, инструменты, секстанты, зрительныя трубы, фотографическія принадлежности, аптекарскіе предметы, кухонныя принадлежности, электрическія лампы и приборы, оружіе и т. п. Нѣтъ маленькаго мѣстечка, кото-

рое не было бы утилизировано, и оставлено еще достаточное пространство для постели и мѣховъ.

Припасы экспедиціи распакованы и выставлены въ одной изъ комнатъ дома Пика. Какъ и въ прошломъ году, они состоятъ изъ различныхъ консервовъ и винъ. Докторъ Лембке наблюдаетъ за нагрузкой ихъ. Они уложены въ прочные полотняные мѣшечки съ соответствующими надписями и соединены между собой, и уложены такъ, что образуютъ одинъ длинный мѣшокъ; тридцать шесть такихъ мѣшковъ, содержащихъ 750 кило припасовъ, привѣшено надъ кругомъ къ тридцати шести веревкамъ.

Андрэ беретъ съ собой припасовъ всего на четыре мѣсяца. Онъ считаетъ, что этого достаточно, и что въ случаѣ, если имъ придется зимовать на льду, они будутъ пополнять свои запасы съ помощью оружія. Показывая на патроны, онъ говоритъ съ улыбкой: «Вотъ концентрированная пища».

Оставшіеся припасы разложены въ домѣ Пика; ихъ очень много, такъ что ими можно было бы кормить большой экипажъ въ теченіе цѣлаго года.

Къ остальнымъ двѣнадцати веревкамъ прикрѣпляются сани, лыжи, челнокъ, составленный изъ деревянныхъ частей, который разбирается; этотъ послѣдній покрытъ двойной оболочкой изъ той же непромокаемой ткани, изъ которой сдѣланъ аэро-

стать. Этотъ челнокъ имѣетъ въ длину 5 метровъ; это — настоящее чудо строительнаго искусства. Съ удивленіемъ видишь, какая масса предметовъ помѣщается совершенно свободно между веревками на такой высотѣ, что ихъ можно достать рукой.

На доскѣ круга помѣщается еще много вещей: кирки, лопаты, топоры, якоря, маленькій воротъ, буи и т. п. Всѣ эти предметы сдѣланы изъ бронзы или изъ мѣди; лезвія топоровъ стальные, а ручки мѣдныя.

Андрэ беретъ съ собой двѣнадцать буйковъ, состоящихъ изъ пробковаго шара, имѣющаго 20 сантиметровъ въ діаметрѣ, покрытаго толстымъ слоемъ краски на половину голубой, на половину желтой, окруженнаго и защищеннаго сѣткой изъ толстой мѣдной проволоки. Въ нижней части конусъ, наполненный свинцомъ, служитъ балластомъ буйка и придаетъ ему форму кубаря; вверху находится мѣдная затычка, на которой вырѣзано: «Andree's Polar Expedition 1896» и номеръ; эта затычка закрываетъ отверстіе углубленія, сдѣланнаго въ пробкѣ, въ которое войдетъ трубка съ бумагами и денешами изслѣдователей. На буйкѣ находится мѣдная спиральная пружина, на которой укрѣпленъ маленькій норвежскій флагъ изъ тонкаго металла.

Буйки будутъ пущены во время полета аэростата. Тринадцатый, большаго размѣра, чѣмъ первые, будетъ брошенъ въ ближайшемъ къ геогра-

фическому полюсу пунктъ, котораго достигнетъ аэростатъ.

1 июля. Измѣряютъ поднимательную силу аэростата. Вычислено, что онъ можетъ поднять 1700 кило балласта (въ томъ числѣ и веревки, которыя будутъ употреблены, какъ балласть) и что онъ можетъ держаться въ воздухѣ не менѣе 30—35 дней. Это время можетъ быть въ случаѣ необходимости продлено, для чего нужно будетъ пожертвовать парусами и различными частями, которыя будутъ лишними, лодкой въ крайнемъ случаѣ и частью веревокъ; аэронавты будутъ держаться на кругѣ, гдѣ находятся припасы и необходимыя принадлежности. Получается такимъ образомъ около 800 кило дополнительнаго балласта, что увеличиваетъ продолжительность путешествія на 20 дней.

Воздухоплаватели могутъ такимъ образомъ продержаться въ воздухѣ болѣе 50 дней, сохраняя свои припасы, приборы и необходимыя снасти.

Эти условія, конечно, благоприятствуютъ удачному окончанію путешествія.

Что касается мѣста, гдѣ спустится аэростатъ, то больше всего вѣроятности, что это произойдетъ въ Азіатской Сибири, такъ какъ она представляетъ большое протяженіе; затѣмъ онъ можетъ спуститься на Аляскѣ въ Сѣверной Америкѣ. Андрэ не думаетъ, чтобы аэростатъ могъ быть отнесенъ къ

Гренландіи, покрытой гигантскими ледниками, поднимающимися на большую высоту, потому что нижніе слои воздуха быстро охлаждаются при соприкосновеніи съ такой массой льда и тамъ образуются теченія, которыя расходятся во все стороны оттуда.

Только въ верхнихъ слояхъ теченія приближаются къ этому мѣсту, но аэростатъ Андрэ носится всегда на небольшомъ разстояніи отъ земли, что составляетъ одно изъ условій его долговѣчности. Намъ нечего поэтому опасаться, что воздухоплаватели погибнутъ въ ледникахъ Гренландіи.

Переменные вѣтры могутъ носить аэростатъ въ продолженіе нѣсколькихъ дней надъ сплошнымъ льдомъ и надъ океаномъ раньше, чѣмъ они встрѣтятъ землю, гдѣ бы они могли спуститься. Мы видѣли, что аэростатъ можетъ держаться въ воздухѣ болѣе 50 дней; можно съ полнымъ основаніемъ надѣяться (исключая, конечно, всякую непредвидѣнную случайность), что за это время аэронавты спустятся на землю въ какой-нибудь гостепріимной странѣ. Если по какой-либо непредвидѣнной причинѣ они будутъ принуждены спуститься на ледъ, то они совершатъ обратное путешествіе такъ, какъ это сдѣлалъ докторъ Нансенъ.

Оставивъ свой пароходъ Фрамъ, Нансенъ въ обществѣ лейтенанта Югансена провель на льду

пятнадцать мѣсяцевъ, имѣя при себѣ припасовъ только на *три мѣсяца*.

Андрэ возьметъ съ собой 32 почтовыхъ голубя.

Мы полагаемъ, что нѣкоторые изъ нихъ вернутся на Датскій островъ, гдѣ они живутъ болѣе мѣсяца, и что они принесутъ намъ вѣсти отъ нашихъ друзей. Но мы боимся, что они никогда не прилетятъ въ Швецію; только отъ Шпицбергена имъ пришлось бы пролетѣть разстояніе около 2500 километровъ, чтобы вернуться въ свою голубятню. Тѣмъ изъ нихъ, которые будутъ пущены съ полюса, придется сдѣлать болѣе 3500 километровъ, причемъ на большей части этого разстоянія они не найдутъ ни пищи, ни пристанища. Насколько мнѣ извѣстно, почтовые голуби еще никогда не пролетали такого большого разстоянія, и тѣ, которые принадлежатъ экспедиціи, не захотятъ, вѣроятно, оставить аэростата, гдѣ они имѣютъ пріютъ и кормъ, или, если они улетятъ, то погибнуть въ полярныхъ странахъ.

Въ виду этого Андрэ сказалъ намъ, чтобы мы не беспокоились, если о немъ не будетъ извѣстій втеченіе цѣлаго года; что онъ можетъ спуститься въ такомъ мѣстѣ, откуда всякія сообщенія невозможны, вслѣдствіе чего онъ долженъ будетъ провести зиму у лапландцевъ или эскимосовъ, или же въ пустынной странѣ, предоставленной са-

тому себѣ и что онъ можетъ вернуться только въ слѣдующемъ году.

VII.

Передъ отправленіемъ въ путь.—Ожиданіе южнаго вѣтра.

30 іюня. Андрэ собралъ насъ для того, чтобы рѣшить всѣмъ вмѣстѣ, какія средства употребить, чтобы аэростатъ могъ подняться. Большое затрудненіе заключается въ томъ, какимъ образомъ аэростатъ поднимется изъ сарая, не повредивъ ткани о дерево постройки.

Всѣ высказываютъ свои мнѣнія, изъ которыхъ выводятся слѣдующія заключенія:

1) Всѣ выдающіяся части сарая о которыя можетъ удариться аэростатъ, будутъ обиты толстымъ слоемъ войлока, чтобы предохранить матерію отъ поврежденія.

2) Аэростатъ будетъ окруженъ на экваторѣ широкими ремнями, которые будутъ привязаны къ южной части сарая для того, чтобы помѣшать ему качаться на канатахъ подъ вліяніемъ вѣтра.

3) Южная часть сарая будетъ по возможности высоко закрыта, а послѣдній этажъ будетъ обтянутъ парусиной, для того, чтобы еще увеличит

высоту преграды; это будетъ сдѣлано въ послѣднюю минуту.

4) Аэростатъ будетъ прочно держаться на землѣ тремя канатами, привязанными къ кругу. Ему дадутъ подняться насколько это необходимо, чтобы привѣсить лодку, а затѣмъ останется только снять ремни и перерубить канаты, чтобы освободить его.

Сейчасъ же сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія относительно работъ, которыя необходимо выполнить.

Плотники ходятъ уже по стропиламъ сарая и спѣшатъ обить всѣ выступающія внутрь части, между тѣмъ, какъ матросы приготавливаютъ ремни и парусину.

Скоро полярный аэростатъ совершенно готовъ подняться въ воздухъ. Остается только выполнить необходимыя работы, когда будетъ рѣшено подняться: снять сѣверную часть сарая, что займетъ немного времени, такъ какъ два этажа по приказанію Андрэ уже сняты, и нужно снять всего еще одинъ; послѣдній не можетъ служить препятствіемъ и будетъ поддерживать зданіе.

Прикрѣпленіе лодки будетъ дѣломъ одной минуты. Слѣдующіе дни проходятъ въ ожиданіи южнаго вѣтра.

Все время нашего пребыванія на Шпицбергенѣ дуютъ сѣверные вѣтры. Ни разу мы не замѣтили

сколько нибудь значительнаго южнаго вѣтра; направленіе всегда колебалось въ секторѣ западъ-сѣверь-востокъ. Андрэ считаетъ это хорошимъ предсказаніемъ и надѣется, даже увѣренъ, что это состояніе не можетъ еще долго продолжаться, что

Члены экспедиціи.

скоро въ атмосферѣ полярныхъ странъ произойдетъ перемѣна, и въ свою очередь будутъ господствовать южные вѣтры.

Эти дни ожиданія очень скучны и монотонны: бездѣйствіе наводитъ тоску; мы ищемъ развлеченій. Въ обѣденные часы, когда всѣ члены большой семьи вмѣстѣ, веселость возвращается къ

намъ, и по самому незначительному случаю мы устраиваемъ маленькія празднества, иногда оригинальные и смѣшные.

Въ Швеціи день рожденія всегда празднуется торжественно; виновникъ получаетъ подарки, поздравленія. Завтра — день рожденія доктора Лембке, веселаго и любезнаго товарища, которому мы сейчасъ по прибытіи на Датскій островъ дали титулъ *Короля Шпицбергена*, благодаря его дородности и высокому росту.

Все ломаютъ себѣ головы надъ тѣмъ, какой бы подарокъ поднести Его Величеству, но это очень трудно на Шпицбергенѣ, гдѣ средства такъ ограничены.

Между тѣмъ, каждый что то готовить, и утромъ, до пробужденія нашего доктора все приносятъ свои подношенія. Стриндбергъ приготовилъ королевскую корону изъ куска шелковой трубки для газа, верхнюю часть которой онъ искусно вырѣзалъ зубцами; Френкель — шаръ изъ кишечной перепонки, наполненный водородомъ и украшенный яркими лентами; инженеръ Стакъ — коробку съ носовыми платками, выкроенными изъ полосъ матеріи, которыя служили для испытанія непроницаемости аэростата; еще кто то — яйца гагъ съ юмористическими надписями; затѣмъ — коробки шоколада, бисквиты, конфекты, фрукты, и т. п., и букетъ, составленный изъ мховъ съ бѣлыми и

фіолетовыми цвѣточками и представлявшій всю флору страны.

За столомъ приборъ доктора окруженъ полосой мха, на которомъ лежитъ изюмъ, миндаль, апельсины и т. п.

Подношеніе подарковъ представляетъ очень комичную церемонію; каждый болѣе или менѣе оригинальный подарокъ встрѣчается веселымъ смѣхомъ. А вечеромъ шампанское льется рѣкой. Мы выражаемъ нашу симпатію Королю Шницбергена..., который положительно неистощимъ въ рассказываніи забавныхъ и комичныхъ анекдотовъ, но который проситъ позволенія снять корону, чтобы продолжать болѣе оживленную и простую жизнь въ средѣ своихъ.

5 іюля. Со времени нашего прибытія на Датскій островъ, за исключеніемъ первыхъ трехъ или четырехъ дней, здѣсь не было ни дождя, ни снѣга; температура, мало измѣнчивая, все время была на нѣсколько градусовъ ниже нуля, а на солнцѣ, въ мѣстахъ, защищенныхъ отъ вѣтра, чувствовалась пріятная теплота.

Сегодня, кажется, происходитъ перемѣна, предсказанная Андрэ, и въ первый разъ за все время идетъ дождь; вѣтеръ дуетъ съ юго-востока.

6 іюля. Вотъ онъ, наконецъ, этотъ южный вѣтеръ, котораго столько ждали, такъ желали! Это настоящая буря. Дождь пересталъ; тучи несутся

на сѣверъ; въ нѣсколько часовъ изслѣдователи могутъ достигнуть цѣли.

Андрэ занимается метеорологическими наблюденіями въ то время, какъ начинаются первыя приготовления. Пускаютъ сейчасъ же въ ходъ газовый аппаратъ, чтобы наполнить окончательно аэростатъ.

Скоро все готово; ждуть только приказанія Андрэ, чтобы разобрать сарай, но онъ, предавшись своимъ наблюденіямъ, долго думаетъ и находится въ нерѣшительности. Онъ переходитъ отъ одного инструмента къ другому, опредѣляетъ направленіе вѣтра съ различныхъ точекъ, сравниваетъ его съ направленіемъ облаковъ; ему трудно здѣсь разобраться. Барометръ быстро упалъ; хотя и нужно пониженіе барометра, но оно должно произойти медленно и постепенно. Наконецъ, спустя два часа, Андрэ сообщаетъ намъ результаты своихъ изслѣдованій. Спокойнымъ и увѣреннымъ голосомъ онъ говоритъ, что отказывается отъ мысли подняться сегодня, потому что вѣтеръ, очень благопріятный въ данный моментъ, не будетъ долго дуть. Это ему очень непріятно, но онъ надѣется, что скоро будутъ другіе вѣтры, болѣе постоянные и болѣе благопріятные. Во всякомъ случаѣ послѣ 15 іюля онъ отправится при первой возможности даже при посредственныхъ атмосферическихъ усло-

віяхъ; сегодня же онъ боится, что, поднявшись преждевременно, онъ рискуеть успѣхомъ экспедиціи.

Андрэ съ опытомъ ученаго соединяеть большую осторожность; его предположенія впрочемъ оправдываются; на слѣдующій день сѣверный вѣтеръ смѣняетъ южный, и мы опять ждемъ. . .

9 іюля. Погода дурная: дождь и западный вѣтеръ. Норвежское судно приходитъ въ нашъ заливъ. Оно возвращается съ сѣвера, гдѣ экипажъ его охотился на тюленей, которыхъ онъ убилъ болѣе 700; матросы рубятъ этихъ животныхъ на части; шкуры просолены, а жиръ, изъ котораго будетъ приготовлено масло, складывается въ бочки.

10 іюля. Продолжается дурная погода съ холодными туманами и дождями. «Lofoten» пришелъ вторично съ болѣе многочисленными туристами. Между послѣдними я съ радостью встрѣчаю друзей моей семьи: г. и г-жу Вильяръ еще съ двумя французами, г. Обермейера, редактора «Figaro» и его жену. Я очень сожалѣю о томъ, что не имѣю возможности подольше побесѣдовать съ моими соотечественниками. «Lofoten» совершаетъ правильный рейсъ между Гаммерфестомъ и Advent-bay; онъ не можетъ потратить много времени, такъ какъ увеличилъ свой рейсъ, чтобы зайти на Датскій островъ, и останавливается въ заливѣ Вирго всего на часъ.

Вечеромъ небо проясняется, дождь перестаетъ идти, и поднимается сильный юго-западный вѣ-

теръ. Барометръ, который уже два дня какъ понижается, продолжаетъ медленно падать. Есть надежда, что появится вѣтеръ благопріятный для экспедиціи.

УІІІ.

Отправленіе аэростата въ путь.

Воскресенье, 11 іюля. Рѣзкій южный вѣтеръ! Серьезно-ли это наконецъ?..

Не ложная-ли это тревога?..

Андрэ и его спутники долго производятъ наблюденія на различныхъ обсерваціонныхъ пунктахъ; атмосферическія условія кажутся благопріятными.

Вмѣстѣ съ Андрэ мы взбираемся на сарай для того, чтобы осмотрѣть выполненныя работы и условиться относительно того, что еще нужно будетъ сдѣлать.

Вѣтеръ очень силенъ, деревянное зданіе дрожитъ у насъ подъ ногами; подчасъ я начинаю бояться, чтобы оно не разрушилось подъ напоромъ вѣтра и не придавило своей тяжестью аэростата. Но эта, съ виду легкая, постройка очень прочна; она представила уже прекрасныя доказательства этого. Кромѣ того, она защищена горой въ 100 метровъ вышины.

Осмотрѣвъ дѣлающіяся приготовленія, Андрэ возвращается на нѣсколько минутъ еще къ своимъ наблюденіямъ. Результатъ ихъ благопріятенъ, направленіе вѣтра ясно опредѣлилось, но Андрэ не отдаетъ никакого приказанія: онъ не рѣшается на этотъ разъ взять на себя одного отвѣтственность и совѣтуется со своими сотрудниками.

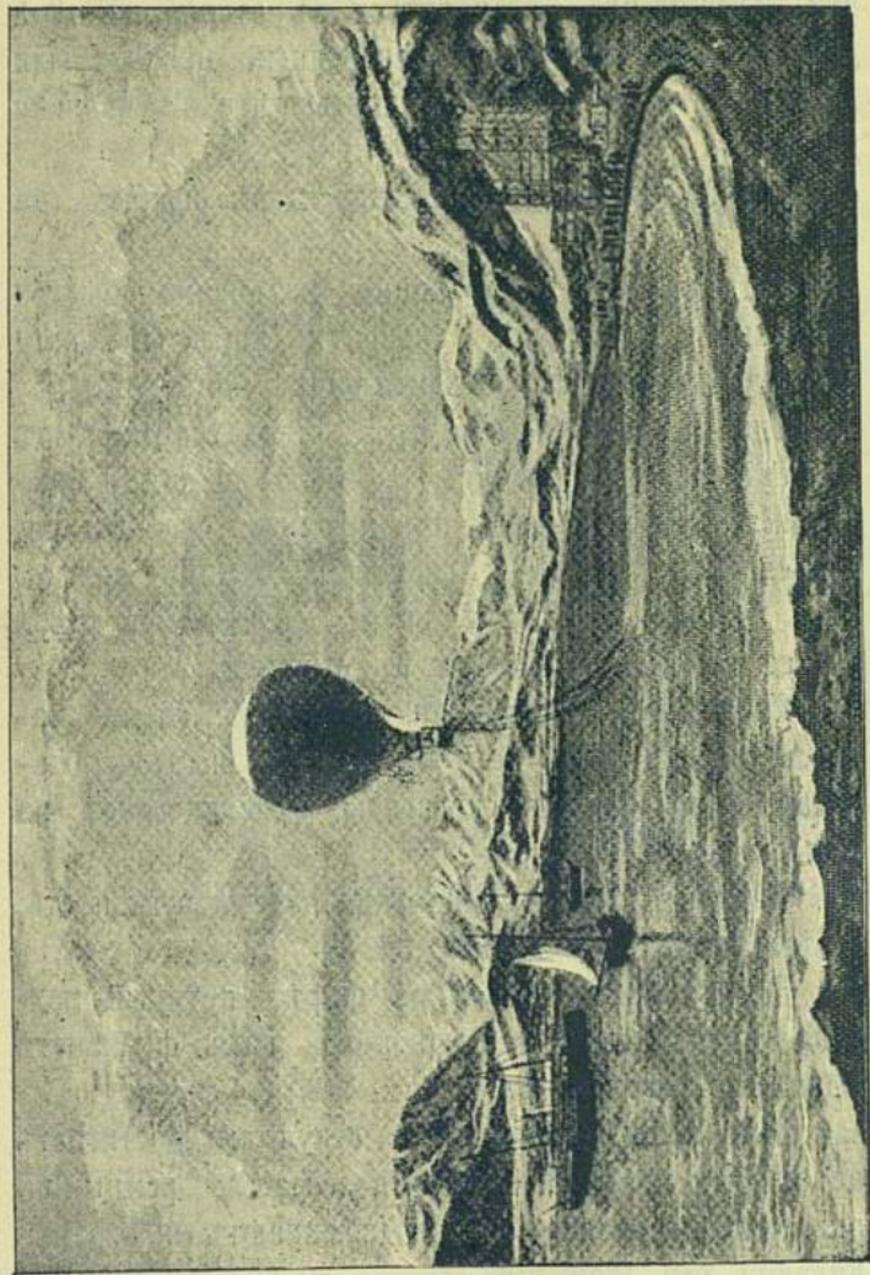
Остающимся членамъ, Сведенборгу и мнѣ, представляется очень щекотливымъ высказать свое мнѣніе; высказаться должны лица, прямо заинтересованныя. Стриндбергъ и Френкель очень хотятъ отправиться сегодня. Да и чего-же ждать еще?.. Дни проходятъ, скоро кончится лѣто. Чѣмъ раньше, тѣмъ лучше.

Андрэ ничего не говоритъ, но мы понимаемъ его мысли: онъ спѣшитъ отправиться на завоеваніе полюса и произноситъ только: «Отъѣздъ рѣшенъ».

Мы возвращаемся на Swensksund, гдѣ матросы въ праздничной одеждѣ послѣ обычнаго воскреснаго смотра слушаютъ короткую божественную службу.

Едва узнавъ о принятомъ рѣшеніи, капитанъ Эренсвердъ дѣлаетъ распоряженіе о томъ, чтобы вся команда надѣла рабочіе костюмы.

Два норвежскихъ судна, плывущихъ съ сѣвера, входятъ въ заливъ и готовятся бросить якорь противъ нашего сарая. Сигналами имъ даютъ знать,

Поднятіє аэростата.

что просить ихъ остановиться въ открытомъ морѣ для того, чтобы оставить свободный проходъ для Андрэ, который долженъ подняться чрезъ нѣсколько часовъ.

Рабочіе готовы и переѣзжаютъ въ лодкахъ на берегъ.

Плотники съ нѣсколькими матросами быстро взбираются на сарай, сѣверную часть котораго они разбираютъ съ поразительной быстротой.

Одиннадцать часовъ утра. Андрэ стоитъ предъ сараемъ и зорко слѣдитъ за всѣмъ; короткія приказанія слѣдуютъ одно за другимъ; его голосъ, усиленный рупоромъ, гремитъ. Слышно только, какъ трещатъ падающія доски, которыя по мѣрѣ своего паденія убираются въ стороны.

Съ южной стороны на верхушкѣ сарая матросы натягиваютъ парусину между шестами, благодаря чему высота преграды увеличивается на четыре метра.

Повсюду царитъ лихорадочная дѣятельность; сборы идутъ очень быстро.

Затѣмъ принимаются за шаръ, который медленно подымается по мѣрѣ того, какъ спускаютъ мѣшки съ балластомъ.

Вѣтеръ все усиливается; струя его достигаетъ аэростата, который слегка колеблется; ремни на экваторѣ прекрасно его поддерживаютъ и ограничиваютъ его движенія.

Во время этихъ послѣднихъ работъ зорко слѣдить за тѣмъ, чтобы клапаны, вълѣдствіе неосторожнаго обращенія съ идущими отъ нихъ шнурками, не начали дѣйствовать.

Стадлингъ привѣшиваетъ надъ кругомъ рядъ корзины съ почтовыми голубями.

Когда первая часть сборовъ закончена, начинаютъ вынимать мѣшки съ балластомъ до тѣхъ поръ, пока аэростатъ не придетъ въ равновѣсіе. Кругъ удерживается на землѣ тремя канатами, достаточно длинными для того, чтобы онъ могъ подняться настолько, чтобы можно было подвѣсить лодку. Остальные мѣшки съ балластомъ привѣшиваются къ кругу.

Приносятъ лодку, которая вмѣстѣ со всеѣмъ своимъ содержимымъ вѣситъ около 500 килограммовъ. Ее ставятъ на мѣсто и быстро прикрѣпляютъ къ кругу шестью веревками.

Андрэ въ послѣдній разъ осматриваетъ аэростатъ и сарай и убѣждается, что все готово.

Торжественный моментъ наступилъ...

Стриндбергъ, который былъ все время со мной въ большой дружбѣ, съ которымъ меня связывали одинаковыя чувства, проситъ меня передать его невѣстѣ послѣдніе фотографическіе снимки, которые мнѣ удастся сдѣлать. Онъ очень взволнованъ, но это не страхъ передъ грозящей ему опасно-

стью... его волнуютъ другія чувства, и мнѣ не трудно ихъ отгадать.

Когда увидитъ онъ снова эту очаровательную шведку, знакомую мнѣ по портрету, который онъ мнѣ такъ часто показывалъ и который онъ беретъ теперь съ собою?..

Сколько дней, мѣсяцевъ проведетъ она въ ожиданіи, не имѣя никакихъ извѣстій?..

Сколько волненій, тревогъ ждетъ ее?..

Но зато сколько счастья, когда онъ вернется увѣнчанный славой!.. Какія прочныя узы взаимной привязанности почерпнуть они въ этой долгой и тяжелой разлукѣ!..

О! какъ искренно я желаю имъ этого счастья!

Также очень взволнованный, я конвульсивно сжимаю руку этого друга, который оставляетъ то, что для него дороже всего въ мірѣ, ради науки, и обнимая его въ послѣдній разъ, обѣщаю исполнить его желаніе.

Онъ даетъ послѣднее письмо къ своей невѣстѣ и, стараясь побороть овладѣвающее имъ волненіе, присоединяется къ Андрэ и Френкелю, которые уже начали прощаться.

Андрэ благодаритъ всѣхъ членовъ экспедиціи за содѣйствіе, которое они оказали его предпріятію. Онъ передаетъ капитану нѣсколько телеграммъ, наскоро написанныхъ въ послѣднюю ми-

нуту; одна изъ нихъ обращена къ шведскому королю и состоитъ въ слѣдующемъ:

«Шпицбергенъ, 11 іюля, 2 ч. 25 м. пополудни.

«Въ моментъ своего отправленія въ путь члены экспедиціи къ сѣверному полюсу просятъ Ваше Величество принять выраженіе ихъ глубокой почтительности и живѣйшей благодарности.

«Андрэ».

Другая телеграмма посылается газетѣ Affbondsbladet въ Стокгольмѣ; она гласитъ:

«Согласно принятому рѣшенію, въ воскресенье въ девять часовъ тридцать пять минутъ мы начали дѣлать приготовленія къ воздухоплаванію и въ настоящій моментъ, въ два съ половиною часа пополудни мы совершенно готовы.

«Насъ, вѣроятно, отнесетъ на С. С. В., но мы надѣемся достигнуть мало-по-малу мѣстъ, гдѣ вѣтры будутъ намъ болѣе благоприятствовать.

«Отъ имени всѣхъ товарищей шлю намъ самый горячій привѣтъ друзьямъ и отечеству!

«Андрэ».

Послѣднее прощанье непродолжительно и трогательно: словъ мало, но взаимныя чувства лучше, чѣмъ въ словахъ, передаются въ крѣпкихъ сердечныхъ рукопожатіяхъ.

Вдругъ Андрэ вырывается изъ объятій друзей, всходитъ на балконъ лодки и рѣшительнымъ голосомъ зоветъ:

«Стриндбергъ... Френкель... Идемте!..»

Оба его спутника сейчасъ же подходятъ и становятся рядомъ съ нимъ. Всѣ трое вооружаются ножами, чтобы перерѣзать веревки, поддерживающія мѣшки съ балластомъ.

Когда это сдѣлано, капитанъ Эренсвердъ и лейтенанты Норселіусъ и Цельсингъ отдають своимъ матросамъ приказанія, которыя въ точности выполняются.

Ремни, находящіеся на экваторѣ, падаютъ сразу.

Аэростатъ, освободившись отъ этихъ оковъ, слегка колеблется; онъ выходитъ изъ состоянія оцѣпенѣнія, въ которомъ онъ, казалось, находился; онъ какъ бы ожилъ и старается освободиться отъ придерживающихъ его канатовъ.

Нужно подождать нѣсколько минутъ и воспользоваться затишьемъ для того, чтобы ему подняться.

Трое самыхъ ловкихъ матросовъ съ ножами въ рукахъ стоятъ наготовѣ, чтобы при данномъ сигналѣ перерубить канаты, которые удерживаютъ аэростатъ.

Здѣсь собрался весь экипажъ «Swensksund'a», а также матросы трехъ китоловныхъ судовъ, стоящихъ на якорѣ въ заливѣ Вирго.

Глубокая тишина царитъ въ эту торжественную минуту; слышно только какъ свиститъ врывающійся черезъ щели вѣтеръ и какъ развѣвается парусина, которой обтянутъ сарай съ южной стороны.

На палубѣ судна «Swensksund»: Френкель, Андрэ, Сведенборгъ, Стриндбергъ.

Въ лодкѣ стоятъ трое героевъ, поражающіе своимъ хладнокровіемъ.

Андрэ — все тотъ же спокойный, холодный, безстрастный человѣкъ; ничего, кромѣ выраженія твер-

дой рѣшимости и непреклонной воли, нельзя прочесть на его лицѣ.

Именно такой человекъ долженъ руководить подобнымъ предпріятіемъ; онъ впрочемъ имѣеть достойныхъ помощниковъ въ своихъ энергичныхъ спутникахъ.

Наступаетъ рѣшительный моментъ:

«Разъ!.. два!.. Рубите!.. кричитъ по шведски Андрэ. Матросы моментально исполняютъ приказаніе и воздушный корабль, свободный отъ всякихъ оковъ, величественно поднимается въ воздухъ, привѣтствуемый нашимъ громкимъ ура.

Всѣ бросаются къ дверямъ, чтобы выйти изъ сарая; мнѣ удается пройти однимъ изъ первыхъ черезъ потайное отверстіе, которое я оставилъ для себя, подбѣжать къ своему фотографическому аппарату и сдѣлать нѣсколько снимковъ.

Обремененный тяжелыми веревками, которыя онъ поднимаетъ, аэростатъ не достигаетъ даже высоты 100 метровъ.

Его увлекаетъ вѣтеръ.

Позади горы, защищавшей насъ, свирѣствуетъ вихрь; этотъ вихрь оказываетъ вліяніе на аэростатъ, который быстро опускается и направляется къ морю. Это обстоятельство, которое мы предвидѣли, но которое не всѣ могутъ себѣ объяснить въ первый моментъ, вызываетъ у нѣкоторыхъ сильное волненіе; матросы бросаются къ лодкамъ,

чтобы спасти воздухоплавателей, которые, какъ имъ кажется, падаютъ въ море. Но ихъ тревога

К Френкель.

непродолжительна; опускание быстро прекращается, и едва лодка касается воды, аэростатъ снова подымается.

Къ сожалѣнію нижнія части канатовъ, идущихъ

отъ снастей, которыя должны были отдѣлиться въ случаѣ, еслибы онѣ зацѣпились за что-нибудь на землѣ, остались на берегу; когда аэростатъ поднимался, эти веревки были задержаны большими камнями. Но Андрэ имѣетъ чѣмъ замѣнить эту потерю, такъ что это обстоятельство не можетъ имѣть важнаго значенія.

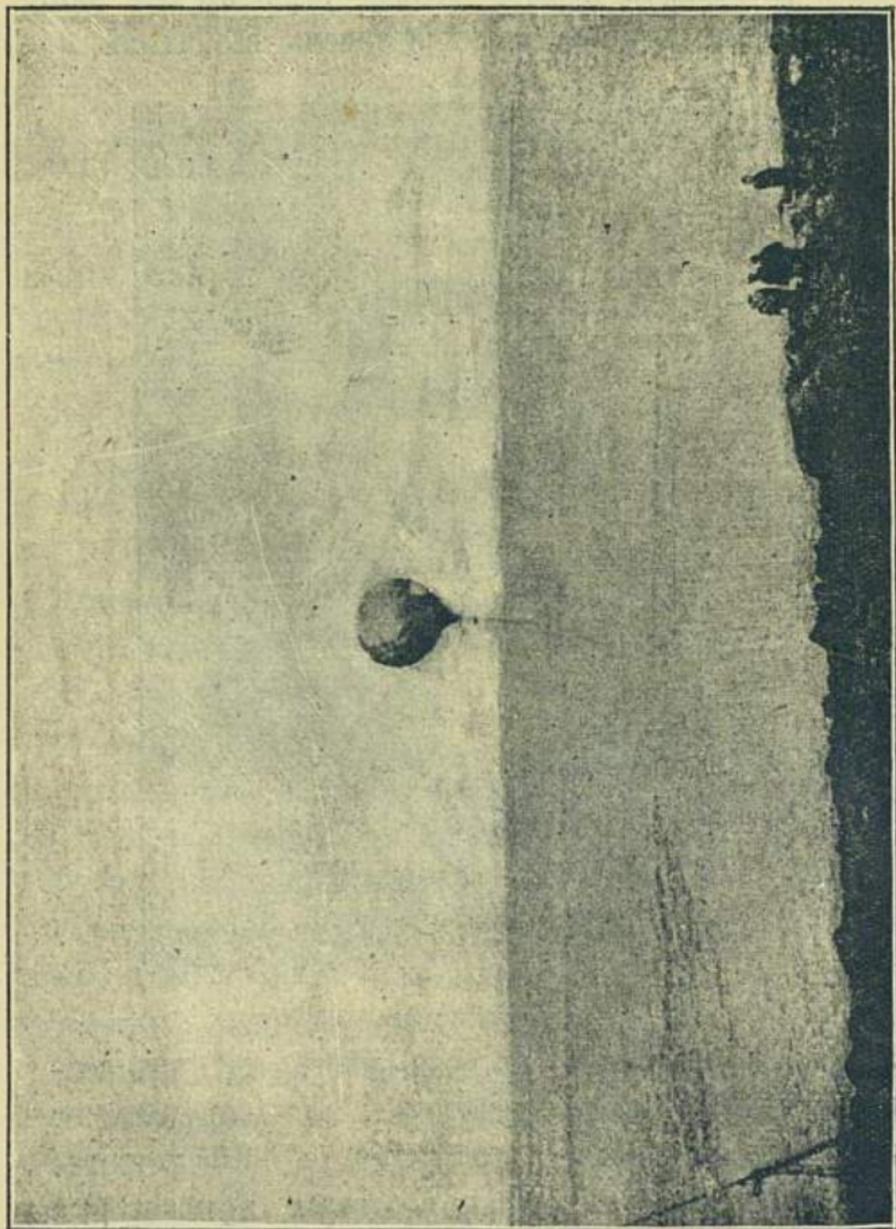
Мы всѣ стоимъ на берегу, усѣянномъ скалами и камнями и съ волненіемъ слѣдимъ за различными фазами этого поразительнаго воздушнаго путешествія.

Аэростатъ, прійдя въ равновѣсіе на высотѣ около 50 метровъ надъ уровнемъ моря, быстро удаляется; веревки снастей скользятъ по водѣ, оставляя за собой широкую борозду, подобную той, какую оставляетъ пароходъ.

Положеніе аэростата намъ кажется очень хорошимъ; мы обмѣниваемся послѣдними привѣтствіями съ нашими друзьями, — машемъ платками и шапками.

Вскорѣ мы уже не различаемъ аэронавтовъ, но видимъ, что они натягиваютъ паруса, а потомъ замѣчаемъ измѣненіе направленія шара.

Аэростатъ несется теперь прямо къ сѣверу; движеніе его очень быстро, несмотря на сопротивленіе, которое оказываютъ волочащіяся веревки; его скорость опредѣляютъ приблизительно въ 30—35 километровъ въ часъ. Если онъ сохранитъ свою

Видъ аэростата сейчасъ же послѣ его поднятiя.

первоначальную скорость и направление то может достигнуть полюса меньше, чѣмъ въ два дня.

Воздушный шаръ кажется теперь величиной въ

А. Машюровъ.

лицо. На горизонтѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ долженъ пройти, видно препятствіе: это—продолженіе цѣпи горъ, имѣющихъ высоту около 100 метровъ. Аэростатъ кажется близко отъ горы, и нѣкоторые

матросы, которые никогда не видѣли подъема аэростата, волнуются и боятся, что онъ наткнется на нее. Я ихъ успокаиваю; аэростатъ находится далеко еще отъ горы и перелетитъ черезъ нее, не выбрасывая даже балласта.

Аэростатъ носится все время на одной и той же высотѣ, такъ какъ онъ поддерживается веревками снастей. Около цѣпи горъ вѣтеръ подымается выше, чтобы перенестись черезъ нихъ; аэростатъ полетитъ по теченію вѣтра; онъ бы рисковалъ натолкнуться на препятствіе только въ томъ случаѣ, если бы онъ опускался, но этого нѣтъ. Съ другой стороны, веревки снастей раньше всего падаютъ на скалы, что облегчаетъ аэростатъ, который постепенно поднимается.

Мы видимъ, какъ онъ перелетаетъ черезъ вершину горы, держится еще нѣсколько минутъ въ голубомъ небѣ, спускается за гору и, наконецъ, исчезаетъ изъ нашихъ глазъ.

Взволнованные, мы стоимъ неподвижно на берегу и тревожно смотримъ на небо.

Еще на одну минуту между двумя горами далеко, очень далеко, показывается сѣрая точка и, наконецъ, окончательно исчезаетъ.

Путь къ полюсу открытъ; нѣтъ больше препятствій; море, ледъ и... неизвѣстность!.. На одну минуту нами овладѣваетъ оцѣпенѣніе. Инстинктивно мы молча приближаемся другъ къ другу.

Ничего!.. ничего не видно вдали, что бы дало намъ знать, гдѣ теперь наши друзья; ихъ окружаетъ тайна.

«Счастливаго пути, герои ученые!.. Наши самыя горячія пожеланія сопровождаютъ васъ. Да поможетъ вамъ Богъ!

«Честь и слава вашимъ именамъ!»

А. Машуронъ.

Депеша Андрэ.

Только что намъ сообщили депешу Андрэ, указывающую путь отважнаго изслѣдователя. Мы воспроизводимъ ее вмѣстѣ съ переводомъ и рисункомъ футляра, въ которомъ она находилась.

Från Andréés Polarexpedition
till Aftonbladet, Stockholm

d. 13 juli
kl. 12 30 midn.
Lat. $82^{\circ} 2'$
Long $15^{\circ} 5'$ öst.
god fart åt
ost 10° syd.
Allt väl
ombord.
Betta av
Fridje duf-
posten.
o. Andree

1)

„Von Andréés Polarexpedition an Aftonbladet Stockholm. 13 Juli, 12 Uhr 30 Mittags, $82^{\circ} 2'$ n. Br. $15^{\circ} 5'$ östl. L. Gute Fahrt nach Ost 10° Süd. An Bord Alles wohl. Dies ist meine dritte Taubenpost. Andree“.

1) Полярная экспедиція Андрэ газетъ Aftonbladet. Стокгольмъ.

13 июля, $12^{\frac{1}{2}}$. $82^{\circ} 2'$ сѣверной широты,

15°5' восточной долготы. Идемъ на востокъ 10° на югъ. На аэростатѣ все благополучно. Это третья депеша голубиной почтой.

« Андрэ ».

По распоряженію морского министра послано судно на поиски экспедиціи Андрэ. На немъ находится запасъ провіанта на шесть мѣсяцевъ. Мы не сомнѣваемся, что оно привезетъ весною Андрэ и его смѣлыхъ спутниковъ..., которые по всѣмъ вѣроятіямъ проводятъ теперь зиму на льду.

(Примѣчаніе издателя).

рек.

Кл. 953
119

1958

ГПБ Русский фонд

17.128.3.11